

ФЕДЕРАЛЬНАЯ СЛУЖБА ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ
АКАДЕМИЯ ПРАВА И УПРАВЛЕНИЯ

ПРИКЛАДНАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

№ 1 (34)
2016

Научный журнал
Издается с декабря 2007 года
Выходит четыре раза в год

Распространяется на территории Российской Федерации.

Подписной индекс в каталоге «Роспечать» – 71617.

Представлен в системе Российского индекса научного цитирования (www.elibrary.ru). Включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-37860 от 15.10.2009.

Учредитель – федеральное казенное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний» (федеральное казенное образовательное учреждение высшего образования «Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний»).

Соучредитель: Высшая школа психологии (Институт) Главный редактор Д. В. Сочивко

Все права защищены. Полная или частичная перепечатка авторских материалов только с письменного разрешения редакции журнала.

Редакция не всегда разделяет мнение авторов.

За содержание рекламных материалов редакция ответственности не несет.

Авторские материалы рецензируются и не возвращаются.

В случае необходимости доработки статей редакция связывается с авторами по электронной почте.

Ссылка на журнал «Прикладная юридическая психология» обязательна.

Адрес редакции и издателя:

E-mail: alp_journal@mail.ru.

390000, Рязань, ул. Сенная, д. 1.

Тел. (факс): +7 903 839-65-94.

Дата выхода в свет 28.03.2016. Формат 60x90/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Печ. л. 9,5.

Усл. печ. л. 9,5.

Тираж 1500 экз. Заказ № . Цена свободная.

Отпечатано в АО «ПРИЗ».

390010, г. Рязань, пр-д Шабулина, д. 4.

© Академия ФСИН России, 2016

© «Прикладная юридическая психология», 2016

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор – Д. В. Сочивко,
доктор психологических наук,
профессор, Рязань

Зам. главного редактора – Т. Н. Савченко,
кандидат психологических наук,
доцент, Москва

Зам. главного редактора – И. В. Блиникова,
кандидат психологических наук,
доцент, Москва

Зам. главного редактора – Е. Н. Богданов,
доктор психологических наук,
профессор, Москва

Ответственный секретарь – Е. А. Щелкушкина,
кандидат психологических наук,
Рязань

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

И. А. Алехин, доктор педагогических наук,
профессор, Москва

С. К. Бондырева, академик РАО,
доктор психологических наук,
профессор, Москва

А. Л. Журавлев, член-корреспондент РАН,
доктор психологических наук, профессор,
Москва

А. В. Датий, доктор медицинских наук, Рязань

М. Г. Дебольский, кандидат психологических
наук, доцент, Москва

А. А. Крымов, доктор юридических наук,
доцент, Рязань

И. Д. Лельчицкий, доктор педагогических наук,
профессор,
Москва

С. Н. Максимов, доктор юридических наук,
доцент, Москва.

М. И. Марьин, доктор психологических наук,
профессор, Москва

А. В. Молоствов, кандидат психологических
наук, Липецк

Н. Н. Нечаев, академик РАО,
доктор психологических наук,
профессор, Москва

А. Н. Пастушеня, доктор психологических наук,
профессор, Республика Беларусь

А. В. Пищелко, доктор педагогических наук,
профессор, Москва

В. М. Поздняков, доктор психологических наук,
профессор, Москва

Н. А. Полянин, кандидат психологических наук,
Рязань

В. Ю. Рыбников, доктор медицинских наук,
доктор психологических наук,
профессор, Санкт-Петербург

ТЕМА НОМЕРА:

патриотизм и профессиональное развитие личности

движение вперед

патриотизм

развитие

СОДЕРЖАНИЕ

Методология и теория юридической психологии	
Психологические аспекты патриотизма. <i>Юревич А. В.</i>	5
Психология как ресурс воспитания патриотизма курсантов и студентов. <i>Купцов И. И., Аксенова Г. И., Аипова М. М.</i>	21
Ценностные основания профессиональной подготовки психологов. <i>Краснощеченко И. П.</i>	29
Прикладные и экспериментальные исследования	
Социально-психологические особенности обвиняемых и потерпевших по делам об изнасиловании малолетних. <i>Иванов А. В., Фаткутдинов З. М.</i>	38
Психологические предикторы интервала рецидивности. <i>Булыгина В. Г., Дубинский А. А., Белякова М. Ю., Лысенко Н. Е.</i>	44
Социально-психологические установки и ценности в контексте профессионального развития юристов. <i>Пухарева Т. С.</i>	53
Представления осужденных о справедливости в правовом контексте. <i>Сучкова Е. Л.</i>	61
Психология социальных явлений и качества жизни	
Возникновение и развитие виктимологии как науки о поведении жертвы: исторический экскурс. <i>Аракелян К. Н.</i>	70
Возможности типологизации социально-психологических и уголовно-исполнительных характеристик осужденных за преступления экстремистской направленности. <i>Казберов П. Н.</i>	75
Психопрактики	
Отставание в психическом развитии, не связанное с психическим расстройством, как основание и условие освобождения от уголовной ответственности несовершеннолетних. <i>Голдобина В. С.</i>	81
В помощь руководителю	
Психодиагностические маркеры феномена недоверия у сотрудников уголовно-исполнительной системы. <i>Болдырев А. В., Болдырева Т. А., Тхоржевская Л. В.</i>	88
Научная жизнь	
Подготовка квалифицированных психологов для отечественной уголовно-исполнительной системы: история и современные тенденции. <i>Поздняков В. М.</i>	95
Значение раннего научного опыта профессора В. Г. Деева для уголовно-исполнительной системы в современных условиях. <i>Пономарев С. Н.</i>	102
В помощь молодому ученому-исследователю	
Психосемантический анализ индивидуального правосознания сотрудников органов внутренних дел: опыт лонгитюда. <i>Иванова А. М., Ковальчук И. А.</i>	108
Dura lex sed lex	
Вегетативное обеспечение специальной работоспособности стрелков-пистолетчиков. <i>Похачевский А. Л., Смолев С. М., Строилов С. В., Гурский А. В.</i>	116

CONTENTS

Topic of the issue:

Patriotism and person's professional development

Methodology and theory of legal psychology

Psychological aspects of patriotism. **Yurevich A. V.** 121

Psychology as a resource for patriotism's forming in students of military schools and universities. **Kuptsov I. I., Aksenova G. I., Aipova M. M.** 123

Value basis of professional education of psychologists. **Krasnoschechenko I. P.** 124

Applied and experimental researches

Socio-psychological peculiarities of the accused and juvenile rape victims. **Ivanov A. I., Fatkutdinov Z. M.** 126

Psychological predictors of "recidivism interval". **Bulygina V. G., Dubinsky A. A., Belyakova M. Yu., Lysenko N. E.** 128

Social and psychological attitudes and values in the context of lawyers' professional development. **Pukhareva T. S.** 131

Convicts' notions of justice in the legal context. **Suchkova E. L.** 133

Psychology of social phenomena and life quality

The origin and development of victimology as a science on victim's behavior: historical excursus. **Arakelyan K. N.** 134

Possibility to set up a typology of socio-psychological and penal characteristics of convicted of crimes of extremist nature. **Kazberov P. N.** 136

Psychopractices

Lagging in mental development not related to mental disorder as the basis and condition for juveniles' exclusion from criminal liability. **Goldobina V. S.** 139

Assistance to administrators

Psychodiagnostic markers of phenomenon of distrust in employees of the correctional system. **Boldyrev A. V., Boldyreva T. A., Thorzhevskaya L. V.** 141

Assistance to young scientists

Psychosemantic analysis of individual legal conscience of law enforcement officials: longitudinal study. **Ivanova A. M., Kovalchuk I. A.** 143

Dura lex sed lex

Vegetative support of pistol-shooters' special working capacity of. **Pokhachevskiy A. L., Smolev S. M., Stroilov S. V., Gurskii A. V.** 145

УДК 159.9:172.1

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПАТРИОТИЗМА*

А. В. Юревич

Реферат: по мнению автора статьи, патриотизм при всей его идеологической нагруженности и обилии связанных с ним бытовых ассоциаций должен быть объектом научного изучения, в котором в настоящее время чувствуется острая потребность. Отчетливо выражен и психологический аспект этой проблемы. Автор показывает, что патриотизм — многосоставное понятие и явление, а основными составляющими его ядра выступают: 1) чувство любви к Родине; 2) готовность приносить в жертву личные интересы общественным; 3) соответствующее поведение; 4) идентификация со своей страной, ее историей и народом. При этом соответствующие компоненты патриотизма неоднозначны и находятся в непростых отношениях друг с другом, что усложняет понимание патриотизма и его применение к различным ситуациям, которые разбираются в статье. Рассматриваются также результаты эмпирических исследований патриотизма, проясняющих это понятие, демонстрирующих важные свойства и специфику российского патриотизма, позволяющих сформулировать ряд его закономерностей.

Ключевые слова: патриотизм, основные компоненты, любовь к Родине, поведение, личные и общественные интересы, альтруизм, идентификация, эмпирические исследования, закономерности.

Понятие патриотизма

Проблема патриотизма, точнее комплекс связанных с ним проблем, все более явно попадает в нашей стране в фокус общественного сознания, что связано и с традиционно большой значимостью патриотизма для нашего общества, и с попытками ее отрицания псевдолиберальной идеологией 1990-х годов, и с острой потребностью в общенациональной идее, и с обострением отношений нашей страны с Западом, и с очевидными недостатками отечественной системы воспитания, и с другими подобными факторами. Важнейшей проблемой духовной жизни нашей страны является возрождение ценностей и идей, среди которых главной была и остается идея патриотизма. В современных российских условиях, когда происходят изменения практически во всех сферах социально-экономической, политической и духовной жизнедеятельности, только она, став объединяющей силой, может способствовать возрождению национальных ценностей и традиций российского общества, выходу нашей страны из состояния затянувшегося поиска основ своего существования [11]. Отдается должное и тому, что «патриотический потенциал — это фактор жизнеспособности индивида, социальной группы и общества» [11, с. 49], «патриотизм выступает в качестве одного из факторов развития об-

* Статья подготовлена при поддержке РНФ, грант № 14-18-0327.

© Юревич А. В., 2016

щества, атрибутов его жизнеспособности» [10, с. 107]. И действительно, как свидетельствует история, он позволяет выживать народам и государствам в самые критические периоды их истории, а гибель империй обычно начинается с ослабления патриотизма их граждан. Акцентируется, что для государства популяризация патриотических настроений является объективной потребностью на пути укрепления национального единства и безопасности в полиэтническом и полирелигиозном пространстве [2], то есть патриотизм рассматривается как альтернатива межнациональной и межрелигиозной розни. Патриотизм как любовь к общему Отечеству становится залогом взаимной терпимости, уважения и мирного сосуществования, что он служит препятствием для формирования экстремистских настроений, шовинизма, утверждения национальной исключительности [2]. Становится все более очевидным, что только высокая патриотическая идея, идея государственности и есть тот каркас, то основание, на котором может выстраиваться духовность нашего общества, наращиваться потенциал его возрождения и устойчивого развития [10].

В настоящее время патриотизм является самым активно развивающимся направлением общественной мысли [2]. При этом отчетливо проявляется тот факт, что патриотизм, при всей эмоциональности и публицистичности связанных с ним ассоциаций, может и должен быть объектом научного, причем междисциплинарного, изучения, в системе которого видная роль должна принадлежать и психологической науке. В свою очередь, трактовка патриотизма

в рамках обыденного сознания, перенос в науку закрепленных за этим понятием бытовых и идеологических ассоциаций препятствуют собственно научному изучению этого очень непростого и неоднозначного явления. В результате отчетливо обозначается *потребность в собственно научном анализе патриотизма*.

Вместе с тем отмечается, что «патриотизм — слово, вызывающее в целом позитивные эмоции у большинства россиян, но «заезженное» и не всегда правильно понимаемое» [11, с. 48]. В частности, патетические воззвания о любви к Родине и величии русского народа вряд ли возможно принимать как должное проявление патриотизма [11]. Очевидно, подобные вербальные проявления патриотизма должны сопровождаться его поведенческими и прочими проявлениями. Патриотизм — единый по своей сущности — в то же время многообразен в своем проявлении и осуществлении, следовательно, можно сделать вывод о спектральности, значительном разбросе точек зрения в отношении данного феномена [10]. Исследователи также подчеркивают, что все большее распространение приобретает взгляд на патриотизм как на важнейшую ценность, интегрирующую не только социальный, но и духовный, нравственный, культурный, исторический и другие компоненты [10]. При этом «до сих пор не определено конкретное содержание патриотизма как ценности, не исследована ее взаимосвязь с другими близкими ей ценностями, явно недостаточное внимание уделяется изучению реального проявления патриотизма в системе взглядов, позиций, ценностных ориентаций,

и особенно в процессе социализации и деятельностной реализации личности, социальной группы в условиях современной России» [10, с. 102], а одним из шагов на пути к решению проблемы самоидентификации российского социума должно стать обсуждение вопроса о сути патриотизма, его соотношении с национализмом, шовинизмом, интернационализмом и космополитизмом [10]. Иными словами, эта проблема (при всей ее важности для общества и для самых разных научных дисциплин) находится лишь на первых стадиях ее научной проработанности. И что особенно важно отметить в контексте ее психологического анализа — «патриотизм можно определить как сложный, социально-нравственный принцип и морально-психологическое чувство» [10, с. 145], психологический уровень патриотизма является его основой, фундаментом, от прочности которого зависит возможность возведения теоретической надстройки [10].

Нет недостатка в определениях патриотизма. Например, в нашем понимании патриотизм — это «искренняя и бескорыстная любовь гражданина к своей стране, ее многонациональному народу, уважительное отношение к культуре, традициям и историческому прошлому России. Патриотизм — это последовательная и твердая защита законных интересов и прав всего российского народа и каждого гражданина, национально-государственных интересов нашей страны. Патриотизм — это реальные действия, направленные на достижение благополучия каждого гражданина России и всей страны в целом. Патриотизм — это любовь к Родине, преданность своему Отечеству,

стремление служить его интересам и готовность к его защите вплоть до самопожертвования» [11, с. 33].

По мнению В. В. Путина, настоящий патриотизм — это «глубокое осознание личной причастности к судьбе страны, гражданская ответственность и стремление посвятить России, своим согражданам свой талант, готовность всегда быть со своей Родиной и в минуты торжества, и в периоды испытаний и невзгод» [цит. по: 10, с. 107].

Д. А. Медведев называет патриотизм одной из пяти главных ценностей российского народа. По его мнению, патриотизм — это «вера в Россию, глубокая привязанность к родному краю, к нашей великой культуре» [13].

В Концепции патриотического воспитания граждан Российской Федерации патриотизм определяется как «любовь к Родине, преданность своему Отечеству, стремление служить его интересам и готовность, вплоть до самопожертвования, к его защите» [цит. по: 10, с. 20–21].

Исследователи патриотизма отмечают, что «такие характеристики, как верность своей стране, уважение к ее истории и традициям, внимание к достижениям народов в прошлом и настоящем составляют ядро государственного понимания патриотизма» [2, с. 69].

Патриарх Кирилл подчеркивает, что ядро истинного патриотизма — «стремление приносить пользу не только себе лично, но и содействовать благу других и, в первую очередь, благу своего Отечества» [цит. по: 2, с. 69]. Важными чертами истинного патриотизма он также считает жертвенность, искреннюю веру, самоотверженное служение Богу, Отечеству и ближним [2]. В Основах соци-

альной концепции Русской Православной Церкви, утвержденных на состоявшемся в 2000 г. в Москве Архиерейском соборе, перечисляются конкретные формы выражения патриотизма: защита Отечества от неприятеля, труд на благо отчизны, забота об устройении народной жизни, в том числе путем участия в делах государственного управления, сохранение и развитие национальной культуры, народного самосознания [2]. Выделяются и такие первостепенные слагаемые патриотизма, как любовь в Родине, готовность пожертвовать во имя ее блага собственными интересами, уважение и почитание истории своей страны [2].

В Википедии патриотизм определяется как «нравственный и политический принцип, социальное чувство, содержанием которого является любовь к Отечеству и готовность подчинить его интересам свои частные интересы. Патриотизм предполагает гордость достижениями и культурой своей Родины, желание сохранять её характер и культурные особенности и идентификация себя (*особое эмоциональное переживание своей принадлежности к стране и своему гражданству, языку, традициям*) с другими членами народа, стремление защищать интересы Родины и своего народа» [9].

Подчеркнем в связи с этим, что привычного в быту понимания патриотизма как *любви к Родине* явно недостаточно. Он предполагает также ряд других компонентов, в первую очередь *поведенческий* — готовность действовать на благо Родине даже в ущерб своим личным интересам, то есть своего рода патриотический альтруизм, не только абстрактную готовность совершать соот-

ветствующие действия, но и их реальное совершение: «Истинный патриотизм — это любовь к Родине в действии» [10, с. 100]. Возможно, различные компоненты патриотизма можно свести к одному — *преданности человека своей Родине*, однако в целях его аналитического изучения целесообразно не укрупнять, а, наоборот, дифференцировать это понятие. И в качестве основных составляющих ядра патриотизма, на которые наслаиваются его многочисленные компоненты, можно выделить: 1) чувство любви к Родине; 2) готовность приносить в жертву личные интересы общественным; 3) соответствующее поведение; 4) идентификацию со своей страной, ее историей и ее народом, то чувство, что «это моя страна, моя история и мой народ!».

Компоненты патриотизма

Если судить по приведенным определениям, то патриотизм — многосоставное понятие. В связи с этим возникает ряд вопросов: следует ли считать патриотом только человека, которому свойственны все основные признаки патриотизма или же достаточно какого-либо одного (или нескольких) из них, а также как быть в тех случаях, когда различные слагаемые патриотизма рассогласуются друг с другом? За многосоставным понятием патриотизма стоит и многосоставное явление. «Патриотизм — многогранное и многоаспектное явление, представляющее сложный комплекс свойств и характеристик, по-разному проявляющихся на различных уровнях социальной системы» [10, с. 60]. В частности, в психологической науке это явление не может быть описано какой-либо одной из

психологических категорий, а предполагает комплекс таких категорий, как чувства, установки, переживания, отношения, идентификация, поведение и др. В чувстве патриотизма находит выражение «широкий спектр потребностей, интересов, идеалов, вкусов, а также черт и особенностей психологического склада людей, их менталитета и смысложизненных ориентаций, например, установки подлинного коллективизма, трудолюбия и трудовой самоотдачи, здорового конформизма и толерантности, чести, достоинства и служения долгу... В состоянии патриотического сознания без труда вычлняются базовые общественно-психологические состояния, характерные для конкретной национально-культурной общности людей, их доминантные чувства, эмоции, умонастроения, амбиции и приоритеты, общественные настроения, воинственность и миролюбивость, отношение к природе и наследию прошлого, исторический опыт и связь поколений» [10, с. 362–363]. Вместе с тем, подобно установкам, оно может быть описано на тех же, что и установки, уровнях: когнитивном, эмоциональном и поведенческом. В. А. Кольцова и В. А. Соснин подчеркивают, что и воспитание патриотизма включает когнитивный (знания), эмотивный (чувства) и поведенческий (готовность к действию) аспекты [4, с. 89].

Вызывают вопросы и отдельные слагаемые патриотизма. Вроде бы очевидное понятие «Отечество» становится непростым в эпоху интенсивных миграций населения, появления немалого количества личностей, которые считают себя «гражданами вселенной» (такое самосознание было характерным,

например, для К. Маркса), и других подобных факторов. В связи с этим новую остроту приобретает неновый вопрос о возможности эмигрантского патриотизма.

Понятие любви к Отечеству является очень сложным и неоднозначным. В психологических текстах любовь определяется, например, как «высокая степень эмоционально положительного отношения, выделяющего его объект среди других и помещающего его в центр жизненных потребностей и интересов субъекта (любовь к матери, детям, родине, музыке и т. д.)». При этом отмечается, что «в качестве родового понятия любовь охватывает достаточно широкий круг эмоциональных явлений, различающихся глубиной, силой, предметной направленностью и др., — от сравнительно слабо выраженных одобрительных отношений до целиком захватывающих человека переживаний, достигающих силы страсти» [7, с. 138]. Иными словами, любовь — это не чувство, которое либо присутствует в полном объеме, либо полностью отсутствует, возможны и разные виды любви, и ее различная интенсивность.

Так с какой же силой надо любить Отечество, чтобы считаться патриотом, и возможны ли разные градации патриотизма в зависимости от этой силы? Такая слагаемая патриотизма, как «гордость достижениями и культурой своей Родины», не вызывает возражений (хотя у разных людей существуют различные представления о том, что следует считать ее достижениями), если речь идет о высокой культуре. Однако можно ли отказать в статусе патриота человеку, который негативно относится к ее бытовой культуре, например, к

нашей так называемой национальной традиции материться, плевать и бросать окурки в общественных местах?

Еще больше осложняется ситуация, когда патриоту предписывается гордиться историей своей Родины. Должен ли он гордиться всей ее историей? Ведь в нашей российской истории много предметов для гордости, но есть и такие моменты, которыми трудно гордиться.

Например, опрос, проведенный в 1990-е годы в Санкт-Петербурге, показал, что жители этого города гордились 82 событиями и стыдились 92 из предложенных им для оценки отечественной истории. Причем положительные чувства преобладали в оценке дореволюционной истории (46 событий, получивших положительную оценку, и 14 — оцененных негативно), в то время как советская история значительно реже вызывала чувство гордости (26 событий, вызывающих чувство гордости, и 40 — чувство стыда). Наибольший перекося в сторону негативных оценок порождала новейшая история, к которой были отнесены события, происходившие в период перестройки и наших дней (напомним, что опрос проводился в 1990-е годы). В данном случае только 10 событий вызвали чувство гордости и 38 — чувство стыда. Среди событий, вызывавших чувство гордости наших сограждан, явные лидеры (по числу оценок) — Великая Отечественная война и события, связанные с ней, наша военная история в целом, достижения советской науки, включая освоение космоса, Отечественная война 1812 г. Среди событий, вызывавших чувство стыда, — период сталинизма, революционная история

в целом, включая Октябрьскую революцию, распад СССР, события октября 1993 г., межнациональные конфликты. С чувством гордости петербуржцы вспоминали также «петровские победы», «реформы Петра Великого», «царствование Екатерины Великой», «правление Елизаветы», «сталинскую твердую руку» и др. Противоположные чувства у них вызывали «сталинские репрессии» (не будем забывать про противоречивость российского менталитета и обилие прямопротивоположных оценок одних и тех же событий), «хрущевская кукуруза», «брежневский застой», «царствование Михаила Сергеевича», «ельцинский переворот» и т. п. [8, с. 115].

Опрос, проведенный в 2011 г., продемонстрировал, что 77% наших сограждан испытывали чувство стыда за современное состояние нашей страны, не принимая тот социально-экономический уклад, который возник в результате реформ 1990-х годов, выражая неудовлетворенность сложившимися «порядком вещей», «правилами игры», «хозяйственным механизмом» и т. д., которые представлялись опрошенным «не только несправедливыми, но и позорными» [1, с. 66].

Подчеркнем также, что оценка нами исторических событий во многом опосредована нашим знанием истории, и мы гордимся или стыдимся теми ее фрагментами, которые знаем, что, конечно, во многом predeterminedено преподнесением истории в отечественной системе образования. Так, например, царь Иоанн III, при котором было ликвидировано татаро-монгольское иго, отвоевана значительная часть исконно русских территорий, завоеванных

Литвой, сделаны новые территориальные приобретения и фактически создано Российское государство [3], остается мало известной фигурой для наших сограждан, хотя этим периодом нашей истории мы могли бы гордиться. В целом не только определенное отношение к истории своего народа, но и знание ее, интерес к ней вполне заслуживают включения в число основных элементов патриотизма. «Огромное значение для формирования патриотического сознания имеет история Отечества, являющаяся необходимым элементом духовно-нравственной природы патриотизма» [10, с. 116].

Заслуживает внимания такой упомянутый в Основах социальной концепции Русской Православной Церкви элемент патриотизма, как уважение и почитание истории своей страны. Уважение к истории предполагает не только ее знание, но и понимание, умение видеть ее фрагменты не в черно-белом свете (З. В. Сикевич отмечает, что для значительной части наших сограждан характерно черно-белое восприятие действительности, жесткое и нетерпимое [16, с. 117]), выделение даже в негативных событиях позитивных сторон, восприятие нашего народа как жертвы негативных событий и «историческое сострадание» с ним, идентификация с историей своего народа. Видимо, такое эмоциональное вовлеченное восприятие отечественной истории во всех ее светлых и темных сторонах более характерно для истинного патриота, чем идентификация с нашими победами и эмоциональное отвержение поражений. В свою очередь, содержащиеся в определениях патриотизма упоминание идентификации себя с «дру-

гими членами народа» [9], с народом в целом, можно дополнить идентификацией с его историей.

Такой атрибут патриотизма, как желание сохранять характер и культурные особенности своей Родины, порождает вопрос о том, можно ли считать патриотами радикальных реформаторов, видящих отсталость своей страны и стремящихся радикально изменить ее социально-политическое устройство. Конечно, проще всего отнести к патриотам лишь тех реформаторов, которые осуществляют реформы действительно во благо Родины (а не руководствуются, скажем, какими-либо корыстными целями) и проводят их на фоне бережного отношения к национальной культуре. Однако это не всегда получается даже у наиболее благонамеренных реформаторов, а, например, реформы Петра I, которому трудно отказать в патриотизме, далеко не всегда были «щадящими» по отношению к ней (следует вспомнить и то, что во время правления этого монарха население России сократилось на треть).

Непросто обстоит дело и с таким часто выделяемым атрибутом патриотизма, как вера в свою страну, в то, что она преодолет все свои основные трудности, и ее ожидает замечательное будущее. Подобный атрибут — скорее функция не патриотизма, а оптимизма. Вполне возможно (и нередко встречается) такое явление, как патриот-пессимист, любящий свою страну, остро переживающий за нее, но не разделяющий оптимистичного образа ее будущего. Можно ли таких людей вычеркивать из числа патриотов?

Естественно, в основе патриотизма лежит образ своей Родины, кото-

рый у разных людей, в том числе и истинных патриотов, всегда различен. В частности, горячая любовь к Родине может сочетаться с весьма критическим отношением к ней, ее социально-политическому устройству, внешней и внутренней политике и т. п. В таком случае можно говорить о «критическом патриотизме», если, конечно, критическое отношение к своей стране связано с желанием сделать ее лучше, а не, как принято говорить, ее «очернить».

В то же время наибольшие сложности возникают в связи с различием когнитивного, эмоционального и поведенческого аспектов патриотизма, как и в целом при разделении этих трех аспектов социальных установок. Если патриотизм сводится только к своему вербальному компоненту, например, человек повсеместно твердит о своей любви к Родине, но не переживает за нее, не идентифицирует себя с ней и ведет компрадорский образ жизни (что характерно для многих наших чиновников и политиков и выразимо, в частности, формулой: «да, ворую, но Родину люблю»), то такой «вербальный» (можно его назвать также показным и т. п.) патриотизм вряд ли можно считать истинным. Труднее обстоит дело в тех случаях, когда на вербальном уровне человек проявляет установки, которые выглядят непатриотическими, но героически погибает за Родину на поле боя. Или когда то же самое совершает человек, не имеющий выраженного эмоционального отношения к своей Отчизне. В подобных ситуациях, видимо, поведенческий компонент патриотизма «перевешивает» два других, а в экстремальных ситуациях могут проявляться скрытые па-

триотические установки и настроения, которые не выражены в более спокойных условиях.

При этом в истории поведенческий компонент патриотизма у разных социальных групп может иметь прямо противоположную направленность. Например, по мнению современных исследователей, патриотизм был свойственен многим представителям как Красной армии, так и Белого движения, и «сегодня, спустя почти век со времени великого раскола России, вряд ли правомерно отказывать в патриотизме тем нашим соотечественникам, которые потерпели поражение в борьбе за ее иное будущее» [10, с. 255].

Однако и поведенческий компонент патриотизма может не быть решающим, если, например, чувство страха и инстинкт самосохранения перевешивают другие чувства, и истинные патриоты бегут с поля боя, что не раз случилось в истории разных стран и народов. Вышеупомянутый Иоанн III, по свидетельствам историков, демонстрировал странное, если не сказать трусливое поведение в преддверии решающей битвы с татаро-монголами (нерешительность, поиск мира с неприятелем, отъезд от войска в Москву, переселение жены в отдаленные северные земли и т. д.), что не помешало победить их, не потеряв ни одного воина и зарекомендовать себя в истории России как истинного патриота. По словам Н. М. Карамзина, «несмотря на благоразумные меры, взятые Иоанном для избавления Государства от злобы Ахматовой, несмотря на бегство неприятеля, на целостность войска и Державы, Московитяне, веселяся и торжествуя не были совершенно довольны Государем, ибо ду-

мали, что он не явил в сем случае свойственного великим душам мужества и пламенной ревности жертвовать собой за честь, за славу отечества» [3, с. 300]. Патриотизм не тождествен героизму, хотя многие герои совершают свои героические поступки из патриотических побуждений. Возможен как патриотизм без героизма, так и наоборот, героизм без патриотизма, поскольку героизм может иметь и другие мотивы. Тем не менее существует тенденция если не к отождествлению, то по крайней мере к сближению этих понятий, а погибшим на поле брани часто приписываются патриотические мотивы, которые могут и отсутствовать (например, в случае массовой мобилизации).

Из рассмотренных ситуаций, возможного расхождения обычно выделяемых слагаемых патриотизма и их непростого внутреннего характера можно сделать вывод о том, что в большинстве случаев гораздо проще судить о том, кто является патриотом — если у того или иного лица присутствуют все эти слагаемые, чем о том, кто им не является, поскольку можно быть патриотом и в отсутствие каких-либо из них.

Это дает основания для выделения различных видов патриотизма, среди которых, кроме отмеченных ранее, следует упомянуть и такие его хорошо известные из нашей истории виды, как «квасной патриотизм», «шапкозакидательский патриотизм», «эмигрантский патриотизм», «диссидентский патриотизм», «компрадорский патриотизм», «узконациональный патриотизм» (в общем-то эквивалентный национализму), «государственно-идеологический патриотизм», «локальный патриотизм» (например, патриотизм русских князей,

которые героически отстаивали свои вотчины, но не желали объединяться против общего врага) и т. п. Естественно, возникает соблазн отказать таким видам «патриотизма» в статусе истинного патриотизма, объявить их разновидностями псевдопатриотизма, но с учетом сложности, многосоставности и возможной внутренней противоречивости данного явления, это, как, например, в случае «эмигрантского патриотизма» или «диссидентского патриотизма», не всегда оправданно.

Отметим также, что в современной России сложилась традиция противопоставления патриотизма либерализму, а соответствующие политические ориентации рассматриваются как чуть ли не антагонистические. Для этого есть основания. Современные (псевдо) либералы либо вообще очень агрессивно относятся к понятию «патриотизм» (излюбленные ими выражения — «квасной патриотизм» и т. п.), либо трактуют его весьма странным образом, например, в том смысле, что все менять в нашей стране по западным образцам — это и есть патриотизм. И вполне закономерно, что в современной России, где патриоты рассматриваются как антипод либералов, сложилась дихотомия: «либерализм-патриотизм», а при общественном обсуждении любого острого социального вопроса противодействующие стороны поляризуются на эти две категории. «Аналогичным путем пошли и театральные деятели, и писатели России, разделившись на либерально-ориентированных и патриотов, в результате чего в каждом из расколотившихся союзов оказались люди, чей вклад в развитие русской литературы несомненен и неоспорим, а про-

тивопоставление их в творческом плане неразумно и непродуктивно. Однако их различные мировоззренческие позиции стали весомым аргументом в оправдании своей как творческой, так и гражданской позиции» [18, с. 46–47]. Вместе с тем следует напомнить, что во времена закладывания оснований российского либерализма подобное противопоставление вообще не имело смысла, поскольку такие признанные российские либералы, как П. Миллюков, Н. Бердяев, П. Струве, одновременно были и горячими патриотами, испытывали сакральное отношение к своей Родине, а, например, во время Первой мировой войны были сторонниками ее ведения до победного конца [19].

Подчеркнем, что подобный образ российского либерализма закрепился и среди его зарубежных исследователей. Как отмечают Д. Филд и Е. Ламперт, все русские либералы были государственниками, твердо убежденными в том, что только государственная власть может служить оружием прогресса [21; 22].

Эмпирические исследования патриотизма

В условиях достаточно выраженной тенденции к «забалтыванию» темы патриотизма, ее предельной идеологизации и обсуждению преимущественно в абстрактной плоскости естественный интерес представляют его эмпирические исследования. Отметим, что к ним надо относиться с большой осторожностью и ввиду идеологизированности данной темы, и потому, что эти исследования выполнялись в прежние годы, предшествующие вхождению Крыма в состав России и другим важным собы-

тиям, вызвавшим, по разным оценкам, рост патриотических настроений в нашем обществе. Следовательно, можно предположить, что выявившийся в них уровень патриотизма наших сограждан по сравнению с настоящим временем существенно занижен. Вместе с тем они представляют как минимум исторический интерес, а также важны в плане выявления взаимоотношений между различными компонентами патриотизма.

По данным Левада-центра, в 2000 г. слово «патриотизм» вызывало положительные эмоции у 57% респондентов, 22% — испытывали как позитивные, так и негативные эмоции, когда в очередной раз слышали с экрана телевизоров или по радио что-либо «про патриотизм» — видимо, потому, что в таких ситуациях к эмоциональным коннотациям данного понятия добавлялись ассоциации, вызываемые нашими СМИ и конкретными политиками, каждый десятый реагировал на него с неудовольствием или раздражением, 11% затруднились с ответом [1].

Согласно тем же данным, 50% наших сограждан видели патриотизм в укреплении семьи и воспитании детей, 47% — в уважении традиций, 30% — в работе с полной отдачей по своей специальности. Гораздо менее значимы для россиян оказались публичные и политические формы патриотизма, такие как голосование на выборах за патриотические партии и политиков соответствующей ориентации, празднование исторических событий и юбилеев, участие в работе патриотических объединений. Иными словами, проявилась бытовая привязка патриотизма к формам деятельности, идущим на пользу

нашему обществу и их приоритет перед символическими формами патриотизма. Причем первое было более характерно для граждан с высшим и незаконченным высшим образованием, а второе — для людей с образованием ниже среднего [1].

Обращает на себе внимание и тот факт, что 60% респондентов понимали под патриотической политикой «возрождение России как великой державы» и только 35% — «защиту прав и интересов русских как в самой России, так и за ее пределами» [1]. Подчеркнем еще раз, что опрос проводился до вхождения Крыма в состав России, которое сопровождалось масштабной и эффективной кампанией по внедрению второго — «надгосударственного» — понимания патриотизма, предполагающего защиту прав и интересов русских, проживающих в разных странах.

Представляют интерес и результаты опроса, проведенного в 2006 г. фондом «Общественное мнение» (ФОМ). Так, на открытый вопрос: «Какого человека можно назвать патриотом?» 27% опрошенных ответили, что таковым, по их мнению, является человек, который любит свою Родину, переживает за нее и за ее граждан — «полностью преданный своей стране», «болеет за свой народ», «который переживает за свою Родину», «патриот — человек, любящий свою страну, несмотря на ее недостатки». 9% респондентов выбрали «деятельный» вариант патриотизма, ответив, что патриотом можно считать человека, который делает что-либо полезное для своей страны и ее народа: «приносит пользу народу, Родине», «старается для своего народа», «тот, кто заботится о благополучии

страны и о людях». 7% предпочли проиллюстрировать свои представления о патриотах упоминанием конкретных политических и общественных деятелей — от А.Д. Сахарова до В.В. Жириновского, нередко выделяя и Президента России [8].

Опрошенные говорили также о таких признаках патриота, как готовность к самопожертвованию ради своей страны (6%), участие в сражениях за Родину или несение воинской службы (4%), гордость за свою страну (4%), а 3% отметили, что патриотом можно считать того, кто не хочет уезжать из России, очевидно, отказывая в этом статусе эмигрантам.

В данном исследовании респонденты оценивали также значимость ряда критериев патриотизма. Наиболее бесспорным из них оказалось отношение к родной природе: 76% опрошенных заявили, что человек, равнодушный к ней, не может быть истинным патриотом. 70% респондентов сказали, что нельзя считать патриотом человека, не знающего истории своей страны, 69% — отказали в чувстве патриотизма тем, кто уклоняется от службы в армии, 56% — отказали в патриотизме тем, кто стремится уехать жить и работать в другую страну. Иные признаки, такие как участие в выборах, знание гимна своей страны, предпочтение отечественного искусства зарубежному и др., оказались менее значимыми (31–45% ответов). 57% опрошенных сочли патриотами самих себя, а 30% — не сочли. Чаще прочих считали себя патриотами представители старшего поколения (65%) и люди с высшим образованием (69%). При этом первые более строго, чем в целом респонденты по выборке,

относились к обсуждавшимся критериям патриотизма, а вторые — наиболее мягко [8].

По данным ФОМ, чувство гордости от осознания себя гражданином России в начале 2010-х годов возникло у пятой части (21%) опрошенных, у 36% — с этим была связана обида за страну, у 17% — ощущение себя гражданином России не вызывало никаких чувств [5]. По данным совместного исследования Института социологии РАН и ИСПИ РАН, 37% часто и 48% иногда испытывали стыд за нынешнее состояние страны [1].

При этом обнаруживались и любопытные феномены, демонстрировавшие специфику российского патриотизма. Например, сравнительное исследование, проведенное в 1990 г., показало, что доля граждан, которые гордились быть гражданином своей страны, у нас была ниже (всего 53%), чем в западноевропейских странах, однако доля готовых сражаться за свою страну — выше, чем в большинстве из них и выше, чем доля испытывающих чувство гордости (66%) [15]. Иными словами, для наших сограждан было характерным сознание «своей страной не горжусь, но воевать за нее буду» (не характерное для европейцев).

В целом прежние опросы демонстрировали невысокий уровень патриотизма в современной России. Так, в десятке наиболее значимых ценностей отсутствовали такие, которые были бы связаны с общероссийской групповой идентичностью, — «Родина», «патриотизм», «Национальная культура» и др. [6], а в одном из исследований выяснилось, что среди качеств, приписываемых респондентами русскому че-

ловеку, патриотизм оказался лишь на восьмом месте (по количеству упоминаний), причем его упомянули лишь 9,5% опрошенных [16]. Оценки более позднего времени тоже сводились к констатации «депатриотизации сознания наших сограждан» [10, с. 52], «затянувшегося духовного кризиса, поразившего общество, одним из проявлений которого стало значительное снижение уровня патриотического сознания россиян» [10, с. 160]. Симптоматично и то, что в современной Конституции РФ термины «патриот» и «патриотизм» отсутствуют, а понятие «Родина» встречается лишь один раз [6]. В то же время трудно не согласиться с тем, что «патриотические чувства есть у большинства людей, и это подтверждают многочисленные социологические опросы» [10, с. 27].

Показательным феноменом является и социальное расслоение патриотических чувств. Так, в начале 2000-х годов патриотические суждения поддерживали 51,5% бедных россиян (что, впрочем, тоже немного) и лишь 22,4% богатых [14].

Однако с начала 2014 г. ситуация существенно изменилась: «в последние годы мы наблюдаем всплеск патриотических настроений» [10, с. 345]. Согласно опросам Левада-центра, во время зимних Олимпийских игр в Сочи 81% россиян отметили подъем патриотических чувств. Катализатором второй волны патриотизма стало присоединение Крыма. У 88% респондентов это событие вызвало положительные эмоции — одобрение, гордость за страну, чувство торжества справедливости, радость. Однако, по мнению экспертов, «патриотический эмоциональный всплеск», вероятнее всего, прод-

лится недолго: для долгосрочного эффекта нужны успехи внутри страны, в частности, в социальной и экономической сфере [12].

Еще ранее (в феврале 2014 г.) эксперты Института современной России при содействии социологов Левада-центра провели опрос, направленный на выяснение того, как россияне понимают патриотизм. Он показал, что большинство россиян считают, что в основе патриотизма лежит любовь к своей стране. Именно так 68% россиян ответили на вопрос о том, что, по их мнению, значит быть патриотом. С точки зрения 27% опрошенных, быть патриотом — значит работать (действовать) во благо страны, 22% респондентов отметили, что патриот должен стремиться к изменению положения дел в стране для того, чтобы обеспечить ей достойное будущее. Несколько чаще выбирали эти два варианта ответа респонденты с высшим образованием. Молодые люди в возрасте от 18 до 24 лет в большинстве случаев видят суть патриотизма в любви к стране и не связывают его с проявлением активной позиции: лишь для 19% молодежи патриотизм означает работу во благо страны, а для 18% — стремление к изменению положения дел в стране. Исследование показало, что в целом, по сравнению с 2000 г., когда был проведен аналогичный опрос, представления россиян о патриотизме практически не изменились. Однако количество респондентов, отметивших, что понятие патриотизма включает работу во благо страны, уменьшилось на 8%, и на 6% сократилось число россиян, связывающих патриотизм с необходимостью защиты страны от любых нападков и обвинений [12].

Опрос показал также, что для подавляющего большинства россиян (84%) патриотизм означает «глубоко личное чувство», при этом, по мнению опрошенных, каждый человек сам должен определять, что патриотично, а что нет, только 9% опрошенных считают, что определение патриотизма находится в руках государства. Впрочем, респонденты в возрасте от 55 лет и пенсионеры несколько чаще отмечали, что государство должно определять, что патриотично, а что нет [12].

По мнению значительного количества опрошенных, патриотизм далеко не всегда означает поддержку власти. С мнением о том, что «патриот должен поддерживать власть, какой бы она ни была», в той или иной степени согласились чуть более 23%, а 82% не согласились с мнением о том, что те, кто критикует действующий режим, не являются настоящими патриотами [12].

Ответы респондентов были соотнесены и с пониманием патриотизма как чувства гордости за свою страну. Как показал опрос, россияне большей частью гордятся природными богатствами России (38,5%), ее историей (37,8%), спортивными достижениями (28,9%), культурой (28,5%), размерами страны (28%). Гораздо меньшее количество наших сограждан испытывает чувство гордости за достижения страны в социальной и экономической сфере: лишь 2% опрошенных отметили, что гордятся системой здравоохранения, 5,2% — гордятся системой образования, 5,4% — экономическими успехами и только 7,9% россиян гордятся своими согражданами [12].

Еще раз отметим, что «патриотизм в России принимает различные формы»,

а «большинство россиян считают, что патриотизм — это глубоко личное чувство, не поддающееся системному регулированию сверху» [12].

11 июня 2014 г. (в преддверии Дня России) ВЦИОМ представил данные еще одного опроса — о том, какие чувства россияне испытывают к нашей стране, кого считают патриотами, а кого — нет [20]. Отвечая на вопрос о том, кто не является патриотом, большинство респондентов (84 %) выразили мнение, что это человек, не чувствующий любви к России. Две трети опрошенных (68 %) полагали, что патриотом не может быть тот, кто хочет переехать в другую страну. Еще 66 % россиян считали главным проявлением непатриотических чувств уклонение от службы в армии. 66 % были уверены, что истинный патриот никогда не будет давать или брать взятки, 63 % — что он не будет уклоняться от уплаты налогов. Для 65 % опрошенных главным признаком, отличающим истинного патриота, являлось знание государственной символики России. 53 % респондентов посчитали, что патриотом не может быть человек, имеющий счета за границей, 52 % — что им не может быть человек, работающий в некоммерческой организации, которая финансируется из-за рубежа. Для 51 % опрошенных проявлением отсутствия патриотизма стал отказ от участия в выборах, тогда как 40 % участников опроса с этим не согласились. 47 % респондентов полагали, что гражданин, публично высказывающий мнение, противоположное государственной позиции, не является патриотом, а 44 % были убеждены, что он все же может искренне любить свою страну

и быть ей преданным. Мнения респондентов о том, как охарактеризовать человека, имеющего двойное гражданство, также разделились: 48 % назвали бы его патриотом, а 43 % с этим в корне не согласились. По мнению 62 % опрошенных, желание вступить в брак с иностранцем не означает, что человек не может питать патриотических чувств к своей стране, а не согласились с этим 30 % респондентов. 65 % опрошенных также не видели препятствий для того, чтобы назвать патриотом человека, работающего в иностранной фирме, с чем не согласились 29 % участников опроса [20].

Рассмотренные результаты эмпирических исследований патриотизма позволяют сделать ряд общих выводов относительно природы этого понятия и его восприятия нашими согражданами.

Они в целом подтверждают адекватность приведенных определений патриотизма, в частности, чувства любви к Родине как его основы, и демонстрируют, что восприятие патриотизма гражданами в общем строится в русле существующих определений, хотя в различных ситуациях на первый план выходят те или иные его компоненты. Вместе с тем эмпирические исследования дают основания для некоторых уточнений.

Для граждан особенно существенен поведенческий аспект патриотизма — патриотическое поведение для них имеет куда большее значение, чем патриотические речи и заявления. При этом существенное значение для многих из них имеют и такие поведенческие проявления патриотизма, как воздержание от дачи взяток, исправная уплата налогов и отсутствие эмиграционных намерений.

Достаточно выражена локальная привязка патриотизма в виде соответствующего отношения не только к своей Родине, но и к своей семье, своим детям, к своей профессии и т. д. Как отмечают социологи, «сегодня самоидентификация в кругу близких на порядок выше идентификации с большими социальными общностями... Самоопределение «мы — это мои близкие, и ни государству, ни другим до нас нет дела» доминирует в нынешнем российском обществе» [17, с. 62].

В восприятии россиян патриотизм включает не только социальный, но и физический компонент — в виде бережного отношения к родной природе. В данной связи возникает вопрос о возможности считать патриотами тех наших многочисленных сограждан, которые выбрасывают мусор где попало, превращают окружающую их природную среду в помойку и ведут себя так, как будто это не их родная земля.

Патриотическое отношение к нашей стране часто сочетается с критическим отношением к ней и острой неудовлетворенностью ее нынешним состоянием. Эмпирически подтверждается распространенность критического патриотизма, а полная удовлетворенность происходящим в стране скорее выглядит как индикатор невысокого уровня развития, как минимум, когнитивной составляющей патриотизма. «Истинное отношение патриота к своему Отечеству характеризуется как конструктивно-критическое и творчески созидательное» [10, с. 103–104].

Такой атрибут патриотизма, как чувство гордости за страну, не носит тотального характера и очень избирательно проявляется в отношении раз-

личных составляющих состояния страны и различных фрагментов ее истории. Это делает данный компонент патриотизма очень неопределенным и нуждающимся в уточнениях в каждом конкретном случае.

Подтверждается необходимость выделения различных видов патриотизма, а также, при сохранении общего ядра и таких компонентов, как, например, любовь к Родине, обнаруживается большое количество его индивидуальных пониманий. Констатируется и то, что «патриотизм в России принимает различные формы» [10, с. 348].

Существует большой разброс мнений в отношении частных признаков патриотизма (или его отсутствия), таких как двойное гражданство, работа в иностранной фирме, готовность вступить в брак с иностранцем и т. п. Может возникнуть намерение исключить подобные обстоятельства из числа критериев патриотизма, однако большое количество респондентов, придающих им значение в данном качестве, не позволяет этого сделать.

Достаточно заметное место в феноменальном поле наших сограждан, наряду с понятием патриотизма, занимает и понятие непатриотизма (иногда в качестве антипода патриотизма рассматривается национальный нигилизм [10, с. 65]), а то, кто является патриотом, нередко определяется от противоположного — кто им не является. Вместе с тем, как обычно бывает в подобных случаях в психологии, трудно судить о том, являются ли патриотизм и непатриотизм полюсами единой шкалы, как и о том, означает ли непатриотизм лишь отсутствие качеств, свойственных патриотам, или же на-

личие каких-то особых непатриотических качеств.

Результаты эмпирических исследований также демонстрируют, что, несмотря на спонтанный рост патриотизма в результате таких событий, как вхождение Крыма в состав РФ или успешное выступление россиян на Олимпиаде в г. Сочи, необходимы целенаправленные меры по повышению уровня патриотизма в нашем обществе. Тем более что, по мнению ряда исследователей, «многие молодые люди понимают необходимость патриотизма, но патриотами становиться не спешат» [10, с. 146].

Возрождение патриотизма

Регулярно отмечается, что одним из главных ресурсов возрождения патриотизма в нашем обществе является система образования, поскольку «Образовательная сфера относится к числу ведущих, определяющих институтов воспитания в обществе и государстве» [11, с. 80]. Констатируется и ее крайне неудовлетворительное состояние в этом плане вследствие пережитых ею псевдолиберальных реформ, «отстранение школы от воспитательной функции» [11, с. 81], «отрыв воспитания от обучения, подход к ним как к двум параллельным процессам, взгляд на воспитание как на сопутствующую учению второстепенную деятельность» [11, с. 90]. Трудно не согласиться и с тем, что «разрушение советской системы патриотического воспитания молодежи произошло практически без вытеснения, замены ее новой системой, в связи с чем российское государственное здание лишилось важнейшей опоры — фундамента. Перестройка этого

здания, дальнейшее осуществление реформ вряд ли возможны, если система образования, культуры, формирования и развития молодого поколения россиян будет лишена столь необходимого им компонента, как патриотизм» [10, с. 85].

Вместе с тем справедливо отмечается, что «процесс воспитания патриота — процесс непрерывный» [10, с. 156] и не должен заканчиваться в школе. В частности, предлагается дополнить перечень принципов государственной службы принципом патриотизма [10, с. 160]. Выделяются и три основных компонента патриотического образования: патриотические знания, патриотические навыки и патриотическое действие [10, с. 153]. В свою очередь, среди препятствий воспитанию патриотизма выделяются: отсутствие общенациональной идеи и декларативный характер патриотического воспитания; антипатриотичность СМИ; отсутствие эффективных мотиваций к патриотическому поведению [10, с. 163]. Большие надежды возлагаются на государственную программу «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016–2020 годы» и другие подобные меры. Очень хотелось бы, чтобы эти надежды оправдались.

Список литературы

1. Двадцать лет реформ глазами россиян (опыт многолетних социологических замеров) / под ред. М.К. Горшкова. М., 2011.
2. Зверев В.О., Морозов А.А. Патриотизм как нравственная ценность в политике России и социальных концепциях религиозных объединений // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2015. № 1. С. 67–70.
3. Карамзин Н.М. История государства российского. Т. У, VI. М., 1993.
4. Кольцова В.А., Соснин В.А. Социально-психологические проблемы патриотизма и особенности

его воспитания в современном российском обществе // Психологический журнал. 2005. Т. 26. № 4. С. 89–97.

5. Мытиль А.В., Дудченко О.Н., Иноземцева В.Е. Кому и зачем нужна профессиональная психологическая помощь? М., 2013.

6. Национальная идея России. М., 2012. Т. I, II.

7. Общая психология : энцикл. словарь / под ред. А.В. Петровского. М., 2005.

8. Бавин П. Кто такой патриот? // Социальная реальность. 2007. № 6. С. 65.

9. Патриотизм // Википедия. [2002–2014]. Дата обновления: 29.05.2014. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Патриотизм> (дата обращения: 29.05.2014).

10. Патриотизм как фактор эффективного развития российской государственности / под ред. И.В. Бочарникова. М., 2015.

11. Патриотизм современной российской молодежи: концептуальные основания и технологии воспитания. М., 2013.

12. Подмена понятий: патриотизм в России // Официальный сайт аналитического центра Ю. Левады «Левада-центр». [2013–2014]. URL: <http://www.levada.ru/27-05-2014/podmena-ponyatii-patriotizm-v-rossii> (дата обращения: 29.05.2014).

13. Послание Президента Дмитрия Медведева Федеральному собранию Российской Федерации // Рос. газ. 2008. 6 нояб.

14. Россия — новая социальная реальность. Богатые. Бедные. Средний класс / под ред. М.К. Горшкова, Н.Е. Тихоновой. М., 2004.

15. Рукавишников В.О., Халман Л., Эстер П. Политические культуры и социальные изменения. Международные сравнения. М., 1998.

16. Сикевич З.В. Национальное самосознание русских. М., 1996.

17. Симонян Р.Х. Российские экономические реформы 1990-х годов: психологические аспекты // Психологический журнал. 2013. Т. 34. № 3. С. 60–71.

18. Тощенко Ж.Т. Фантомы российского общества. М., 2015.

19. Ципко А.С. Размышления о природе и причинах краха постсоветского либерализма // Вестник аналитиков. 2004. № 3 (17). С. 4–24.

20. Что значит «быть патриотом»? // Официальный сайт Всероссийского центра изучения общественного мнения. [2000–2014]. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=114857> (дата обращения: 29.05.2014).

21. Field D. Kavelin and Russian liberalism // The Slavic review. 1973. Vol. 32. № 1.

22. Lampert E. Sons against fathers: studies in Russian radicalism and revolution. Oxford, 1965.

УДК 159.9:343.83

ПСИХОЛОГИЯ КАК РЕСУРС ВОСПИТАНИЯ ПАТРИОТИЗМА КУРСАНТОВ И СТУДЕНТОВ

И. И. Купцов, Г. И. Аксенова, М. М. Аипова

*Не плоть, а дух растлился в наши дни,
И человек отчаянно тоскует...*

Он к свету рвется из ночной тени

И, свет обретши, ропщет и бунтует.

Ф. И. Тютчев

Реферат: авторы выдвигают концепцию консолидации народов России, парадигму возрождения Отечества: духовность — народность — патриотизм,

где все национальное, народное имеет ценность, где системообразующим рядом с родным и русским языками будут русская литература плюс история России и народов, ее населяющих, устное народное творчество, православие, ислам, иудаизм, буддизм.

Анализируя специфику и особенности процесса духовно-нравственного развития курсантов вузов ФСИН Рос-

сии, авторы выделили в его структуре следующие компоненты: когнитивно-гностический, эмоционально-коммуникативный, ценностно-смысловой и мотивационно-действенный.

Охарактеризованы курсанты: с высоким уровнем духовно-нравственного развития (7%); достаточным уровнем духовно-нравственного развития (55%); недостаточным уровнем духовно-нравственного развития (35%); низким уровнем духовно-нравственного развития (3%).

Авторами предложены следующие действия по реализации концепции:

1. Отмена системы единого государственного экзамена (ЕГЭ), проведение вступительных экзаменов в вузах по профилирующим дисциплинам, а также обязательное сочинение по литературе во всех вузах.

2. Создание специального органа при общественной палате для осуществления контроля за содержанием программ в сетях вещания всех отечественных телеканалов и радиостанций.

3. Введение новых программ по всем гуманитарным дисциплинам, подготовленных с использованием накопленного ранее отечественного опыта (при этом особое внимание следует уделить программам по родному и русскому языкам и русской литературе).

4. Разработка программ по психолого-педагогическому всеобучу родителей и их внедрение в практику посредством центрального и местного телевидения и радио.

Ключевые слова: духовно-нравственное развитие, патриотизм, духовно-нравственные качества, программа духовно-нравственного развития, ду-

ховность, народность, русская литература и история, компоненты духовно-нравственного развития, психология как наука.

В течение многих лет мы изучаем психологию курсантов, слушателей и студентов Академии ФСИН России, а также других вузов г. Рязани.

Исследования проводятся по обширной программе, включающей весь спектр жизнедеятельности учащейся молодежи. Особое внимание нами уделялось духовно-нравственному миру или духовно-нравственной сфере жизнедеятельности подрастающего поколения.

Установлено, что всех изучаемых молодых людей можно условно разделить на три группы:

- обладающие в достаточной степени духовно-нравственными качествами, то есть понимающие, что такое духовность, нравственность, что значит быть патриотом своей Родины;

- не обладающие духовно-нравственными качествами, то есть даже непонимающие, что такое духовность, нравственность, что значит быть патриотом своей Родины;

- затрудняющиеся ответить на вопросы, связанные с духовно-нравственными качествами, но готовые каким-то образом участвовать в развитии и защите страны.

И самое печальное, что в ходе исследования нами была выявлена и категория молодых людей, безразличных к судьбе своего народа, судьбе Родины. Так, на вопрос: «Кого Вы защищали бы в первую очередь, если, не дай Бог, кто-то на нас напал?» 60% молодых людей первой группы ответили —

семью; во второй группе — 90%, в третьей группе — 75%, а на защиту Родины были готовы 15% опрошенных из первой группы, 7% — из второй, 9% — из третьей группы.

Анализируя специфику и особенности процесса духовно-нравственного развития курсантов вузов ФСИН России, мы выделили в его структуре следующие компоненты.

Когнитивно-гностический — интегрирует систему духовно-нравственных понятий, профессиональных знаний, умений, навыков и представлений, мировоззрения будущего сотрудника.

Эмоционально-коммуникативный — строится на основе взаимоотношений личности со средой и включает в себя эмпатию, позволяющую быть эмоционально-восприимчивым к внутреннему состоянию других людей.

Ценностно-смысловой — включает в себя систему ценностных ориентаций и смыслов, определяющих самоотношение личности, отношение к другим людям и окружающему миру, понимание смысла жизни.

Мотивационно-действенный — объединяет интересы, потребности, мотивы личности в осуществлении деятельности по саморазвитию, в активной духовно-нравственной позиции.

В результате исследования были охарактеризованы курсанты: с высоким уровнем духовно-нравственного развития (7%); достаточным уровнем духовно-нравственного развития (55%); недостаточным уровнем духовно-нравственного развития (35%); низким уровнем духовно-нравственного развития (3%) [1, 4].

Осознание смысла жизни, целеполагание, определение жизненного пути,

и наконец, овладение высшими нравственными качествами невозможно без духовности. К величайшему сожалению, глубина нашего нравственного падения такова, что мы чуть ли не полностью утратили «образ здравых словес», то есть само понимание, какова должна быть здоровая, неискаженная жизнь души человеческой.

И тут нам может помочь наука о душе — психология. Как преподаватели психологии хотим поделиться опытом воздействия ее на молодое поколение, в частности, на курсантов, на их духовный мир, формирование любви к Отечеству и профессиональную деятельность сотрудников ФСИН России.

Приведем две выдержки из сочинений-отчетов самих испытуемых.

Юлия Ц., студентка 2 курса: «На протяжении всей своей жизни человек стремится к своему идеалу, ищет то, что ему так необходимо. И я не исключение. Кто-то ищет идеального коллегу, друга, мужчины ищут идеальных женщин, женщины — мужчин, а я хочу просто жить в своем идеальном мире. И не прав тот, кто говорит, что мир не будет идеален. Я в это не верю, и в этом мне помогает психология. С ее помощью я проникла не только в души своих близких, друзей, знакомых, я проникла в свою душу, где идеалом для меня является Бог. Он с самого детства присутствует в моем сознании, в моей душе. В молитвах я обращаюсь к нему и знаю, что каждый, кто верует, не теряет надежды на то, что мир будет идеален. Пусть не весь огромный мир, а его мир, мир души.

Если разобраться, то любой человек, который говорит, что он не верит в Бога, имеет в своих мыслях хоть ма-

люю долю веры во что-то высшее, разумное, святое, особенно когда человеку становится плохо, плохо в духовном значении. А эта вера и есть тот Бог: Надежда, Любовь. А любовь есть в каждом из нас, но только человек часто забывает о ней, когда у него все благополучно. Но нельзя нам без любви.

Если человек после своих поступков искренне раскаивается, то ему легче принять собственную боль и понять другого человека, то есть простить своего обидчика. И если каждый человек научится искренне раскаиваться, понимать другого человека, то это и будет любовь к Богу, иначе говоря, любовь к любви, к добру, к человеку, к жизни.

Простите за то, что мысли мои все глубже и глубже уносятся к самому светлому. Но ведь смысл психологии моей души заключается в глубокой вере, вере в Бога, и это я поняла благодаря Вам и Вашему замечательному предмету, который заставил меня исследовать глубину своего внутреннего мира».

Андрей Г., курсант 1 курса: «Я счастливый человек. С детства меня окружали только любящие люди: родители, бабушка с дедушкой и мои друзья, знакомые, с которыми вместе делили радости и огорчения, вместе переносили невзгоды, вместе бродили по лесу ранним утром.

Повзрослев, стали мечтать о будущем, которое представлялось таким прекрасным. Вместе мечтали окончить школу, поступить в институт, встретить любимую девушку, посмотреть весь мир и никогда не расставаться.

Однако мы живем в трудное время. Много зла, горя бродит по нашей Земле. Страницы сегодняшних газет, инфор-

мационные программы телевидения и радио пестрят сообщениями с театра военных действий... вооруженные конфликты вспыхивают то там, то здесь. Я невольно задаю вопросы: «Что толкает соседей, братьев в огонь кровавой битвы?» Мне трудно это понять. Хочется крикнуть на весь мир: «Люди, что вы делаете? Остановитесь, пока война не вошла в ваш дом!»

Мне еще нет восемнадцати лет. Но я точно знаю, что я буду защищать свою Родину, свой народ, весь Мир. Ведь я — это Мир, а Мир — это я!»

Видимо, пути становления человека Человеком с большой буквы должны идти через духовность, любовь к Отчеству, родителям, родным, близким, а также через получение знаний и овладение профессией.

Анализ полученных данных позволил сделать вывод о том, что уровень духовно-нравственного развития курсантов зависит в основном от его сформированности в семье и во время обучения в школе. Тем не менее вузы обладают широким потенциалом для духовно-нравственного развития курсантов. Деятельность по оптимизации процесса духовно-нравственного развития курсантов вузов ФСИН России может быть организована на основе программы, представляющей собой совокупность компонентов образования, специально подчиненных целям их духовно-нравственного развития [1, 4].

Прежде чем говорить о путях формирования духовно-нравственных качеств, немного теории.

Современное духовно-нравственное состояние нашего общества во многом схоже с состоянием России после де-

кабрьского вооруженного восстания 1825 г. Не вдаваясь в полемику историков, отметим, что в государстве произошел раскол. Оно перестало быть единым.

19 ноября 1833 г. министр просвещения С.С. Уваров изложил царю концепцию сохранения России как единого государства: православие, самодержавие, народность. Задача, которую он ставил, состояла в том, чтобы среди быстрого падения религиозных и гражданских учреждений Европы, при всеместном распространении разрушительных понятий укрепить Отечество на твердых основаниях, найти начала, на коих зиждутся силы, составляющие отличительный характер России и ей исключительно принадлежащие; собрать в единое целое священные остатки ее народности и на них укрепить якорь спасения.

В настоящее время задача, поставленная С.С. Уваровым, не менее актуальна. «Русский народ расчленен на части границами новых независимых государств». Общество оказалось совершенно беззащитным перед шквалом безнравственности и цинизма, обрушившегося на людей со страниц «свободной» прессы и экранов телевизоров.

Ростки здорового национально-религиозного самосознания погребены под грудой нечистой «масскультуры» и фальшивых ценностей «общества потребления». Так что же, — будем ли мы покорно ждать, когда яд бездуховности и религиозного одичания окончательно затуманит наше сознание и подорвет основы государственного бытия Руси? Или же попытаемся вернуть им изначальный священный смысл, воз-

высимся до понимания своего служения, своего долга — не только индивидуального, личного, но и всенародного, соборного?» [5, с. 31].

Хранить Божественные истины веры, ее благодатные дары и духовные святоотеческие устои — а именно такая обязанность русского народа, промыслительно возложенная на него самим Богом, — непросто и нелегко. Для этого потребен тяжелый душевный труд — труд христианского подвижничества и покаяния, державного мужества и стойкости. Однако лишь такой труд придает смысл человеческой жизни, обнажает ее высокую ценность и проясняет ее великую, вечную, небесную цель.

Самое время нам сейчас прислушаться к призыву Слова Божьего, к отеческому зову самого Христа, Господа нашего: «Се стою у двери и стучу: если кто услышит голос Мой и отворит дверь, войду к нему, и буду вечерять с ним, и он со Мною. Побеждающему дам сесть со Мною на престоле Моём, как и Я победил и сел с Отцом Моим на престол Его. Имеющий ухо да услышит...» [5, с. 313].

Истоки русского самосознания православие видело в соборности, когда каждый молится и просит за всех, как за себя; державности — государственная мощь не как самоцель, а как дарованное Богом средство к удержанию народной жизни в рамках Евангельской непорочности; монашестве — основе русского мирознания и мироощущения.

«Одним из отличительных признаков великого народа служит его способность подниматься на ноги после падения. Как бы ни было тяжело его унижение, но пробьет урочный час, он соберет свои растерянные нравственные силы и воплотит их в одном великом че-

ловеке или в нескольких великих людях, которые и выведут его на покинутую им временно прямую историческую дорожку» [7, с. 8–9].

Великий К.Д. Ушинский, по существу возродивший Отечество (осуществил концепцию С.С. Уварова на деле, создав новую систему образования), понимал, что одно православие будет не в силах объединить народ.

«Мы были бы очень близоруки, если бы подметили в характере нашего простого народа один только патриархальный оттенок. Нет, мы не видим в нем много могучих задатков честной гражданственности, полной силы народности и бескорыстной человечности. Начало товарищества, проявлявшееся в дружинах, в новгородских ватагах, малороссийском казачестве и нынешних артелях, не показывают ли, что высокие чувства дружбы глубоко коренятся в славянской природе... А 1612 год доказал ли, что русские сознают себя единым и самостоятельным народом?» [7, с. 445].

И именно К.Д. Ушинский — профессор юриспруденции — находит путь: родной язык, с помощью которого русский человек должен осознать себя, Родину как великую державу, способствуя ее развитию и процветанию, ибо, как говорил потом К.Г. Паустовский, истинная любовь к своей стране немислима без любви к своему языку.

«Язык народа — лучший, никогда не увядающий и вечно вновь распускающийся цвет всей его духовной жизни, начинающейся далеко за границами истории. В языке одухотворяется весь народ и вся его Родина; в нем претворяется творческой силой народного духа в мысль, в картину и звук небо отчиз-

ны, ее воздух, ее физические явления, ее климат, ее поля, горы и долины, ее леса и реки, ее бури и грозы — весь тот глубокий, полный мысли, чувства, голос родной природы, который говорит так громко в любви человека к его иногда суровой родине, который высказывается так ясно в родной песне, в родных напевах, в устах народных поэтов. Но в светлых прозрачных глубинах народного языка отражается не одна природа родной страны, но и вся история духовной жизни народа. Поколения народа проходят одно за другим, но результаты жизни каждого поколения остаются в языке — в наследие потомкам. В сокровищницу родного слова складывает одно поколение за другим плоды глубоких сердечных движений, плоды исторических событий, верования, воззрения, следы прожитого горя и прожитой радости, — словом, весь след своей духовной жизни народ бережно сохраняет в народном слове. Язык есть самая живая, самая обильная и прозрачная связь, соединяющая отжившие, живущие и будущие поколения народа в одно великое, историческое живое целое. Он не только выражает собой жизненность народа, но есть именно сама эта жизнь. Когда исчезает народный язык, — народа нет более!» [8, с. 557].

Через 166 лет после декабрьского восстания 1825 г. в нашей стране снова произошло огромное историческое событие: перестал существовать Союз Советских Социалистических Республик. Россия возвращается к Западному миру по экономике. Но мы — Россия, мы — Русь, если хотите, Святая Русь. И все у нас, или почти все, должно быть свое, особенно в области духовной жизни. Почему?

«В типичной русской душе есть много простоты, прямоты и бесхитростности, ей чужда всякая аффектация, всякий пафос, всякий аристократический гонор, всякий жест. Это душа — легко опускающаяся и грешащая, кающаяся и до болезненности сознающая свое ничтожество перед лицом Божиим. В ней есть какой-то особый, совсем не западный демократизм на религиозной почве, жажда спасения всем народом. В русском человеке так мало подтянутости, организованности души, закала личности, он не вытягивается вперед, в складке души его нет ничего готического. Ждет русский человек, что сам Бог организует его душу и устроит его жизнь. В самых высших своих проявлениях русская душа — странническая, ищущая града не здешнего и ждущая его сошествия с неба. Русский народ в своих низах погружен в хаотическую, языческую еще стихию земли, а на вершинах своих живет в апокалипсических чаяниях, ждет абсолютного и не мирится ни с чем» [2, с. 163].

Мы выдвигаем новую концепцию консолидации русского народа и народов России, новую парадигму возрождения Отечества: духовность — народность — патриотизм, где все национальное, народное каждого проживающего на территории нашей родины имеет ценность, но где системообразующим наряду с родным и русским языками будут русская литература плюс история России и народов, ее населяющих, плюс устное народное творчество и т. д., но и, естественно, православие, ислам, иудаизм, буддизм.

Может возникнуть вопрос: а почему именно русская литература будет

системообразующим началом, якорем спасения и возрождения России?

Литература раскрывает внутренний и душевный мир человека, выражает душевные движения точно и ярко, как этого не сделать никакой другой науке.

Русская литература (особенно классическая XIX в.) с особой остротой ставила проблемы о сущности человека, моральной ответственности личности, предъявляя к человеку высшие нравственные требования, не допуская никаких компромиссов.

Наконец, русская литература дает возможность читателю приобщиться к напряженным и страстным поискам своего места в мире, Вселенной и одновременно своего отношения к миру, Вселенной, Богу.

Для доказательства выдвинутых положений о значимости фольклора и литературы приведу два примера.

А.С. Пушкин называл сказку поэмой. В сказках есть и любовь к Отечеству, и любовь к людям, и невероятная выдумка, а главное, зло всегда наказуемо, а добро торжествует — великая духовность, всемогущая духовность побеждает.

«Вышел тут из-под Калинового моста Иван — крестьянский сын.

— погоди, Чудо-Юдо, хвалиться: как бы тебе не посрамиться!

— А, так это ты, Иван — крестьянский сын? Зачем пришел сюда?

— На тебя, вражья сила, посмотреть, твоей храбрости испробовать!

— Куда тебе мою храбрость пробовать! Ты муха передо мной!

Отвечает Иван — крестьянский сын Чуду-Юду:

Пришел я не сказки тебе рассказывать и не твои слушать. Пришел я на-

смерть биться, от тебя, проклятого, добрых людей избавить!» [3, с. 45].

Комментарии, как принято говорить, излишни.

2. «Не один Наполеон испытывал то похожее на сновидение чувство, что страшный размах руки падает бес- сильно, но все генералы, все участвовавшие и не участвовавшие солдаты французской армии, после всех опытов прежних сражений (где после вдесятеро меньших усилий неприятель бежал), испытывали одинаковое чувство ужаса перед тем врагом, который, потеряв половину войска, стоял так же грозно в конце, как и в начале сражения. Нравственная сила французской, атакующей армии была истощена. Не та победа, которая определяется подхваченными кусками материи на палках, называемых знаменами, и тем пространством, на котором стояли и стоят войска, — а победа нравственная, та, которая убеждает противника в нравственном превосходстве своего врага и в своем бессилии, была одержана русскими под Бородином. Французское нашествие, как разъяренный зверь, получивший в своем разбеге смертельную рану, чувствовало свою гибель, но оно не могло остановиться, так же как не могло отклониться вдвое слабейшее русское войско. После данного толчка французское войско еще могло докатиться до Москвы; но там, без новых усилий со стороны русского войска, оно должно было погибнуть, истекая кровью от смертельной, нанесенной при Бородине, раны. Прямым следствием Бородинского сражения было беспричинное бегство Наполеона из Москвы, возвращение по старой Смоленской дороге, гибель пятисотты-

сячного нашествия и гибель наполеоновской Франции, на которую в первый раз под Бородином была наложена рука сильнейшего духом противника» [6, с. 274].

Наукой доказано, что человек становится вполне им, когда он приходит к самопознанию, когда чувствует себя хозяином и распорядителем своих мыслей и дел. Такого уровня он достигает благодаря наличию у него сознания, которое, как известно, свойственно только человеку, что дает ему возможность осознать себя, свое место, определить цели, пути их достижения.

Чувствуя всю неестественность, весь ужас нынешнего положения вещей, многие люди просто не знают, куда же надо идти, в какую сторону выбираться из той смрадной трясины, где мы оказались.

В связи с этим мы предлагаем следующую программу действий по реализации нашей концепции:

1. Отмена системы единого государственного экзамена (ЕГЭ), проведение вступительных экзаменов в вузах по профилирующим дисциплинам, а также обязательное сочинение по литературе во всех вузах.

2. Создание специального органа при общественной палате для осуществления контроля за содержанием программ в сетях вещания всех отечественных телеканалов и радиостанций.

3. Введение новых программ по всем гуманитарным дисциплинам, подготовленных с использованием накопленного ранее отечественного опыта (при этом особое внимание следует уделить программам по родному и русскому языкам и русской литературе).

4. Разработка программ по психолого-педагогическому всеобучу родителей и их внедрение в практику посредством центрального и местного телевидения и радио.

Список литературы

1. Аксенова Г.И., Исмагилова Ю.С. Проблема духовно-нравственного развития курсантов вузов ФСИН России // Прикладная юридическая психология. 2010. № 1. С. 21–32.

2. Бердяев Н.А. Русская и польская душа. Судьба России. М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1990. — 240 с.

3. Иван — Крестьянский сын : рус. народ. сказ-

ки. Сер. Школьная библиотека. 2-е изд. М.: Дет. лит., 1975. — 128 с.

4. Исмагилова Ю.С., Аксенова Г.И. Психологическая модель формирования духовно-нравственных качеств курсантов вузов ФСИН России : монография. Рязань : Академия ФСИН России, 2011. — 170 с.

5. Митрополит Иоанн. Самодержавие духа. Очерки русского самосознания. Саратов : Надежда, 1995. 333 с.

6. Толстой Л.Н. Война и мир : в 2 кн. М.: Правда, 1972. Кн. 2. Т. 3–4.

7. Ушинский К.Д. О нравственном элементе в русском воспитании // Журнал министерства народного просвещения. 1860. № XI. С. 425.

8. Ушинский К.Д. Родное слово // Собр. соч. : в 11 т. М.; Л., 1948. Т. 2. С. 554–574.

УДК 159.9:343.8

ЦЕННОСТНЫЕ ОСНОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ ПСИХОЛОГОВ

И. П. Краснощеченко

Реферат: статья посвящена анализу проблемы ценностных оснований профессиональной подготовки психологов; ее цель — теоретическое обоснование системы ценностей профессиональной подготовки психологов. Автор показывает, что ценности являются междисциплинарным предметом исследования. Они понимаются как социально-историческое значение для общества и личностный смысл для индивидов определенных явлений действительности.

В статье описаны формы существования ценностей — социальные ценности — общественный идеал, его предметное воплощение в деяниях людей и личностные ценности как мотивационные структуры личности, определяющие ее поведение и поступки. Личност-

ные ценности (ценностные ориентации) обеспечивают связь внутреннего мира личности с жизнедеятельностью общества и отдельных социальных групп, являются результатом интериоризации социальных ценностей в процессе включения человека вместе с группой в практическую реализацию конкретной ценности, сопровождаемую переживанием этой ценности.

Профессиональные ценности определяются как положительная или отрицательная значимость объектов или явлений окружающего мира для человека в контексте его профессиональной деятельности. Подчеркивается, что для субъекта профессиональные ценности становятся регуляторами профессиональной деятельности и взаимоотношений с коллегами, клиентами

и др. Профессиональное становление личности, представляющее целостный процесс, развертывающийся во времени и образовательном пространстве, включает как важнейшую составляющую формирование системы профессиональных ценностей будущего специалиста. Профессиональные ценности субъекта формируются в учебно-профессиональном сообществе в процессе учебно-профессиональной, квази-профессиональной и других форм деятельности как результат интериоризации профессиональных ценностей образовательной системы.

В работе обоснована система профессиональных ценностей профессиональной подготовки психологов, которая включает в себя общегуманистические и специфические профессиональные ценности, дифференцирующиеся на профессионально-миссионные, профессионально-инструментальные и профессионально-статусные.

Практическая ценность статьи определяется значимостью рассмотрения профессиональных ценностей как базисного основания реализации образовательных стандартов высшей школы. Кроме того, автор обращает внимание на угрозу, проявляющуюся вследствие пропаганды и масштабного распространения в молодежной среде прагматических ценностей, ценностей удовольствия, вседозволенности, безответственности, индивидуализма, транслируемых в средствах массовой информации (СМИ) и Интернете, приводящих к разрушению ценностных оснований профессионально-психологического сообщества и общества в целом.

Ключевые слова: ценности, ценностные ориентации, социальные и

личностные ценности, общегуманистические ценности, профессиональные ценности, профессионально-миссионные ценности, профессионально-инструментальные ценности, профессионально-статусные ценности, профессиональное становление, субъект профессиональной деятельности, образовательное сообщество.

Модернизационные процессы в российском обществе предъявляют высокие требования к профессиональному образованию в высшей школе. Федеральные государственные образовательные стандарты высшего образования (ФГОС ВО) третьего поколения, являющиеся базовым нормативно-правовым документом, представляют характеристику профессиональной деятельности выпускников, четко определяют требования к результатам освоения образовательных программ в форме общекультурных, общепрофессиональных и профессиональных компетенций. Новые стандарты образования становятся не только нормативным документом для системы высшего образования, но и ориентиром для его субъектов — руководителей, сотрудников и преподавателей вузов и, конечно, студентов.

Вместе с тем анализ содержания ФГОС ВО показывает, что ценностные основания реализации стандартов остаются вне их содержания. В то же время в современных условиях усиливается интерес к вопросам ценностей современного общества, ценностных ориентаций различных социальных групп и общностей, происходит осознание негативных последствий анонимии, охватившей Россию при проведе-

нии социально-экономических реформ 1990-х годов. Распространение и культивирование в молодежной среде западных ценностей, превозносящих приоритеты индивидуализма, потребления, удовольствия, безответственности, в последние годы вызывают серьезную обеспокоенность в обществе. В российской системе образования все настойчивее поднимается вопрос о значимости ценностного компонента на всех уровнях образования (Н.Н. Авраменко [1], Е.Н. Богданов [3], Б.С. Братусь [4], А.А. Деркач [5], М.Н. Миронова [12], Ф.Г. Мухаметзянова [13], В.И. Слободчиков [18], В.А. Сластенин [16], Д.И. Фельдштейн [21] и др.) и необходимости серьезной рефлексии роли ценностей как фундаментального основания общества и системы образования.

Как писал Э. Фромм, без системы координат, жизненных ориентиров, ценностных ориентаций человек «может заблудиться и утратить способность действовать целенаправленно и последовательно ...» [20, с. 13], поэтому система ценностных ориентиров важна для профессиональной деятельности в целом и тем более для тех ее видов, которые имеют непосредственное отношение к такому объекту труда, как человек. Именно такой деятельностью является профессия «психолог», а ценностная составляющая в ней — базовое условие профессиональной подготовки молодежи и ее профессиональной реализации.

Ценностные ориентации, ценности, ценностные координаты — понятия, используемые в социальных науках. Ценности определяются как «положительная или отрицательная значимость объектов или явлений окружающего мира

для человека, определяемая их вовлеченностью в сферу человеческой жизнедеятельности. Критерии и способы оценки этой значимости получают выражение в нормативных представлениях, идеалах, установках, целях» [15, с. 1744]. Ценность также определяется как социально-историческое значение для общества и личностный смысл для индивидов определенных явлений действительности, отмечается регулятивная функция: «ценности служат важным фактором регуляции поведения личности и взаимоотношений людей» [14, с. 442].

Разработка проблемы ценностей имеет продолжительную традицию в философии, к ней обращались Ф. Brentano, М. Вебер, В. Виндельбанд, В. Вундт, Дильтей, Дж. Дьюи, К.И. Льюис, Ф. Нодль, Ф. Таульсен, Алексиус фон Мейнонн, М. Шелер и др. В аксиологии представлены разные теории: натуралистические, психологизм, трансцендентализм, персоналистический онтологизм, культурно-исторический релятивизм и социологизм.

Анализ историко-философской литературы по проблеме ценностей показывает, что они на протяжении истории рассматривались как регулятивный механизм социальной жизни людей, представляющий собой сложно организованную систему, в которой вместе с ценностями, осуществляющими самую общую, стратегическую регуляцию поведения, имеются и нормы. Ценность отождествляется с идеей, выступающей в качестве индивидуального или социального ориентира; воспринимается как распространенный субъективный образ или представление, имеющее человеческое измерение, идентифициру-

ется как культурно-исторический стандарт; ассоциируется с типом достойного поведения, с конкретным жизненным стилем.

В традиции отечественной философии, связанной с именами Н.А. Бердяева, С.Л. Франка, М.М. Бахтина, человек рассматривался как двойственное, духовно-материальное существо, причем ценностно-смысловая составляющая считалась важнейшей сферой человека.

В современной аксиологии утвердилась позиция, связанная с признанием существования ценностного отношения в системе объектно-субъектных отношений, значения объекта для субъекта. Например, в исследовании М.С. Кагана показано: ценностей вне человека и общества нет, и вне отношения к человеку предметы сами по себе ценностной квалификации не подлежат. Ценности рассматриваются как лично-окрашенное отношение человека к миру, возникшее на основе знания и собственного опыта [6, с. 66–67]. При этом к ценностям автор относит только положительно значимые события и явления, связанные с социальным прогрессом.

Преломляясь в сознании, ценности обретают для человека личностный смысл — индивидуализированное отражение действительного отношения личности к тем объектам, ради которых разворачивается ее деятельность, осознаваемое как «значение для меня» усваиваемых субъектом безличных понятий о мире, включая понятия, умения, действия и поступки, совершаемые людьми, социальные нормы, роли, ценности и идеалы [14].

На социальном уровне, утверждают Дж. Каправа, Д. Севрон, ценности соот-

ветствуют принципам, определяющим права и обязанности граждан. Социальные ценности отражают историю общества и каждое общество характеризуется преобладающими в нем уникальными ценностями. На индивидуальном уровне ценности связаны с критериями или стандартами, которые люди используют при оценке собственных действий и действий других людей, и здесь понятие ценностей частично совпадает с понятием стандартов поведения. При объединении двух описанных уровней анализа ценности рассматриваются как отражение общего социального фонда, передаваемого всем индивидам с помощью многочисленных агентов социализации, а на уровне отдельного человека — как отражение представлений и стандартов, составляющих личную жизненную философию [7].

Отечественная психология советского периода рассматривала ценности в контексте изучения направленности личности, которая в различных концепциях обозначалась по-разному: как динамическая тенденция (С.Л. Рубинштейн), смыслообразующий мотив (А.Н. Леонтьев), доминирующее отношение (В.Н. Мясищев, Б.С. Братусь), основная жизненная направленность (Б.Г. Ананьев) и т. д.

Обращаясь к проблеме ценностей, А.Н. Леонтьев рассматривал три формы существования ценностей, переходящих одна в другую:

- как общественный идеал;
- как предметное воплощение этих идеалов в деяниях и произведениях конкретных людей;
- как мотивационные структуры личности, побуждающие ее к предметному воплощению в поведении и дея-

тельности общественных ценностных идеалов [11].

Развивая данный подход, Д.А. Леонтьев уточняет, что психология апеллирует к изучению именно личностных ценностей, что «основными составляющими внутреннего мира человека, включающего в себя своеобразным образом преломленную и обобщенную внешнюю реальность, окрашенную тем смыслом, который она имеет для человека, являются присущие только ему и вытекающие из его уникального личностного опыта устойчивые смыслы значимых объектов и явлений, отражающие его отношение к ним, а также личностные ценности, которые являются, наряду с потребностями, источниками этих смыслов» [10]. Сопоставляя потребности и ценности, автор констатирует, что потребности человека определяют зависимость его внутреннего мира от внешнего мира, в котором он живет и действует, личностные ценности же образуют точку опоры личности, позволяющую ей встать в независимую позицию по отношению к внешнему миру и всем его требованиям [10, с. 26].

Личностные ценности связывают внутренний мир личности с жизнедеятельностью общества и отдельных социальных групп. Становясь частью внутреннего мира конкретного человека, они трансформируются и приобретают в нем свои отличительные способности. Механизм превращения социальной ценности в личностную, по Д.А. Леонтьеву, — это «включение человека вместе с группой в практическую реализацию конкретной ценности, причем принципиально важным является ощущение этой ценности как собственной» [10, с. 27].

Присвоение групповых ценностей личностью не происходит автоматически и не является спонтанным. Известные другим знания, идеи человек не может просто «взять» — он должен «переоткрыть» их для себя, должна состояться предельно личная встреча с ними. Т.М. Буйкас и О.Г. Зевина в своих исследованиях показали, что этот процесс требует произвольных осознанных усилий, специально организованной деятельности. Преобразование общечеловеческих ценностей в личностные сопровождается переживанием [2, с. 44].

Личностные ценности в психологии и социологии нередко обозначаются понятием «ценностные ориентации» в значении «устойчивые инвариантные единицы сознания личности, основные его идеи, понятия, «ценностные блоки», выражающие суть нравственного смысла человеческого бытия. Ценностные ориентации выступают в качестве основного компонента в системе диспозиций личности, ведущего механизма социальной регуляции поведения личности, ее приобщения к ценностям общественного сознания и культуре. Деятельностный аспект данного феномена характеризуется как состояние готовности личности к определенному способу действия, выражающееся в ее ориентации на те или иные ценности материальной и духовной культуры. В структуре человеческой деятельности ценностные ориентации обнаруживаются в целях, идеалах, убеждениях, интересах и других проявлениях личности, они связаны с познавательными и волевыми ее сторонами.

Система ценностных ориентаций образует содержательную сторону направленности личности, выражает вну-

треннюю основу ее отношения к действительности, является системообразующим компонентом внутренней структуры личности. Проявляясь в убеждениях, оценках, мотивах и потребностях личности, ценностные ориентации во многом определяют поведение и деятельность человека. Осознание необходимости реализации в своем поведении определенной системы ценностей становится источником самоуважения достоинства и социальной активности личности. На основе сложившихся ценностных ориентаций осуществляется саморегуляция деятельности — человек сознательно решает стоящие перед ним задачи, осуществляет свободный выбор решения, утверждает своей деятельностью те или иные социально-нравственные ценности.

Ценности личности задают направленное отношение к окружающему миру и являются ориентирами ее деятельности, образуют некую аксиологическую направленность личности, причем, как уточняют А.В. Капцов и Л.В. Карпушина [8], личностные ценности показывают позитивное или негативное отношение к другим людям, к себе, к миру и образуют нравственную позицию личности: либо положительную с точки зрения общепринятых ценностей, либо отрицательную. В этой связи они считают, что аксиологическая направленность может быть:

- положительной и отрицательной;
- гуманистической и прагматической.

Гуманистическая направленность (ценности развития себя, духовное удовлетворение, креативность, социальные контакты), по их мнению, указывает на важность для личности всего, что

связано с человеком (в общем смысле) и гармонизацией отношений с другими людьми: самосовершенствование, установление добрых отношений с другими людьми, усовершенствование и преобразование действительности, духовные идеалы как конечный пункт деятельности. Прагматическая направленность характеризует человека с точки зрения получения практического результата независимо от других людей, а иногда и в ущерб другим людям (крайние случаи: достижение целей любыми путями, материальное благополучие за счет других, сохранение индивидуальности как эгоизм, высокое социальное положение ради возможности влияния и контроля над другими).

В качестве основных жизненных сфер, в которых проявляются указанные виды направленности, авторами выделяются:

- сфера профессии;
- сфера обучения и образования;
- сфера семьи;
- общественной жизни и увлечений [8].

Профессиональное становление личности, представляющее целостный процесс, развертывающийся во времени и социальном пространстве, включает как важнейшую составляющую формирование системы профессиональных ценностей будущего специалиста. Профессиональные ценности субъекта формируются в учебно-профессиональном сообществе. Став студентом, молодой человек попадает в образовательное пространство вуза со сложившейся системой ценностей, которая накладывает отпечаток на систему взаимоотношений его субъектов, выполнение социальных и

Рис. 1. Система ценностных оснований профессиональной подготовки будущих психологов

учебно-профессиональных функций, характер осуществления различных форм деятельности. Включение студента в данное пространство и систему взаимоотношений обуславливает интериоризацию профессиональных ценностей образовательной системы. Ценности учебно-профессионального сообщества в процессе учебно-профессиональной, квазипрофессиональной деятельности присваиваются будущим профессионалом.

Профессиональные ценности на уровне субъекта — положительная или отрицательная значимость объектов или явлений окружающего мира для человека, включенного в профессиональную деятельность. Эти ценности для субъекта становятся регуляторами его квазипрофессиональной и профессиональной деятельности и других форм активности — взаимоотношений с другими, самоотношения. Они наполняют личностным смыслом процесс освоения студентами образовательной программы и весь процесс подготовки к будущей профессиональной деятельности. Профессиональные ценности

входят в структуру профессиональной идентичности, самосознания субъекта.

Анализ работ, посвященных проблеме профессионального развития, обосновывающих роль и необходимость утверждения гуманистических ценностей в образовании как основы социально-нравственного и профессионального развития личности, а также наш многолетний опыт преподавания и руководства факультетом психологии позволили нам сконструировать систему ценностных оснований профессиональной подготовки психологов в рамках разработанной нами акмеологической концепции становления и развития профессиональной субъектности будущих психологов с учетом регионального запроса [9], в которой дифференцируются общегуманистические и профессиональные ценности (рис. 1). Причем, принимая во внимание специфику профессиональной деятельности психолога и его уникальный объект (человек), гуманистические ценности в данном случае являются базовыми.

К гуманистическим ценностям отнесены: ценность человека «как меры

всех вещей»; ценность уважения другого человека и его уникального внутреннего мира; ценности свободы, любви, творчества и т. д.; ценность ответственности человека за себя, свои выборы и деяния; ценность со-бытия (по В.И. Слободчикову) [17], общения, нравственно-гуманистических отношений с другими; культурно-исторические ценности и др. В указанную группу также включены культурно-исторические ценности, способствующие осознанию студентами культурной и исторической значимости региона в культурно-историческом развитии и современном контексте модернизации российского общества. Культурно-исторические ценности связаны непосредственно с ценностью государства как гаранта стабильности и качества жизни людей.

Ценность со-бытия, реализуемая в профессиональной подготовке будущих психологов, призвана акцентировать значимость «живой общности людей» как действительной ситуации развития, в которой зарождаются специфически человеческие способности, «функциональные органы» субъективности (во всех ее измерениях), позволяющие человеку вступить в «практическое отношение» к своей жизнедеятельности. Со-бытие, по В.И. Слободчикову, «и есть то, что развивается, результатом развития чего оказывается та или иная форма субъективности. Соответственно, сам ход развития в таком случае состоит в возникновении, преобразовании и смене одних форм совместности (единства, со-бытия) другими формами — более сложными и более высокого уровня развития» [17, с.16].

К специфическим профессиональным ценностям нами отнесены:

– *профессионально-миссионерские ценности*, связанные с осознанием роли, назначения профессии психолога в социуме и той ответственности, которая возлагается на ее носителей (ценность служения людям и помощи им в решении их проблем; ценность непрерывного личностного и профессионального развития человека; ценность лидерства, трансформирующей действительность и жизнедеятельность других людей и т. д.);

– *инструментальные ценности*, определяющие важнейшие механизмы реализации профессиональной деятельности (ценность профессионализма; ценность саморазвития; ценность эмпатии; ценность здоровья человека во всех его проявлениях; ценность рефлексии; ценность экологичности и конструктивных, развивающих отношений с клиентами; ценность творческой деятельности, раскрывающей потенциал человека);

– *профессионально-статусные ценности*, ориентирующие будущих психологов на достижение и подтверждение значимого положения в изменяющемся обществе (ценность профессионального образования; ценность построения успешной карьеры; ценность социального статуса психолога как специалиста помогающей профессии).

Представленные ценности профессиональной подготовки будущих психологов интегрированы в организационную культуру, образовательное пространство, реализуются во взаимоотношениях преподавателей и студентов в условиях учебной, научной и внеаудиторной и квазипрофессиональной деятельности, во взаимоотношениях студентов разных курсов, транслируются

старшекурсниками студентам младших курсов.

Указанные разделяемые в учебно-профессиональном сообществе ценности транслируются будущим психологам с первых дней обучения в вузе, обеспечиваются системой сопровождения адаптации первокурсников, проявляются в реализации совместных значимых форм деятельности, обуславливающих переживание их значимости. Постепенно они интериоризируются студентами, становясь их внутренними ориентирами. Гуманистическая направленность ценностей образовательного пространства считывается студентами с первых дней обучения на факультете, вхождение в данное пространство.

Вместе с тем поток информации, транслируемой в СМИ и посредством Интернета, часто значительно отличается ценностно-смысловой окрашенностью от представленной в нашей концепции системы. Пропаганда ценностей индивидуализма, потребления, удовольствия, вседозволенности, безответственности приводит к снижению эффективности влияния сложившихся в профессиональном сообществе ценностей. И в этом заключается серьезная проблема для системы профессиональной подготовки психологов и в конечном счете угроза для социума в целом.

Список литературы

1. Авраменко Н.Н. Профессиональная направленность и карьерные ориентации будущих психологов // Прикладная юридическая психология. 2015. № 2. С. 134–141.
2. Буякас Т.М. Основания и условия профессионального становления студентов-психологов // Вестник Моск. гос. ун-та. Сер. 14. Психология. 2005. № 2. С. 7–17.
3. Богданов Е.Н., Иванов Г.П., Шишкина Е.А. К вопросу о динамике ценностных ориентаций молодежи

жи в системе высшего образования // Прикладная юридическая психология. 2011. № 1. С. 73–78.

4. Братусь Б.С. Психология. Нравственность. Культура. М.: Менеджер; Роспедагенство, 1994.

5. Деркач А.А. Методологические и прикладные проблемы обучения студентов-психологов // Акмеология. 2014. № 1 (49). С. 6–15.

6. Каган М.С. Философская теория ценности. СПб., 1997. 284 с.

7. Каправа Дж., Севрон Д. Психология личности. СПб.: Питер, 2003.

8. Карпушина Л.В., Капцов А.В. Многомерная модель ценностно-ориентационной структуры личности // Известия Самарского научного центра РАН. Самара: Изд-во СНЦ РАН, 2003. С. 93–101.

9. Краснощеченко И.П. Акмеологическая концепция становления и развития профессиональной субъектности будущих психологов: автореф. дис. ... д-ра психол. наук. М., 2012.

10. Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики. М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1981.

11. Леонтьев Д.А. Очерк психологии личности. М.: Смысл, 1993.

12. Миронова М.Н. О «новой» культуре: действительно ли она необходима для организации жизни молодежи? [Электронный ресурс]. URL : <http://pchelki.org.ru/index.php/articles/73-2014-07-18-11-04-55>.

13. Мухаметзянова Ф.Г., Аксенова Г.И. Феномен субъектности студента и курсанта: современный взгляд на проблему // Прикладная юридическая психология. 2015. № 1. С. 10–20.

14. Психологический словарь / под общ. ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. М., 1990.

15. Российский энциклопедический словарь : в 2 кн. М. : Большая российская энциклопедия, 2000. Кн. 2.

16. Сластенин В.А. Аксиологические основания общего и профессионального образования // Качество жизни: проблемы системного научного обоснования : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Липецк, 20–22 марта 2000 г.). Липецк : Липецкий гос. пед. ун-т, 2000. С. 15–25.

17. Слободчиков В.И., Исаев Е.И. Антропологический принцип в психологии развития // Вопросы психологии. 1998. № 8. С. 3–17.

18. Слободчиков В.И. Духовные проблемы человека в современном мире // Педагогика. 2008. № 9. С. 33–39.

19. Темнова Л.В. Личностно-профессиональное развитие психолога в системе высшего образования. — М. : Моск. пед. гос. ун-т, 2000.

20. Фромм Э. Иметь или быть? Минск : Харвест, 2014.

21. Фельдштейн Д.И. Человек в современном мире: тенденции и потенциальные возможности развития. М. ; Воронеж : МПСИ ; МОДЭК, 2008. — 16 с.

УДК 343.953

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ОБВИНЯЕМЫХ И ПОТЕРПЕВШИХ ПО ДЕЛАМ ОБ ИЗНАСИЛОВАНИИ МАЛОЛЕТНИХ

А. В. Иванов, З. М. Фаткутдинов

Реферат: изнасилования малолетних являются наиболее опасным видом преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности. Они отличаются высоким уровнем латентности, совершаются с особым цинизмом по отношению к потерпевшим. Во многих случаях подобные преступления представляют собой целую серию посягательств в отношении одного ребенка, которая может длиться несколько месяцев или лет. Это вызывает необходимость совершенствования средств и методов расследования, разработку новых тактических приемов. Существенное значение при раскрытии и расследовании изнасилований малолетних имеют сведения о социально-психологических особенностях личности преступников и потерпевших. Знание этих особенностей способствует как более быстрому выявлению виновных, так и виктимологической профилактике подобных преступлений. Изучение судебно-следственной практики показывает, что большинство изнасилований малолетних совершено одним лицом, находящимся в состоянии алкогольного опьянения, с низким уровнем интеллектуального развития. Групповые преступления данного типа нередко совершаются несовершеннолетними преступниками. Насильник может страдать разнообразными психически-

ми расстройствами, не исключающими вменяемости. Существенной особенностью изнасилований малолетних в ряде случаев является наличие подготовительных действий со стороны виновного лица (выбор потерпевшей, наблюдение за местами скопления детей и пр.). В работе приводятся различные классификации преступников, разработанные известными учеными-криминологами. Типичными потерпевшими от подобных преступлений являются девочки 11–13 лет, которые являлись знакомыми или родственницами виновного, не спровоцировавшие изнасилование собственным аморальным поведением. Совершению изнасилований малолетних нередко способствовала беспечность родителей или иных близких потерпевшей лиц, которые оставляли ребенка наедине с преступником.

Ключевые слова: изнасилование малолетней, личность преступника, личность потерпевшей, психические расстройства, классификация насильников, расследование преступлений, судебно-следственная практика, средства и методы расследования преступлений, криминалистическая характеристика преступлений, ученый-юрист.

Совершение преступлений против половой неприкосновенности малолетних девочек вызывает необходимость

разрешения определенной совокупности задач, стоящих перед органами предварительного расследования. Одним из способов этого является модернизация уже имеющихся и разработка новых эффективных средств, приемов и методов расследования. В современных условиях наблюдается опасная тенденция повышения общественной опасности преступных посягательств против половой неприкосновенности. Нередко данные общественно опасные деяния совершаются с применением насилия, опасного для жизни и здоровья потерпевших, группой лиц, с особым цинизмом, демонстрирующим полнейшее равнодушие к дальнейшей судьбе детей. Изнасилования малолетних представляют собой наиболее опасный тип преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности, отличающийся высокой латентностью. При этом следует учитывать, что латентность преступлений может быть следствием как умысла правоохранителей, так и их недостаточного профессионализма [4, с. 124]. Изучение судебной практики свидетельствует о том, что иные потерпевшие подвергаются сексуальному насилию в течение нескольких месяцев или даже лет, и не обращаются за помощью к кому-либо вследствие страха или стыда. Сколько в целом девочек, подвергшихся изнасилованию, не заявляют об этом можно лишь догадываться. Если учесть, что внутрисемейное насилие характеризуется значительной латентностью, то становится очевидной актуальность исследования проблем внутрисемейного насилия в отношении детей [3, с. 97]. Все это обуславливает необходимость в поиске дополнительных при-

емов, методов и средств раскрытия и расследования данных преступлений, а также модернизации правовой базы их использования. Существенное значение при раскрытии и расследовании данных преступлений имеют сведения о социально-психологических особенностях личности преступников и потерпевших. Знание этих особенностей способствует как более быстрому выявлению виновных, так и виктимологической профилактике изнасилований малолетних. Таким образом, если бы из показаний потерпевших и свидетелей, а также других источников следственно-оперативными органами составлялись психологические портреты насильников, это в значительной степени облегчило бы работу субъектам расследования. Наличие банка психологической информации об особенностях лиц, ранее судимых за изнасилования малолетних, помогло бы очертить круг подозреваемых.

Согласно положениям действующего уголовного законодательства РФ исполнителем данного преступления может быть только лицо мужского пола, достигшее 14 лет. Однако на практике встречаются случаи совершения изнасилования малолетних девочек подростками, не достигшими указанного возраста. Так, 16-летний К. привлек к совершению изнасилования малолетней Д. трех школьников в возрасте от 11 до 13 лет [16]. Хотя исполнителем изнасилования может быть только лицо мужского пола, соучастниками преступления могут быть и женщины. Несовершеннолетняя К. и ее знакомые несовершеннолетние Х. и Б. в состоянии алкогольного опьянения находились на лестничной площадке.

Когда мимо прошла их знакомая — малолетняя А., К. отвела ее в коридор и потребовала, чтобы она вступила в половую связь с Х. Когда А. отказалась, К. избилла ее. После чего Х. отвел ее в туалет, где изнасиловал. К. была осуждена вместе с остальными соучастниками [14].

Объяснение определенных типов социального поведения (например, преступлений) основывается на ряде методологических принципов психологии: детерминизма, системности, единства сознания и деятельности, личностного и деятельностного подходов и др. [6, с. 27]. Психологические особенности личности насильников характеризуются такими чертами, как низкая чувствительность в межличностных контактах (черствость), отсутствие склонности к рефлексированию и способности поставить себя на место другого [11, с. 127]. Изучение нами уголовных дел об изнасиловании малолетних позволило составить примерный портрет лиц, виновных в совершении данных преступлений [17].

Во-первых, в подавляющем большинстве случаев преступления совершаются одним человеком. Если же изнасилование малолетней совершено группой лиц, то подавляющее большинство ее участников являлись лицами от 18 до 25 лет. При этом каждое пятое групповое изнасилование малолетних было совершено несовершеннолетними. В таких случаях подростки получают наслаждение не столько от собственно сексуальных действий, сколько от глумления над беззащитной жертвой, самоутверждения в глазах друг друга [8, с. 130–131]. Нередко подросток совершает преступление под непосред-

ственным влиянием своих сверстников или взрослых лиц, опасаясь, что в случае отказа его будут считать трусом или исключат из какой-либо социальной группы. Особенности личности несовершеннолетних преступников являются: слабое доверие к людям; неспособность адаптироваться в незнакомой среде; низкая ответственность и самообладание; эмоциональная неуравновешенность; мнительность; раздражительность; жесткость; агрессивность и пр. [7, с. 88].

Во-вторых, более половины преступников ранее были не судимыми, но 15% ранее имели судимости за совершение половых преступлений. Таким образом, в каждом седьмом случае имел место специальный рецидив.

В-третьих, подавляющее большинство виновных на момент совершения преступления не состояли в браке.

В-четвертых, почти 80% всех преступников совершили изнасилование в состоянии алкогольного или наркотического опьянения. В то же время насильники, имеющие психические аномалии, не употребляли ни алкоголя, ни наркотических или психотропных веществ.

В-пятых, около 40% преступников ранее являлись знакомыми потерпевшей, 38% — не были знакомы. Около 20% преступников приходились потерпевшей отцами или отчимами. Именно эти лица совершали изнасилования своих малолетних дочерей или падчериц в течение длительного времени (нескольких месяцев или лет).

В-шестых, в ходе предварительного следствия и судебного заседания менее 15% преступников полностью признали свою вину. Около 60% заявили о своей невинности и поряд-

ка 22% признали вину частично (факт якобы добровольного полового сношения). В остальных случаях преступники в ходе предварительного следствия и судебного разбирательства меняли свои первоначальные показания как в сторону признания вины, так и наоборот.

Значительный интерес представляет классификация насильников, предложенная Ю.М. Антоняном, В.П. Голубевым и Ю.Н. Кудряковым [1, с. 136–148]. Они выделяют следующие группы половых преступников.

Первую группу образует так называемый *регрессивный тип*, то есть лица, совершающие изнасилования девочек в возрасте от 7 до 14 лет. Данная категория именуется так, поскольку преступники совершают своеобразный возврат от сексуальных отношений с взрослыми женщинами к более простым — с подростками. Большинство из них являются мужчинами старше 40 лет либо обладают пониженными половыми способностями. Такие преступники, как правило, состоят в браке, но половые связи с супругой или иными женщинами не дают им сексуального удовлетворения.

Вторая группа насильников состоит из лиц с ярко выраженными патофизиологическими особенностями. Этот тип преступников носит условное название «*конформный*». Их отличительное свойство заключается в том, что они совершают изнасилования в составе группы лиц, не являясь при этом инициаторами, что особенно характерно для несовершеннолетних. Доминирующей психологической характеристикой означенной категории насильников является недостаток волевых ка-

честв, вследствие чего они становятся орудием в руках преступного лидера. Как показывает практика, поведение указанных лиц в местах лишения свободы также подчинено стремлению «жить как все и не выделяться». Они тут же оказываются под влиянием других осужденных и, как правило, используются для выполнения различных поручений либо как партнеры в гомосексуальных отношениях.

Третью группу преступников составляют лица *аффективного типа*. Они совершают изнасилования маленьких девочек, в том числе дошкольного возраста. Этот тип назван так, поскольку основную роль в совершении ими преступлений приобретают определенные аффективные следы, образовавшиеся в психике в процессе социализации. К таким следам можно отнести пережитое в детстве насилие, жестокое обращение к будущему преступнику со стороны его близких и пр. Это порождает у преступника немотивированную агрессию, то есть целенаправленное деструктивное поведение, нарушающее нормы и правила сосуществования людей в обществе, наносящее вред объектам нападения (одушевленному или неодушевленному), причиняющее физический ущерб людям или вызывающее у них психологический дискомфорт [2, с. 38].

Четвертая группа включает в себя так называемых «*отвергаемых*» насильников, то есть тех, кто не может нормально удовлетворить свои половые потребности. Основную часть этой категории преступников составляют лица, страдающие олигофренией (только в степени дебильности), либо имеющие какие-либо физические недостатки,

препятствующие нормальным отношениям с женщинами. Данные лица не могут объяснить причины совершенного преступления или утверждают, что сексуальные отношения с потерпевшей были добровольными. При этом их совершенно не смущает неправдоподобность заявлений о том, что малолетняя потерпевшая якобы сама захотела вступить с ними в половую связь.

И наконец, *особую группу* образуют лица, совершившие случаи преступного инцеста. Чаще всего это бывают пары отец — дочь (отчим — падчерица), реже старший брат — младшая сестра. Эти лица нередко страдают расстройством сексуального предпочтения (педофилией). Так, Е., приходящийся отцом двум дочерям, изнасиловал свою старшую дочь, когда ей исполнилось 12 лет. Отбыв наказание в виде 6 лет лишения свободы (освободился досрочно), он вернулся в семью. К этому времени старшая дочь ушла из семьи, а младшая (11,5 лет) продолжала жить с отцом. Через три месяца после возвращения из мест лишения свободы Е. изнасиловал ее. Согласно заключению судебной сексолого-психиатрической экспертизы, у Е. было обнаружено «влечение по типу педофилии, инцестофилии, эротомании», не исключающее вменяемости [15]. Необходимо учитывать, что многие преступления против половой неприкосновенности малолетних были совершены насильниками, находящимися в так называемом пограничном состоянии психики. Такие лица внешне ведут себя как обычные люди и совершают изнасилования после воздействия на них какого-либо внешнего раздражителя (например, просмотр записи детской порнографии или пе-

редачи о сексуальном маньяке). Неслучайно с начала XXI века произошел существенный рост данного вида преступлений, после того как по телевидению начали открыто показывать сюжеты о сексуальных маньяках-убийцах и стали доступны интернет-ресурсы с детской порнографией [5, с. 598].

Особый интерес представляет отношение насильников к собственным преступлениям. Анализ следственно-судебной практики продемонстрировал, что подавляющее большинство лиц, совершивших изнасилования малолетних, не признали себя виновными. У многих преступников даже появляется почти искренняя уверенность в том, что они ни в чем не виноваты, или их вина невелика. Анализируя изложенное, можно сделать вывод, что у данных лиц преобладают следующие личностные свойства: 1) грубость, нередко переходящая в жестокость, часто необъяснимую; 2) циничное потребительское отношение к окружающим; 3) примитивные взгляды на взаимоотношения полов, сводящиеся исключительно к физиологическому сношению; 4) злоупотребление алкогольной продукцией. Согласно справедливому замечанию известного российского криминолога О. В. Старкова, пьянство (как и наркомания) взаимосвязаны друг с другом как на общесоциальном, так и на личностно-микросредовом уровнях [10, с. 212]; 5) наличие патологий в психике, как правило, не исключающих вменяемости. Все это свидетельствует о низкой вероятности возможного перевоспитания преступников данной категории и предполагает применение к ним самых суровых мер уголовной ответственности.

Другим значимым структурным элементом криминалистической характеристики изнасилований малолетних является личность потерпевшей, всегда привлекавшая внимание правоохранителей и ученых-юристов. Так, Ю.М. Антонян делит потерпевших от изнасилований на следующие типы:

- малолетние девочки в возрасте до 7–8 лет, которые в силу возрастных особенностей не в состоянии адекватно оценить виктимную ситуацию;

- потерпевшие, имевшие возможность осознавать грозившую им опасность, однако не предвидевшие криминальных последствий (характерно для изнасилований, совершаемых отцами, отчимами, педагогами и т. д.);

- девочки, которые стали жертвами преступления в силу пренебрежения мерами личной безопасности (например, впустившие в квартиру постороннего мужчину);

- потерпевшие, поведение которых способствовало совершению изнасилования. Это девочки, уже ведущие половую жизнь, употребляющие спиртные напитки в малознакомых компаниях [9, с. 231].

Изучение нами уголовных дел данной категории показало следующее. Наибольшую долю среди потерпевших составляют девочки в возрасте от 11 до 13 лет (48%); потерпевших в возрасте от 7 до 10 лет — 36%, младше 7 лет — 11%. Легкомысленное или аморальное поведение для малолетних потерпевших, как правило, нехарактерно. В 97% случаях поведение потерпевших не носило провоцирующего характера. Лишь три из всех потерпевших ранее вели половую жизнь. Таким образом, провоцирующее поведение малолет-

них потерпевших является скорее исключением из правил. Так, малолетняя С. распивала спиртные напитки в компании малознакомых ей парней. После этого она была изнасилована одним из присутствующих — совершеннолетним У. [13]. Если же анализировать фактор знакомства потерпевшей и преступника, то оказывается, что около 60% малолетних девочек ранее были знакомы с преступниками, причем треть из них приходились им родными или близкими — дочерьми, падчерицами или сестрами. Подавляющее большинство потерпевших росли в неблагополучных или малообеспеченных семьях. В 70% случаев родители потерпевших злоупотребляли спиртными напитками, вели аморальный образ жизни. Следует отметить, что значительное число изнасилований малолетних было совершено вследствие беспечности родителей или иных близких потерпевшей лиц. Например, более двух десятков преступлений были совершены по одной и той же схеме: преступник приходил в гости к родителям потерпевшей и употреблял с ними спиртные напитки. Затем родители ложились спать или уехали из квартиры, оставляя насильника наедине с будущей жертвой. Так, В. пришел в квартиру к своему знакомому Р., который находился там вдвоем со своей малолетней дочерью. После совместного распития спиртных напитков В. дал Р. денег и отправил его в магазин для приобретения очередной порции спиртных напитков. Как только последний ушел, В. изнасиловал двенадцатилетнюю потерпевшую, спавшую в соседней комнате [12].

Итак, наиболее типичными потерпевшими по уголовным делам указан-

ной категории являются девочки в возрасте от 11 до 13 лет, ранее знакомые с преступником, поведение которых не провоцировало совершение данного преступления.

Список литературы

1. Антонян Ю.М., Голубев В.П., Кудряков Ю.Н. Изнасилования: причины и предупреждение. М.: ВНИИ МВД СССР, 1990. 192 с.

2. Ениколопов С.Н. Актуальные проблемы исследования агрессивного поведения // Прикладная юридическая психология. 2010. № 2. С. 37–47.

3. Канчурина А.А. Социально-психологические аспекты совершения насильственных преступлений против близких родственников // Прикладная юридическая психология. 2013. № 1. С. 88–99.

4. Криминология: учеб. для вузов / под общ. ред. А.И. Долговой. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2005. 912 с.

5. Минкин А.В. Президенты RU: учеб. истории. М.: Астрель, 2012. 654 с.

6. Пастушеня А.Н. Психологический механизм преступного поведения: системно-функциональный анализ // Прикладная юридическая психология. 2011. № 1. С. 27–38.

7. Реуцкая И.Е. Психологические особенности личности родителей и несовершеннолетних из неблагополучных семей // Прикладная юридическая психология. 2011. № 3. С. 85–93.

8. Сафуанов Ф.С., Васк В.В. Психологический анализ мотивации преступных действий несовершеннолетних правонарушителей при совершении групповых и индивидуальных деликтов // Прикладная юридическая психология. 2010. № 2. С. 123–135.

9. Серийные сексуальные преступления: учеб. пособие / под ред. Ю.М. Антоняна. М.: Щит и Меч, 2000. 238 с.

10. Старков О.В. Предупреждение преступлений: учеб. пособие. М.: Юрист, 2005. 284 с.

11. Шиханцов Г.Г. Юридическая психология. М.: ЗЕРЦАЛО-М, 2006. 272 с.

12. Архив Верховного суда Республики Марий Эл за 2000 г. Уголовное дело № 2-8.

13. Архив Верховного суда Республики Татарстан за 1997 г. Уголовное дело № 2-229.

14. Архив Верховного суда Республики Татарстан за 1999 г. Уголовное дело № 2-17.

15. Архив Верховного суда Чувашской Республики за 2001 г. Уголовное дело № 2-45.

16. Архив Верховного суда Чувашской Республики за 2002 г. Уголовное дело № 2-67.

17. Материалы архивных уголовных дел верховных судов Республики Татарстан, Республики Марий-Эл и Чувашской Республики.

УДК 159.9:343.8

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДИКТОРЫ ИНТЕРВАЛА РЕЦИДИВНОСТИ

В. Г. Булыгина, А. А. Дубинский, М. Ю. Белякова, Н. Е. Лысенко

Реферат: в статье представлены результаты исследования психологических предикторов интервала рецидивности — временного интервала между отменой принудительного лечения и совершением повторного правонарушения. В исследование было включено 763 человека, страдающих различными психическими заболеваниями.

Проанализированы клинико-социальные данные, результаты эксперимен-

тального патопсихологического исследования. Комплекс специализированных методик включал в себя: опросник «Стиль саморегуляции поведения»; методику изучения самоконтроля Г. Грасмика, адаптированную В.Г. Булыгиной, А.М. Абдраязковой; опросник А. Басса и М. Пери в адаптации С.Н. Ениколопова, Н.П. Цибульского; опросник СОРЕ; тест эмоционального интеллекта Н. Холла и методику изучения социальной ап-

перцепции, созданную М.Ю. Беляковой и В.Г. Булыгиной.

Выделены психологические предикторы совершения повторных общественно опасных действий в период менее одного года после отмены принудительного лечения. Среди них наиболее значимы — неспособность планировать свою деятельность, несвязанность этапов саморегуляции между собой и низкий самоконтроль, трудности в установлении логических связей и понимании смысла ситуации с своеобразием ее интерпретации, неспособность к дифференциации эмоций участников интеракции по модальности, продуцирование большего числа социально неприемлемых вариантов развития событий. Кроме того, для категории больных, совершивших повторное общественно опасное действие менее чем через один год после отмены принудительного лечения, были выделены следующие клиникосоциальные переменные: зависимость от алкоголя, невысокий образовательный уровень, нескритичность к заболеванию, эмоциональная неустойчивость, совершение общественно опасных действий насильственно-агрессивной направленности преимущественно по негативно-личностному психопатологическому механизму.

Ключевые слова: интервал рецидивности; психологические предикторы; общественно опасные действия; принудительное лечение; саморегуляция; самоконтроль; криминальный рецидив; психические расстройства; профилактика общественно опасных действий; прогностические модели; повторность; прогноз.

Проблема совершения общественно опасных действий (ООД) лицами с психическими расстройствами имеет большую социальную значимость, а профилактика повторных правонарушений является одной из приоритетных задач судебной психиатрии, судебной и клинической психологии [2; 3; 8; 12; 13]. В 2013 г. количество ООД лиц с психическими расстройствами, исключающими вменяемость, составило 10 642 случая, а принудительные меры медицинского характера (ПММХ) в психиатрических стационарах осуществлялись в отношении 16 895 пациентов. Количество повторных ООД составляет около 30% всех деликтов, и этот показатель остается стабильным на протяжении последнего десятилетия [10].

Столь значительные данные о правонарушениях, включая повторные ООД, совершаемых лицами с тяжелыми психическими расстройствами, говорят о масштабности и значимости этой проблемы, необходимости ее решения для обеспечения безопасности граждан Российской Федерации. В связи с этим особую актуальность приобретает изучение психологических закономерностей в отношении психически больных, совершивших ООД, в плане повышения эффективности их лечения и реабилитации, а также предупреждения неблагоприятных социальных последствий психического заболевания [2; 6].

При этом для того чтобы оценить качество и эффективность проведенных лечебно-реабилитационных мероприятий в системе судебно-психиатрической профилактики выделяют определенные показатели, в частности показатель по-

вторности противоправных деяний, совершенных пациентами, в том числе после прекращения исполнения в отношении них ПММХ, а также длительность временного периода, в течение которого больные не совершали ООД после отмены принудительного лечения (ПЛ). Последний критерий называется интервалом рецидивности, показатели которого определяются множеством факторов, таких как: достаточность проведенной лечебно-реабилитационной работы, адекватность оценки риска потенциальной общественной опасности больного, обоснованность принятия решения об отмене ПЛ и др. [7].

Следует указать на отличия показателей временного интервала между отменой ПЛ и совершением повторных правонарушений в отечественной и зарубежной практике. Процент лиц, совершивших повторные правонарушения в 2-летний период после прекращения ПЛ в стационаре с максимальной степенью надзора — аналоге психиатрической больницы специализированного типа с интенсивным наблюдением (ПБСТИН), несколько ниже, чем средний показатель по России (6 против 6,4%) [3; 10]. В Англии и Шотландии показатель рецидивности в течение первого года для больных, прошедших лечение в стационарах общего и специализированного типа, составляет 4% [13].

В аналитических данных за 2013 г. указывается, что процент встречаемости лиц, совершивших повторное ООД менее чем через год после отмены ПЛ, в Российской Федерации составляет 6,4% от общего числа поступивших на стационарное ПЛ больных. При этом в различных регионах страны этот по-

казатель колеблется от 12,5 до 42,1% [10]. Однако данные о показателях интервала рецидивности в зависимости от степени общественной опасности больных (решение суда о направлении в стационары с различным уровнем надзора) в статистической отчетности отсутствуют.

В отечественной судебной психиатрии до недавнего времени акцент делался в основном на организационных и клинично-социальных проблемах, не позволяющих повысить эффективность профилактики рецидивов ООД у лиц с психическими расстройствами. В рамках данной проблемы судебными психиатрами признается, что несмотря на то, что показатель рецидивности имеет в последние годы тенденцию к снижению, случаи совершения повторных ООД в течение одного года после отмены ПЛ нуждаются в особом внимании и обсуждении с рассмотрением причин повторности ООД [9; 10].

Кроме того, судебными психиатрами подчеркивается важность учета условий, приводящих к скорому рецидиву ООД, связанных с качеством исполнения ПММХ. К таким условиям относятся: необоснованное прекращение фармакотерапии, недооценку степени социальной дезадаптации с недостаточностью мер по реадaptации больных; недооценку опасности употребления психоактивных веществ; неадекватность проведенных психосоциальных вмешательств; нарушение принципов преемственности в ведении больных, особенно при переводе их из одного учреждения в другое; игнорирование возможности лечения препаратами пролонгированного действия и т. д. [7; 10].

Таблица 1

Распределение обследованных по полу и диагнозам

N (%) от общей выборки	Мужчины	Женщины	Всего
Средний возраст (на момент обследования), лет	37,8	40,7	39,9±11,3
Находящиеся на ПЛ	563	200	763 (100)
Диагноз по МКБ-10			
Шизофрения, хронические бредовые расстройства (F20.00, 20.01, 20.06, 20.014, 20.016)	291 (51,9) от всех мужчин	121 (60,63) от всех женщин	432 (56,63)
Органические психические расстройства (F07.08, F07.09, F01-07)	150 (26,88)	44 (21,98)	194 (25,38)
Умственная отсталость (F71.18, F70.1)	51 (9,11)	14(7,09)	65 (8,49)
Аффективные расстройства (F30-39), Расстройства, связанные с приемом ПАВ (F10-19), Расстройства личности (F60-69)	53 (9,43)	19 (9,57)	72 (9,48)

Общепризнанной в судебной психологии и судебной психиатрии становится точка зрения, что исходя из многокомпонентности и полифакторности общественной опасности лиц с психическими расстройствами, изучение факторов риска и факторов, сдерживающих риск совершения повторных ООД лицами с психическими расстройствами, невозможно без учета психологических и патопсихологических переменных [2]. Психологические и патопсихологические предикторы интервала рецидивности, в свою очередь, значимы как для построения прогностических моделей оценки вероятности совершения повторных ООД, так и для прогноза вероятности сокращения временного интервала между отменой ПЛ и критичным рецидивом [2].

В связи с этим было проведено изучение и выделение психологических и патопсихологических предикторов интервала рецидивности на основании комплексного эмпирического ис-

следования клинко-социальных, психологических и патопсихологических факторов общественной опасности лиц с тяжелыми психическими расстройствами.

Материал и методы исследования

Было обследовано 763 пациента, находившихся на ПЛ в 2004–2014 гг. (средний возраст 39,9±11,3 лет, соотношение мужчин и женщин — 2,3:1). Нозологический и гендерный состав исследуемой выборки представлен в таблице 1.

Критериями включения в исследование были: 1) решение суда о невменяемости пациента; 2) направление на ПЛ; 3) возраст, начиная от 17 лет. Критериями исключения являлись: 1) начало заболевания после совершенного ООД; 2) острая психотическая симптоматика на момент обследования.

Для проведения исследования была разработана карта исследования, состоящая из 253 пунктов и

включающая в себя несколько блоков (социально-демографические, клинично-криминологические, социально-психологические, патопсихологические факторы). В качестве источника сведений о пациентах использовались: истории болезни, амбулаторные карты, заключения комиссии экспертов, журнал регистрации амбулаторных пациентов отделения амбулаторного принудительного наблюдения и лечения с кабинетом активного диспансерного наблюдения, журналы ведения психокоррекционной работы.

Помимо экспериментального патопсихологического исследования использовался следующий методический комплекс: опросник «Стиль саморегуляции поведения» [11]; методика изучения самоконтроля Г. Грасмика в адаптации В.Г. Булыгиной, А.М. Абдраязковой [4]; опросник А. Басса и М. Пери в адаптации С.Н. Ениколопова, Н.П. Цибульско-го [5]; опросник COPE [14]; тест эмоционального интеллекта Н. Холла [15]; методика изучения социальной апперцепции [1].

Статистическая обработка данных проводилась с использованием анализа таблиц сопряженности с применением критерия χ^2 , корреляционного анализа (коэффициенты корреляции Спирмена и Пирсона), расчета частотных таблиц, а также процедуры множественного регрессионного анализа. Критерием статистической достоверности получаемых выводов мы считали общепринятую в психологии величину $p \leq 0,05$. Анализ данных производился с помощью статистических пакетов SPSS 20.0, Excel 15.0.

Результаты и обсуждение

По результатам корреляционного анализа, проведенного на обобщенной выборке пациентов, совершивших повторные ООД, было обнаружено, что минимальный временной период между отменой ПЛ и совершением повторного ООД ассоциируется с нарушениями гибкости регуляторных процессов ($-0,192$), ограничением способности к моделированию значимых условий деятельности ($-0,157$) и построению программы исполнительских действий ($-0,174$), более выраженными проявлениями психотизма ($-0,157$).

При использовании таблиц сопряженности с применением критерия χ^2 обнаружено, что лиц, совершивших повторное ООД в течение года после отмены предыдущего ПЛ, значительно отличало наличие расстройств поведения и конфликтность в отношениях со сверстниками ($0,001$). При этом агрессивные тенденции носили экстрапунитивный характер ($0,002$), среди патохарактерологических черт преобладала эмоциональная неустойчивость ($0,000$). У таких пациентов значительно чаще отмечалась зависимость от алкоголя ($0,001$).

Патопсихологический симптомокомплекс характеризовался ограниченным запасом сведений и знаний ($0,0001$) и способностью ориентироваться в практических ситуациях ($0,0001$), количественными ($0,009$) и динамическими нарушениями внимания и памяти ($0,001$), нарушением критичности как к собственной личности и болезни, так и к факту совершения ООД ($0,000$). Среди индивидуально-психологических особенностей был отмечен низкий уровень развития эмоционально-волевых

Таблица 2

Результаты регрессионного анализа переменных, вносящих значимый вклад в совершение повторного ООД в течение первого года после отмены ПЛ

Параметр	Бета-коэффициент	Коэффициент	t(1174)	p-value
Intercept		-2,25555	-4,56201	0,000006
Нарушение критики к болезни	0,137579	0,72409	4,98296	0,000001
Эмоциональная неустойчивость	0,117896	0,58926	4,2519	0,000023
Восприятие социальной поддержки	0,113508	0,10136	4,19608	0,000029
Следование своим планам	-0,10948	-0,81713	-4,0576	0,000053
Потеря контроля над собой	0,101944	0,76816	3,74651	0,000188
Множественный коэффициент корреляции				0,389
Коэффициент детерминации				0,15
Статистика Фишера F(5,35)				29,9
Уровень p				0,0000

структур (0,000) и эмоционального интеллекта в виде выраженных трудностей понимания чувств других людей (0,025). На этапе стационарного ПЛ анализируемую группу пациентов отличала скрытность и изворотливость в общении с персоналом (0,000), мотивировка конфликтов с другими больными отстаиванием справедливости (0,020). Ремиссия была фармакотерапевтической (0,008).

Анализ таблиц сопряженности в отношении лиц, у которых период между отменой ПЛ и совершением повторного ООД составил более 10 лет, выявил следующее. Эту группу лиц значимо отличал более высокий образовательный уровень (0,0001), при этом больные были заняты на низкоквалифицированных работах (0,007).

Среди специфичных динамических характеристик познавательной дея-

тельности отмечалось только снижение темпа работоспособности (0,034). Было также обнаружено снижение критики к болезни (0,0001) и ситуации ООД (0,004). Последнее правонарушение было совершено по продуктивно-психотическому механизму (0,001).

Важно отметить, что среди пациентов, у которых период между отменой ПЛ и совершением повторного ООД составил более 10 лет, было значимо больше лиц, которые не нарушали режимные требования отделения (0,027) и не демонстрировали агрессивные формы реагирования на этапе стационарного ПЛ (0,009).

Для выделения психологических переменных, являющихся значимыми для прогноза вероятности сокращения временного периода между отменой ПЛ и совершением нового правонарушения в группе пациентов с дефицитар-

Таблица 3

Результаты множественного регрессионного анализа переменных, значимых для совершения повторных ООД в течение первого года после отмены ПЛ

Model/параметр	Unstandardized Coefficients		Standardized Coefficients	t	Sig.
	B	Std. Error	Beta		
(Constant)	0,207	0,260		0,797	0,428
Планирование	0,113	0,031	0,425	3,620	0,001
Самостоятельность	0,048	0,026	0,196	1,829	0,071
Общий уровень саморегуляции	-0,044	0,011	-0,538	-4,178	0,000
Склонность к риску	0,012	0,012	0,107	1,018	0,312
Раздражительность	0,020	0,012	0,170	1,676	0,098
Физическая активность	-0,023	0,012	-0,191	-1,830	0,071
Эгоцентризм	0,028	0,011	0,260	2,496	0,015

ными психическими расстройствами и изменениями личности, совершивших повторные ООД по негативно-личностному психопатологическому механизму, был проведен множественный регрессионный анализ (табл. 2).

Наибольшее значение получили такие психологические переменные, как неспособность к планированию своей деятельности (0,0001), потеря контроля над собой (0,000), нарушение критичности к собственному состоянию (0,0001), эмоциональная неустойчивость (0,0001).

Кроме того, в качестве предикторов совершения повторных ООД в течение первого года после отмены ПЛ были выделены: снижение общего уровня осознанной саморегуляции поведения, несвязанность звеньев регуляторной системы, низкий самоконтроль с преобладанием раздражительности и эгоцентризма (табл. 3).

Обобщая изложенное, отметим, что лиц, совершивших повторное ООД в те-

чение первого года с момента отмены ПЛ, значимо отличают такие клинко-социальные переменные, как зависимость от алкоголя, невысокий образовательный уровень, некритичность к заболеванию, эмоциональная неустойчивость, совершение ООД насильственно-агрессивной направленности преимущественно по негативно-личностному психопатологическому механизму.

Для данной категории больных характерно следующее: снижение общего уровня осознанной саморегуляции поведения, проявляющееся в неспособности планировать свою деятельность; несвязанность этапов саморегуляции между собой и низкий самоконтроль; трудности в установлении логических связей и понимании смысла ситуации, своеобразия ее интерпретации; неспособность к четкой дифференциации эмоций участников интеракции по модальности и продуцирование большего числа социаль-

но неприемлемых вариантов развития событий.

По результатам корреляционного анализа, проведенного на обобщенной выборке пациентов, совершивших повторные ООД, было обнаружено, что минимальный период между отменой ПЛ и совершением повторного ООД ассоциируется с нарушениями гибкости регуляторных процессов, ограничением способности к моделированию значимых условий деятельности и построению программы исполнительских действий, более выраженными проявлениями психотизма.

Лиц, совершивших повторное ООД после отмены предыдущего ПЛ в течение года, значимо отличали расстройство поведения и конфликтность в отношениях со сверстниками. При этом агрессивные тенденции носили экстрапунитивный характер, среди патохарактерологических черт преобладала эмоциональная неустойчивость. У таких пациентов значимо чаще отмечалась зависимость от алкоголя. На этапе стационарного ПЛ анализируемую группу пациентов отличала скрытность и изворотливость в общении с персоналом, мотивировка конфликтов с другими больными отставиванием справедливости. Ремиссия была фармакотерапевтическая.

Патопсихологический симптомокомплекс характеризовался ограниченным запасом сведений и знаний и способностью ориентироваться в практических ситуациях, количественными и динамическими нарушениями внимания и памяти, нарушением критичности как к собственной личности и болезни, так и к факту совершения ООД.

Среди индивидуально-психологических особенностей был отмечен низкий уровень развития эмоционально-волевых структур и эмоционального интеллекта в виде выраженных трудностей понимания чувств других людей.

Для лиц, у которых период между отменой ПЛ и совершением повторного ООД составил более 10 лет, характерно следующее. Эту группу лиц значимо отличал более высокий образовательный уровень, при этом больные были заняты на низкоквалифицированных работах. Среди специфичных динамических характеристик познавательной деятельности — только снижение темпа работоспособности. Одновременно с этим отмечалось снижение критики к болезни и ситуации ООД. Последнее правонарушение было совершено по продуктивно-психотическому механизму. Важно отметить, что среди таких пациентов было значимо больше лиц, которые не нарушали режимные требования отделения и не демонстрировали агрессивные формы реагирования на этапе стационарного ПЛ.

В заключение приведем ряд основных выводов.

Лиц, совершивших повторное ООД в течение первого года с момента отмены ПЛ, значимо отличают такие клинико-социальные переменные, как зависимость от алкоголя, невысокий образовательный уровень, не критичность к заболеванию, эмоциональная неустойчивость, совершение ООД насильственно-агрессивной направленности преимущественно по негативно-личностному психопатологическому механизму.

Для категории больных с рецидивом ООД менее одного года после от-

мены ПЛ характерны следующие психологические параметры: низкий уровень осознанной саморегуляции поведения, неспособность планировать свою деятельность, несвязанность этапов саморегуляции между собой и низкий самоконтроль, трудности в установлении логических связей и понимании смысла ситуации с своеобразием интерпретации, неспособность к четкой дифференциации эмоций участников интеракции по модальности и продуцирование большего числа социально неприемлемых вариантов развития событий.

Список литературы

1. *Белякова М.Ю., Булыгина В.Г.* Исследование когнитивных подпроцессов саморегуляции судебно-психиатрических пациентов с использованием новой методики изучения социальной апперцепции // Психическое здоровье. 2012. № 11. С. 56–60.
2. *Булыгина В.Г.* Психологическая концепция профилактики общественно опасных действий лиц с тяжелыми психическими расстройствами : дис. ... д-ра психол. наук. М., 2015. 393 с.
3. *Булыгина В.Г.* Психологические аспекты судебно-психиатрической профилактики. М., 2015. 297 с.
4. *Булыгина В.Г., Абдраязкова А.М., Коваленко И.В.* Методика оценки самоконтроля у несовершеннолетних. М., 2010. 22 с.
5. *Ениколопов С.Н., Цибульский Н.П.* Психометрический анализ русскоязычной версии опросника диагностики агрессии А. Басса и М. Перри // Психологический журнал. 2007. Т. 28. С. 115–124.
6. *Казаковцев Б.А.* О психиатрической реформе // Российский психиатрический журнал. 2005. № 1. С. 57–59.
7. *Казаковцев Б.А., Макушкина О.А., Мальцева М.М.* Судебно-психиатрическая профилактика в Российской Федерации : аналит. обзор. М., 2012. 356 с.
8. *Котов В.П., Мальцева М.М.* Потенциальная общественная опасность психически больных, ее значение и принципы адекватной диагностики // Российский психиатрический журнал. 2006. № 2. С. 10–14.
9. *Макушкина О.А., Голланд В.Б., Яхимович Л.А.* Значение мер медицинского характера в системе профилактики общественно опасных действий психически больных // Российский психиатрический журнал. 2013. № 4. С. 20–26.
10. *Макушкина О.А., Котов В.П., Мальцева М.М.* Система профилактики общественной опасности психически больных в России в 2006–2013 гг. (динамика показателей и анализ эффективности) : аналит. обзор. М., 2015. 192 с.
11. *Моросанова В.И., Соколова Л.А.* Опросный метод для диагностики осознанного уровня саморегулирования деятельности // Новые исследования в психологии и возрастной физиологии. 1989. № 2. С. 14–18.
12. *Рыбников В.Ю., Булыгина В.Г.* Диагностические возможности теоретического конструкта «самоконтроль» // Российский психиатрический журнал. 2015. № 1. С. 11–16.
13. *Рыбников В.Ю., Булыгина В.Г.* Психологическая профилактика общественно опасных действий психически больных. М. : Спринтер, 2015. 285 с.
14. *Carver C.S., Scheier M.F., Weintraub J.K.* Assessing coping strategies: A theoretically based approach // Journal of Personality and Social Psychology. 1989. Vol. 56. P. 267–283.
15. *Schutte N.S., Malouff J.M., Hall L.E.* Development and validation of a measure of emotional intelligence // Personality and Individual Differences. 1998. Vol. 25. P. 167–177.

УДК 159.9:343.83

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ УСТАНОВКИ И ЦЕННОСТИ В КОНТЕКСТЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ ЮРИСТОВ

Т. С. Пухарева

Реферат: статья посвящена теоретико-эмпирическому исследованию социально-психологических установок и ценностных ориентаций юристов.

В теоретическом обосновании статьи проведен краткий обзор отечественной и зарубежной литературы по проблеме социально-психологических установок и ценностей личности, показана роль социально-психологических установок и ценностных ориентаций в профессиональном развитии юриста. Социально-психологическая установка понимается как явление, отражающее внутреннюю позицию личности по отношению к объектам окружающего мира и направленное к ее потребностям. Ценностные ориентации рассматриваются как важнейшие компоненты структуры личности, основная функция которых заключается в регуляции поведения, организации деятельности и жизни человека в целом. Констатируется, что значимые для личности ценности выступают определенными стимулами в профессиональной деятельности и задают вектор профессионального развития и самореализации.

Представлены результаты эмпирического исследования, в котором принимали участие юристы в возрасте от 23 до 38 лет, из них 46,2% мужчин и 53,8% женщин. В качестве диагностического инструментария в исследовании использованы методики диа-

гностики социально-психологических установок личности в мотивационно-потребностной сфере (О.Ф. Потемкина) и реальной структуры ценностных ориентаций личности (С.С. Бубнова). Приведены средневывборочные значения показателей социально-психологических установок и ценностных ориентаций респондентов, результаты сравнительного анализа полученных данных у мужчин и женщин, выявлены взаимосвязи социально-психологических установок и ценностных ориентаций респондентов с помощью методов математической статистики.

В результате эмпирического исследования установлено, что в целом для юристов свойственно поведение, направленное на повышение материального вознаграждения, познание нового и саморазвитие, поддержание хорошего физического и духовного самочувствия, а также на реализацию таких социальных ценностей во взаимоотношениях, как признание и уважение людей. Выявлены достоверные различия в показателях направленности на результат, процесс, свободу, эгоизм и общение у мужчин и женщин. Показаны многомерные связи социально-психологических установок и ценностных ориентаций в структуре личности юриста.

Сформулирован вывод о перспективности исследования специфики ценностно-смысловой сферы пред-

ставителей юридических профессий, ее взаимосвязи с профессиональной успешностью и профессиональной самореализацией.

Ключевые слова: *социально-психологический феномен, социально-психологические установки, ценности, ценностные ориентации, направленность личности, профессия юриста, профессиональная деятельность, профессиональное развитие, самореализация, личность юриста.*

Проблема изучения социально-психологических установок и ценностных ориентаций в контексте профессионального развития личности имеет принципиальное значение для психологической науки и практики, поскольку эти психологические явления рассматриваются как важнейшие личностные характеристики, существенно влияющие на профессиональную сферу жизни человека. Необходимость изучения данных феноменов у представителей юридического труда обусловлена важной социальной ролью юридических профессий, связанных с обеспечением и охраной правопорядка в обществе. Профессия юриста имеет широкий спектр качественно различных направлений профессиональной реализации, поскольку юристы работают в правоохранительных органах, судопроизводстве, органах юстиции, других государственных и муниципальных учреждениях и частных организациях.

На наш взгляд, исследование социально-психологических установок и ценностных ориентаций юристов актуально в силу следующих обстоятельств: во-первых, социально-психологические установки и ценностные ориентации

личности влияют на ее профессиональное развитие и успешность профессиональной деятельности, поскольку организуют поведение специалиста и служат достижению профессиональных целей; во-вторых, задают ценностно-смысловую направленность личности; в-третьих, способствуют самореализации личности, в том числе в профессиональной сфере жизни. В научных концепциях и исследованиях широко представлена проблематика, касающаяся социально-психологических установок и ценностных ориентаций личности (Г.М. Андреева, Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев, С.Л. Рубинштейн, В.А. Ядов, М. Смит, Д. Брунер, Д. Кац, М. Рокич, В. Франкл и др.). Вместе с тем научных работ, посвященных изучению социально-психологических установок и ценностей у представителей юридических профессий, крайне мало.

Как правило, под установкой понимается предрасположенность, предуготовленность личности к определенному способу поведения: установка рассматривается как психологическая готовность (Л.С. Выготский); как выражение личностного смысла (А.Н. Леонтьев); как особое состояние личности, предшествующее ее реальному поведению (В.Н. Мясищев); направленность, внутренняя позиция личности по отношению к миру (Л.И. Божович).

В рамках социально-психологического подхода под социальными установками понимаются те социально-психологические феномены, которые обращены прежде всего к социальным потребностям личности. При объяснении этих явлений авторы используют такие понятия, как диспози-

ция (В.А. Ядов), социальная установка (Г.М. Андреева), аттитюд и аттитюдные системы (М. Смит, Д. Брунер, Д. Кац). В целом авторы сходятся во мнении о том, что социально-психологические установки активно задействованы в процессе социального познания и регуляции социального поведения [3].

В немногочисленных исследованиях социально-психологических установок в профессиональной деятельности юристов отмечается, что можно выделить группу специфических профессиональных установок, формирующихся и функционирующих в условиях профессиональной деятельности [2; 7]. Показано, что профессиональные установки следует рассматривать как специфические мотивационно-смысловые образования, особый мотивационный механизм регуляции правоохранительной деятельности [7]; как оценку и отношение личности как субъекта профессиональной деятельности к себе, к своей профессиональной деятельности, выполнению требований своей профессии [2].

М.В. Пряхина подчеркивает, что профессиональные установки определяют диспозицию личности сотрудника ОВД по отношению к объектам в системе «человек-право», играют значительную роль в саморегуляции поведения, позволяют прогнозировать профессиональное поведение сотрудника на относительно значительный период [7].

Авторы отмечают, что в процессе профессионального развития представители юридических профессий приобретают особое видение и восприятие окружающего мира, особое отношение к другим людям [1; 6; 8; 13; 14]. В про-

цессе профессиональной реализации личности происходят изменения мотивации, смысловых центраций, однако при этом трансформация смыслов происходит в соответствии с устойчивыми личностными ценностями [12].

Ценности — наиболее важные для личности объекты окружающего мира. Несмотря на то что изучению общечеловеческих ценностей посвящено значительное количество работ ученых разных исторических эпох, эта проблематика остается одной из важнейших в исследованиях современных авторов [15].

Анализ литературы позволяет отметить разнообразие представлений о психологической природе ценностей человека. Так, выделяют бытийные ценности — те, которые существуют в природе человека и присущи каждому — истина, добро, красота, самодостаточность и др. (А. Маслоу). Ценности рассматриваются как объективные явления, среди которых выделяются ценности-действия (труд), ценности-переживания (любовь), ценности-отношения — нахождение смысла в безвыходных, трудных ситуациях (В. Франкл). Кроме того, они понимаются: как правила для оценивания каких-либо объектов, ситуаций, поведения людей (Б. Шлегер); как устойчивое убеждение в принципиальной предпочтительности некоторых целей или способов существования перед другими (М. Рокич); как объекты и явления жизненного мира, приобретшие для личности высокую значимость, жизненный смысл, с одной стороны, и смысловые структуры внутреннего мира личности, проецируемые в сознание в виде идеалов, с другой (С.Л. Рубинштейн); как глубинные мотивационные структуры,

которые находят отражение в ценностных ориентациях как одной из разновидностей ценностных представлений (Д.А. Леонтьев).

Согласно воззрениям представителей деятельностного подхода в отечественной психологии (А.Н. Леонтьев, С.Л. Рубинштейн и др.), одна из важнейших функций ценностей — это их воплощение в мотивы поведения личности.

М. Рокич говорит о том, что в целом людям присущи одни и те же ценности, но не в одинаковой степени. Ценности личности подразделяются на терминальные, или цели индивидуального существования, и инструментальные, связанные с типом действий и достижения целей. Все ценности личности образуют определенную систему ценностей [11].

С.С. Бубнова в системе ценностей личности выделяет: ценности-идеалы; ценностные свойства личности; реальные ценностные ориентации как наиболее характерные способы поведения личности. Согласно автору, система ценностных ориентаций личности сложно структурирована, ее компоненты имеют отношение к конкретным видам общественных отношений [4].

В нашем исследовании ценностные ориентации понимаются как социально-психологический феномен, являющийся важнейшей компонентой структуры личности, основная функция которого заключается в регуляции поведения личности, организации ее деятельности и жизни в целом. Рассматривая ценностные ориентации в контексте профессионального развития личности, следует подчеркнуть, что значимые для личности ценности выступают определенными стимулами в про-

фессиональной деятельности и задают вектор профессионального развития и самореализации.

Итак, обзор литературы позволяет нам заключить, что социально-психологические установки и ценностные ориентации выступают как явления, органически включенные в личность, являются образующими ее условиями, определяют ее диспозицию по отношению к профессиональной деятельности.

В ранее проведенном нами исследовании нами были изучены особенности саморазвития юристов с разным уровнем доверия к себе [9]. В настоящей статье мы представим результаты диагностики социально-психологических установок и ценностных ориентаций в той же выборке испытуемых. Цель эмпирического исследования — анализ социально-психологических установок и ценностных ориентаций юристов. Нами были опрошены 78 юристов в возрасте от 23 до 38 лет, из них 46,2% мужчин и 53,8% женщин. В качестве диагностического инструментария в исследовании были использованы методики диагностики социально-психологических установок личности в мотивационно-потребностной сфере (О. Ф. Потемкина) [10] и реальной структуры ценностных ориентаций личности (С.С. Бубнова) [5]. При диагностике социально-психологических установок мы исходили из того, что можно выделить три уровня их выраженности: низкий (0–4 балла), средний (5–6 баллов) и высокий (7–10 баллов). Была также принята трехуровневая шкала выраженности показателей ценностных ориентаций респондентов: низкий (0–2 балла), средний (3–4 баллов) и высокий

Таблица 1

**Средневыборочные значения показателей
социально-психологических установок респондентов (баллы)**

Социально-психологические установки личности	Среднее	Стандартное отклонение
Направленность на процесс	6,13	1,693
Направленность на результат	8,60	1,454
Альтруизм	5,94	1,471
Эгоизм	6,82	1,626
Направленность на свободу	6,69	1,598
Направленность на власть	5,47	1,821
Направленность на труд	7,14	1,585
Направленность на деньги	7,09	1,621

(5–6 баллов) уровни. Достоверность результатов исследования обеспечивалась как применением надежных и апробированных методик, так и содержательным анализом полученных данных, использованием статистических

методов обработки данных, в частности t-критерия равенства средних значений в двух выборках и корреляционного анализа.

Рассмотрим результаты исследования социально-психологических уста-

Таблица 2

**Средневыборочные значения показателей
ценностных ориентаций респондентов (баллы)**

Ценностные ориентации личности	Среднее	Стандартное отклонение
Приятное времяпровождение, отдых	4,04	1,133
Высокое материальное благосостояние	4,90	0,847
Поиск и наслаждение прекрасным	4,04	1,178
Помощь и милосердие к другим людям	3,74	1,333
Любовь	3,67	1,124
Познание нового в мире, природе, человеке	4,49	1,016
Высокий социальный статус и управление людьми	4,35	0,951
Признание и уважение людей и влияние на окружающих	4,27	1,015
Социальная активность для достижения позитивных изменений в обществе	3,88	1,116
Общение	3,78	0,949
Здоровье	4,44	1,146

Таблица 3

Значимые различия в показателях выраженности социально-психологических установок и ценностных ориентаций респондентов

Социально-психологические установки и ценностные ориентации	Мужчины		Женщины		Показатели значимости различий	
	Среднее	Станд. откл.	Среднее	Станд. откл.	t	p
Направленность на процесс	5,58	1,592	6,60	1,654	-2,740	0,008
Направленность на результат	9,08	1,131	8,19	1,581	2,824	0,006
Эгоизм	7,67	1,690	6,10	1,165	4,703	0,000
Направленность на свободу	7,19	1,470	6,26	1,594	2,670	0,009
Общение	3,56	1,027	3,98	0,841	-1,989	0,050

новок респондентов. В таблице 1 представлены средневыворочные значения показателей выраженности социально-психологических установок испытуемых. Мы видим, что наиболее выраженными в группе респондентов являются направленность на результат (средневыворочный показатель 8,60), направленность на труд (7,14), направленность на деньги (7,09). Высокий уровень выраженности ориентаций на результат, труд и деньги у юристов позволяет сделать вывод о том, что им свойственна целеустремленность в работе, достижение результата вопреки неудачам и помехам, профессиональный труд приносит им удовольствие, при этом важной направляющей личности и деятельности выступает увеличение благосостояния. Средний уровень выраженности имеют такие социально-психологические установки, как эгоизм (6,82), направленность на свободу (6,69), направленность на процесс (6,13), альтруизм (5,94), направленность на власть (5,47). Средние, но с тенденцией к высоким, показатели эгоизма и направленности на свободу сви-

детельствуют о том, что работники юридической сферы к себе относятся с долей разумного эгоизма, а одна из важнейших ценностей для них — свобода. Согласно результатам, среди среднegrupповых показателей низкого уровня выраженности не имеет ни одна из исследуемых социально-психологических установок.

Результаты диагностики ценностных ориентаций респондентов, представленные в таблице 2, указывают на то, что среднegrupповые показатели ценностных ориентаций респондентов имеют средний уровень выраженности. Наиболее приближенными к высокому уровню являются такие ценностные ориентации, как высокое материальное благосостояние (средневыворочный показатель 4,90), познание нового в мире, природе, человеке (4,49), здоровье (4,44), высокий социальный статус и управление людьми (4,35), признание и уважение людей и влияние на окружающих (4,27). Таким образом, для юристов характерно поведение, направленное на повышение материального вознаграждения, познание нового и само-

Таблица 4

Корреляционная таблица взаимосвязи социально-психологических установок и ценностных ориентаций респондентов

Социально-психологические установки	Значимые взаимосвязи социально-психологических установок и ценностных ориентаций респондентов		
	Ценностные ориентации	r	p
Направленность на результат	Высокое материальное благосостояние	0,262*	0,020
	Высокий социальный статус и управление людьми	0,777**	0,000
Альтруизм	Помощь и милосердие к другим людям	0,886**	0,000
	Любовь	0,811**	0,000
	Здоровье	0,288*	0,011
Эгоизм	Поиск и наслаждение прекрасным	-0,273*	0,016
	Высокий социальный статус и управление людьми	0,335**	0,003
	Признание и уважение людей и влияние на окружающих	-0,261*	0,021
Направленность на свободу	Любовь	0,231*	0,042
Направленность на власть	Поиск и наслаждение прекрасным	-0,608**	0,000
	Социальная активность для достижения позитивных изменений в обществе	0,781**	0,000
	Общение	0,642**	0,000
Направленность на труд	Приятное времяпровождение, отдых	-0,736**	0,000
	Поиск и наслаждение прекрасным	-0,223*	0,049
Направленность на деньги	Высокое материальное благосостояние	0,462**	0,000
	Поиск и наслаждение прекрасным	-0,252*	0,026

Примечание: — * корреляция значима на уровне 0,05; — ** корреляция значима на уровне 0,01.

развитие, поддержание хорошего физического и духовного самочувствия, а также на реализацию таких социальных ценностей во взаимоотношениях, как признание и уважение людей.

В ходе обработки данных с помощью t-критерия равенства средних значений были выявлены статистически значимые различия в показателях выраженности социально-психологических установок и ценностных ориентаций у мужчин и женщин (табл. 3).

Сравнительный анализ показал, что достоверно различными для мужчин и женщин являются следующие показатели. Направленность на процесс более значима для женщин, чем для мужчин ($p \leq 0,008$); для мужчин в большей сте-

пени характерна направленность на результат, нежели для женщин ($p \leq 0,006$). Эгоизм в большей мере свойственен мужчинам, чем женщинам ($p \leq 0,000$) и в большей степени, чем для женщин, для мужчин важна свобода ($p \leq 0,009$). Более значимой для женщин, по сравнению с мужчинами, является ценность общения ($p \leq 0,05$). Как отмечено выше, среднегрупповой показатель направленности на результат имеет высокий уровень выраженности, показатели направленности на процесс, свободу, эгоизм и общение — средний уровень, что говорит о важности этих установок и ценностей и для мужчин, и для женщин.

В результате корреляционного анализа были выявлены следующие

значимые взаимосвязи социально-психологических установок и ценностных ориентаций респондентов (табл. 4). Направленность на результат связана с такими ценностными ориентациями респондентов, как высокое материальное благосостояние ($p \leq 0,020$), высокий социальный статус и управление людьми ($p \leq 0,000$). Альтруизм положительно коррелирует с поведением, направленным на помощь и милосердие к другим людям ($p \leq 0,000$), любовь ($p \leq 0,000$), здоровье ($p \leq 0,011$). Эгоизм отрицательно взаимосвязан с поведением, характеризующимся поиском и наслаждением прекрасным ($p \leq 0,016$) и признанием и уважением людей ($p \leq 0,021$), и положительно взаимосвязан с ориентацией на высокий социальный статус и управление людьми ($p \leq 0,003$). Направленность респондентов на свободу положительно коррелирует с ориентацией на любовь ($p \leq 0,042$).

Направленность на власть отрицательно связана с ценностью поиска и наслаждения прекрасным ($p \leq 0,000$) и имеет положительную взаимосвязь с ценностными ориентациями на социальную активность для достижения позитивных изменений в обществе ($p \leq 0,000$) и общении ($p \leq 0,000$). Направленность респондентов на труд отрицательно коррелирует с ценностями приятного времяпровождения и отдыха ($p \leq 0,000$), поиска и наслаждения прекрасным ($p \leq 0,049$). Социально-психологическая установка на деньги имеет положительную взаимосвязь с ценностной ориентацией на высокое материальное благосостояние ($p \leq 0,000$) и отрицательную взаимосвязь с поведением, направленным на поиск и наслаждение прекрасным.

Перечисленные эмпирические закономерности свидетельствуют о том, что социально-психологические установки юристов многомерно связаны с ценностными ориентациями как системообразующим фактором личности.

Принимая во внимание то, что важнейшим приоритетом в деятельности юриста является закон, соблюдение и охрана прав других людей, перспективным, на наш взгляд, является изучение в дальнейшем специфики ценностно-смысловой сферы представителей юридических профессий, ее взаимосвязи с профессиональной успешностью и профессиональной самореализацией.

Список литературы

1. Абакумова И.В., Кадякина Н.М. Саморегуляция как составляющая профессиональной сферы личности юриста // Северо-Кавказский психологический вестник. 2009. Т. 7. № 1. С. 19–25.
2. Алексеев В.Е. Социально-психологические особенности профессиональной установки и личностных качеств сотрудников федеральной налоговой службы : дис. ... канд. психол. наук. Самара, 2007. 180 с.
3. Белинская Е.П., Тихомандрицкая О.А. Социальная психология личности : учеб. пособие для вузов. М. : Аспект Пресс, 2001. 301 с.
4. Бубнова С.С. Ценностные ориентации личности как многомерная нелинейная система // Психологический журнал. 1999. № 5. С. 38–44.
5. Бубнова С.С. Методика диагностики индивидуальной структуры ценностных ориентаций личности // Методы психологической диагностики. Вып. 2. М. : ИП РАН, 1994. С. 144–157.
6. Гаврина Е.Е. Социально-психологические детерминанты, оказывающие влияние на формирование должностной позиции сотрудников уголовно-исполнительной системы // Прикладная юридическая психология. 2014. № 4. С. 27–39.
7. Пряхина М.В. Социально-психологические установки в профессиональной деятельности сотрудников органов внутренних дел : дис. ... канд. психол. наук. СПб., 2000. 250 с.
8. Пухарева Т.С. Доверие к себе и к другим у студентов юридического факультета в процессе профессионального обучения // Российский психологический журнал. 2011. Т. 8. № 2. С. 71–76.

9. Пухарева Т.С. Особенности саморазвития юристов с разным уровнем доверия к себе // Прикладная юридическая психология. 2015. № 2. С. 203–208.

10. Райгородский Д.Я. Практическая психодиагностика. Методики и тесты. Самара : Бахрах-М, 2002. 672 с.

11. Рокич М. Природа человеческих ценностей // Свободная пресса. 1973. № 5. С. 20–28.

12. Соловьева Г.В. Психологические особенности смысловой саморегуляции юристов — сотрудников нотариальных контор : автореф. дис. ... канд. психол. наук. Ростов н/Д, 2007. 23 с.

13. Соснина В.Н. О психологическом сопровождении сотрудников правоохранительной системы // Прикладная юридическая психология. 2009. № 1. С. 128–133.

14. Челурко Ю.В. Дифференциально-психографическое исследование индивидуально-личностных особенностей юристов разного профиля // Вестник Бурятского государственного университета. 2008. № 5. С. 132–136.

15. Яковенко Л.Н. Место и значение общечеловеческих ценностей в философии образования // Научный альманах центрального Черноземья. 2015. № 2. С. 134–137.

УДК 343.211.4:343.825

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ОСУЖДЕННЫХ О СПРАВЕДЛИВОСТИ В ПРАВОВОМ КОНТЕКСТЕ

Е. Л. Сучкова

Реферат: в статье представлены результаты эмпирического исследования представлений осужденных о справедливости в правовом контексте как составляющей группового правосознания осужденных. Описаны основные контексты употребления осужденными понятия «справедливость», когнитивная составляющая представлений о справедливости в правовом контексте и связанные с ними переживания. Социальные представления о справедливости характеризуются эмоциональной амбивалентностью и тесно связаны с представлениями о несправедливости. Респонденты уверены, что именно их справедливость «обходит стороной», что это во многом определило их судьбу. Особенно яркими и часто употребляемыми контекстами, используемыми осужденными при описании справедливых и несправедливых событий,

являются правовой (чаще всего ситуации вынесения судебного приговора) и межличностный (в основном ситуации взаимодействия с другими осужденными и сотрудниками уголовно-исполнительной системы). При этом наиболее значим для осужденных правовой контекст, в котором проблема справедливости достигает своего пика. Сравнительный анализ структуры представлений осужденных и законопослушных граждан показал, что и осужденные и законопослушные граждане высоко оценивают значимость справедливости для поддержания мира и порядка в обществе, правового регулирования общественных отношений, но при этом осужденные гораздо критичнее законопослушных граждан оценивают справедливость существующих законов и их исполнение сотрудниками правоохранительных органов.

Полученные данные свидетельствуют о сложном амбивалентном характере отношения осужденных к справедливости. С одной стороны, справедливость у осужденных ассоциируется с положительной нравственной составляющей человеческих отношений, потребность в которой настолько высока в тюремном сообществе, что часть указанных моральных норм и принципов зафиксирована в собственной неофициальной нормативной системе. С другой стороны, они отрицают существование справедливости и имеют опыт собственных негативных переживаний, связанных с несправедливостью в правовой сфере. Отрицание существования справедливости позволяет осужденным представить общество морально несовершенным, а значит, в некоторой мере оправдывать свое противоправное поведение нормами собственной справедливости.

Ключевые слова: осужденные, представления, социальные представления, справедливость, несправедливость, правовая сфера, представления о справедливости в правовом контексте, групповое правосознание осужденных, эмоциональные переживания, неформальная нормативная система.

В отечественной науке справедливость традиционно рассматривается как оценочная категория, пронизывающая все общественные отношения, в том числе правовые и нравственные, в той или иной мере влияющая на процесс функционирования практически всех регуляторов общественных отношений [3, с. 88]. Отмечается, что представления общества о справедливости составляют стержень его правосознания, так как потребность общества в

справедливости, по сути, тождественна его потребности в свободе и в нормальных, упорядоченных общественных отношениях, и российское общество в этом плане не является исключением [2, с. 193].

В правосознании россиян справедливость всегда определяла отношение к правовым нормам и готовность к их соблюдению. Б.К. Мартыненко указывает на то, что у русского человека раздвоенное правовое сознание: законодательство и окружающая действительность существуют в умах жителей нашей страны параллельно, как бы не соприкасаясь. Для россиянина корневое слово — правда, причем у каждого своя. Вот с позиции своей правды россиянин и взирает на закон. Если закон неправильный, несправедливый, идущий в разрез с правдой (которая по определению выше, ценнее), то его нарушить ничего не стоит. Только в России делят законы на справедливые и несправедливые [4, с. 35].

Результаты социально-психологических исследований специфики российского правосознания позволили сделать вывод о том, что социальные представления о справедливости являются одним из основных компонентов правосознания российской личности, оказывающим решающее влияние на поведение человека в юридически значимых ситуациях. Субъектом представлений о справедливости является социальная группа, которая конструирует их в соответствии с приоритетными для нее ценностями, нормами, обычаями и традициями [1, с. 7].

Для лиц, находящихся в местах лишения свободы, характерен обостренный интерес к проблеме справедливо-

сти. Нахождение в условиях социальной изоляции воспринимается осужденными как яркое проявление несправедливости к ним со стороны государства и его правовых институтов. Процесс конструирования социальных правовых представлений в среде осужденных протекает в условиях интенсификации межличностной коммуникации в условиях социальной изоляции, а также под влиянием действующих в среде осужденных универсальных нормативных и понятийных систем, регулирующих их повседневную жизнь [8, с. 104]. Проведенный нами анализ внутренних условий формирования группового правосознания осужденных свидетельствует о том, что нахождение в условиях лишения свободы способствует активному продуцированию дискурса о крайне значимых для данной группы правовых явлениях, что приводит к широкому распространению в сообществе осужденных социальных представлений, позволяющих нейтрализовать или ослабить влияние социально-правового контроля [9, с. 47].

До настоящего времени недостаточно активно развивается такой раздел юридической психологии, как правовая психология. Однако именно ее разработки важны для других разделов и направлений данной науки [5, с. 33]. Д.В. Сочивко, рассматривая подходы к построению методологии современной юридической психологии, отмечает, что в центре внимания должна находиться не только официальная нормативная регуляция поведения, но и неписанные законы, которые могут исполняться очень жестко, например, тюремная субкультура. Именно человек в правовом поле становится конечным объек-

том прикладной юридической психологии [6, с. 14]. Собственные представления осужденных о справедливости, которые они вынесли из своего жизненного опыта, лишают действующее право поддержки и относят ее к неформальной нормативной системе. Отрицательное отношение к правовым нормам и отказ признать их справедливость — серьезные препятствия для исправительного процесса.

Для изучения содержания представлений осужденных о справедливости в правовом контексте как составляющей группового правосознания нами было предпринято комплексное эмпирическое исследование, включающее в себя несколько этапов (в сборе эмпирических данных под нашим руководством принимали участие курсанты и слушатели ВИПЭ ФСИН России). Ориентация современной психологии на использование междисциплинарного подхода, за которым стоит реальная взаимосвязанность человека и мира [А.Л. Журавлев, А.В. Юревич] [11, с. 25], позволила использовать теорию социальных представлений в качестве методологической основы эмпирического исследования. А.Н. Сухов акцентирует внимание на том, что наиболее приемлемым подходом для анализа явлений в области современной преступности в России является социально-психологический взгляд на природу данного социального явления [7, с. 9]. Мы предполагаем, что содержание представлений осужденных о справедливости в правовом контексте будет определяться социально-правовым статусом данной общности и специфическими особенностями среды мест лишения свободы.

Целью *первого этапа* явилось изучение основных контекстов употребления осужденными понятия «справедливость», а также выявление когнитивной составляющей и эмоционального компонента социальных представлений о справедливости у указанной категории лиц. В исследовании приняли участие 135 осужденных (65 женщин и 70 мужчин), отбывающих наказание в исправительных учреждениях УФСИН России по Вологодской и Кировской областям. Для сбора эмпирических данных использовалась методика свободных ассоциаций. Респондентам необходимо было назвать первые пять существительных, пришедших в голову при вербализации слова «справедливость». Обработка полученных ответов включала в себя процедуру контент-анализа с подсчетом встречаемости ассоциаций и процента респондентов, упомянувших каждую ассоциацию. Для определения семантического пространства, в которое включено указанное понятие, все названные респондентами ассоциации были разделены на несколько групп, каждая из которых отражает какой-либо контекст его использования. Итак, были выделены четыре группы: «качества и свойства личности», «межличностные отношения», «политико-правовой контекст» и «философско-религиозный контекст». Осужденные мужчины наиболее часто называли ассоциации, относящиеся к группе «качества и свойства личности» (48% из общего числа ассоциаций). В нее вошли в основном позитивные с моральной точки зрения качества (честность, порядочность, гуманность, доброта), а также свойства личности (честь, достоинство и др.). У жен-

щин на первом месте оказались две группы: «качества и свойства личности» и «политико-правовой контекст» (37% из общего числа ассоциаций).

Лица, отбывающие наказание в виде лишения свободы, рассматривают справедливость прежде всего как хорошее отношение к другим людям, возможность им верить, соответствие поведения людей таким моральным нормам, как порядочность, уважение, честь, достоинство, совесть, что не противоречит результатам исследования морально-правовых представлений россиян. Однако понимание справедливости в первую очередь как моральной составляющей отношений между людьми имеет, вероятно, особый смысл для сообщества осужденных. Восприятие себя как людей, способных следовать моральным нормам и проявлять хорошее отношение к другим, позволяет сохранять позитивную групповую идентичность.

На *втором этапе* для изучения когнитивной составляющей представлений о справедливости в правовом контексте и связанных с ними переживаний нами был разработан план стандартизированного интервью. Опросный лист включал в себя 13 вопросов о том, что респонденты понимают под словом «справедливость» и как часто лично они встречались со справедливостью в обыденной жизни и юридически значимых ситуациях. На этом этапе в исследовании приняли участие 211 осужденных: 55 чел. отбывают наказание в исправительных учреждениях общего и строгого режимов; 50 чел. — в лечебно-исправительном учреждении; 26 чел. — на участке пожизненного лишения свободы; 30 чел. — в вос-

питательной колонии; 60 чел. состоят на учете в УИИ (УФСИН России по Архангельской, Вологодской, Кировской, Свердловской областям, Пермскому краю и г. Москве). Ответы респондентов на каждый вопрос анализировались при помощи частотного анализа, затем полученные распределения представлялись в процентах.

Рассмотрим, что является для осужденных наиболее общим, типичным, существуют ли специфические черты указанных представлений в зависимости от того, находятся ли респонденты в местах лишения свободы или осуждены к условным срокам исполнения наказания. Как показали данные интервью, представления о справедливости включают в себя как позитивные, так и негативные элементы. Так, значительное число опрошенных осужденных считают, что справедливость — это некий абстрактный идеал, не существующий в реальности. Кроме того, представления о справедливости в их сознании тесно связаны с представлениями о несправедливости, при этом последние являются более эмоционально значимыми. По мнению большинства осужденных, справедливость встречается крайне редко, причем их, как правило, она «обходит стороной». Возможно, представление об обществе как о чем-то морально несовершенном, наполненном несправедливостью выполняет функцию психологической защиты: негативное отношение к данной категории лиц со стороны общества на этом фоне теряет свою субъективную значимость для осужденных и позволяет им сохранять позитивное самопредставление.

Большая часть опрошенных однозначно заявили о том, что деятельность

правоохранительных органов в нашей стране нельзя считать справедливой. Таким образом, наблюдается отчужденное, настороженное отношение к правоохранительным органам, явно негативное отношение не столько к самой деятельности, сколько к лицам, ее выполняющим. Большинство осужденных (из числа находящихся в местах лишения свободы) считают, что деятельность судебной системы несправедлива, но при этом подчеркивают несовершенство самой системы принятия судебных решений, а другие говорят о злоупотреблении должностными полномочиями, коррумпированности судебной системы, предвзятом отношении к ранее судимым и т. п. В пример практически все опрошенные приводили судебные приговоры, вынесенные им с нарушениями процедуры принятия судебного решения.

Сравнительный анализ ответов респондентов, находящихся в местах лишения свободы и осужденных к условным срокам исполнения наказания, показал, что осужденные условно по сравнению с осужденными к реальным срокам лишения свободы более позитивно оценивают справедливость действующих законов и согласны с понесенным наказанием, но при этом солидарны с критичной оценкой деятельности (с точки зрения справедливости) правоохранительных органов и должностных лиц, ее выполняющих, что согласуется с результатами проведенных нами ранее исследований [10, с. 157].

Одним из наиболее значимых для осужденных, как видно из результатов интервью, является правовой контекст, в котором проблема справедливости достигает своего пика. При этом в пред-

ставлениях осужденных правовые нормы не подкреплены моральной основой, закон и справедливость противопоставляются друг другу, даже в юридически значимых ситуациях явный приоритет отдается нормам морали. По всей видимости, это позволяет данной категории лиц оправдывать свое противоправное поведение нормами собственной справедливости.

Полученные результаты позволяют предположить, что центральный элемент представлений осужденных о справедливости в правовом контексте — это соблюдение принципа беспристрастности арбитра, то есть того, кто выносит решение (тема злоупотребления полномочиями лицом, призванным реализовывать справедливость, оказалась наиболее часто используемой респондентами). Для изучения значимости соблюдения разных норм воздаяния и процедуры, а также для оценки справедливости события использовалась анкета «Справедливое судебное решение о наказании подсудимого», разработанная Е.О. Голынчик [1, с. 150]. Она содержит описание 13 условий принятия справедливо судебного решения, из них 6 относятся к нормам дистрибутивной справедливости (справедливости приговора), 6 — к процедурным нормам (справедливости процедуры принятия решения) и 1 — к нормам межличностной справедливости, которые некоторые авторы также считают нормами процедурной справедливости, так как они затрагивают один из аспектов процедуры принятия решения.

В исследовании приняли участие 88 мужчин, отбывающих наказание в виде лишения свободы в колониях строгого

и особого режимов УФСИН России по Кировской области. Полученные данные обрабатывались следующим образом: сначала производился расчет средних рангов по каждой норме, затем расчет средних рангов по дистрибутивным и процедурным нормам в целом, затем матрицы индивидуальных оценок норм обрабатывались методом иерархического кластерного анализа (метод средней связи) с использованием статистического пакета SPSS.

Иерархия значимости норм справедливости при принятии судебного решения о наказании подсудимого в результате получилась следующая: 1) законность доказательств; 2) полнота информации; 3) учет состояния здоровья подсудимого и наличие у него малолетних детей; 4) беспристрастность лица, выносящего судебное решение; 5) учет нанесенного ущерба; 6) учет доводов как стороны обвинения, так и стороны защиты; 7) провокация со стороны жертвы; 8) учет мотива противоправного деяния (наличие «благородного» мотива); 9) уважение к подсудимому; 10) единообразие процедуры; 11) возможность оспорить вынесенный приговор; 12) преднамеренность действий подсудимого; 13) учет степени общественной опасности подсудимого.

На первом месте оказались условия точности/законности информации (средний ранг 2,9) и полноты информации (средний ранг 3,9), что в принципе связано с особенностью выбранного нами контекста — вынесения судебного приговора, где процедурные нормы имеют первостепенное значение и закреплены в законе. Интересно другое: на третьем месте оказалась норма распределения по потребностям (учет со-

стояния здоровья подсудимого и наличия у него малолетних детей), которая, в принципе, по мнению законопослушных граждан, не является особо важным условием принятия справедливого судебного решения [1, с. 154]. Как показало соотношение данных анкеты с интервью, здесь респонденты шли, что называется, от обратного: они отмечают, что несмотря на то что данное условие является законным обстоятельством, позволяющим смягчить назначенное наказание подсудимому, оно очень редко учитывается на практике.

Результаты кластерного анализа позволили выделить значимые, по мнению осужденных, элементы справедливого судебного решения. Самыми важными оказались нормы, характеризующие непосредственно процедуру принятия судебного решения. Значит для справедливости решения важно, чтобы оно принималось с учетом мнений обеих сторон (и защиты, и обвинения), с соблюдением единообразия процедуры, чтобы предусматривалась возможность оспорить несправедливое судебное решение, чтобы к подсудимому относились уважительно. Следующая группа норм — учет при принятии решения характеристик подсудимого — относится к нормам воздаяния. Полученный результат опять-таки свидетельствует о специфике судебного контекста, где преднамеренность действий, общественная опасность подсудимого, мотив и спровоцированность преступных действий играют заметную роль при назначении наказания. Следующие по значимости — нормы, связанные с информацией, на основе которой принимается решение. Самым важным условием для справедливости решения

является то, чтобы информация, на которой оно основано, была полной, точной и полученной с соблюдением норм закона. Как было отмечено в интервью, осужденные часто негативно оценивают деятельность правоохранительных органов, уверены в ложности, незаконности добываемой ими информации, и поэтому убеждены в несправедливости вынесенного на ее основе судебного решения и незаслуженности понесенного наказания.

Третий этап был посвящен сравнительному анализу структуры (ядра и периферии) представлений в группах осужденных и законопослушных граждан. Для сбора эмпирических данных был выбран метод стандартизированного опроса, который проводился с помощью оценочной шкалы, сконструированной на основе результатов, полученных с помощью интервью. В эмпирическом исследовании приняли участие 320 осужденных, отбывающих наказание в исправительных учреждениях УФСИН России по Вологодской, Кировской областям и Пермскому краю (170 осужденных мужчин, отбывающих наказание в колониях общего и строгого режимов; 70 осужденных женщин, отбывающих наказание в колонии общего режима; 80 несовершеннолетних осужденных, отбывающих наказание в воспитательной колонии), а также 160 граждан, не привлекавшихся к уголовной ответственности (90 мужчин и 70 женщин, проживающих в городах Кирове и Вологде). Группы осужденных и законопослушных граждан были уравнены по возрасту и образовательному статусу.

Респондентам предлагалось оценить по пятибалльной шкале степень

своего согласия с утверждениями, касающимися представлений о справедливости в правовом контексте. В целях анализа центральных и периферических элементов представлений вычислялся коэффициент позитивных ответов — ТСП (Taux catégorique positif). Для определения различий в оценках использовался U-критерий Манна — Уитни.

Мы предполагали, что и осужденные и законопослушные граждане будут высоко оценивать значимость справедливости для поддержания мира и порядка в обществе, правового регулирования общественных отношений, но при этом осужденные гораздо критичнее правопослушных граждан будут оценивать справедливость существующих законов и их исполнение сотрудниками правоохранительных органов.

Анализ ядерных элементов представлений о справедливости в правовом контексте показал, что подавляющее большинство опрошенных (и осужденных, и законопослушных граждан) считают, что справедливость призвана обеспечивать равенство всех членов общества, она необходима для поддержания порядка в обществе и правового регулирования общественных отношений, законы должны быть справедливыми и одинаковыми для всех (полученные коэффициенты позитивных ответов >70). Осужденные в отличие от законопослушных респондентов (значимые различия при $p < 0,01$) полагают, что в нашей стране законы справедливы, но они не исполняются (83), деятельность правоохранительных органов в нашей стране нельзя считать справедливой (86), деятельность судебной системы нельзя считать справедливой, так как несовершенна система принятия су-

дебных решений (92). Таким образом, выдвинутая гипотеза подтвердилась.

В целом результаты проведенного исследования свидетельствуют о сложном амбивалентном характере отношения осужденных к справедливости. С одной стороны, справедливость у осужденных ассоциируется с положительной нравственной составляющей человеческих отношений, потребность в которой настолько высока в тюремном сообществе, что часть указанных моральных норм и принципов зафиксирована в собственной неофициальной нормативной системе. С другой стороны, они отрицают существование справедливости и имеют опыт негативных переживаний, связанных с несправедливостью в правовой сфере. Осужденные пытаются интерпретировать полученный опыт через призму собственных ценностей и норм и приходят к выводу об отсутствии справедливости как в своей собственной жизни, так и в жизни других людей.

Подтвердилось наше предположение о том, что содержание представлений осужденных о справедливости в правовом контексте обусловлено влиянием действующих в местах лишения свободы нормативных и понятийных систем, регулирующих повседневную жизнь лиц, отбывающих уголовные наказания. Отрицание существования справедливости позволяет осужденным представить общество морально несовершенным, а значит, в некоторой мере оправдать свои противоправные действия внешними причинами. Таким образом, восприятие общества наполненным несправедливостью выполняет для осужденных функцию психологической защиты: негативное отноше-

ние к данной категории лиц со стороны общества на этом фоне теряет субъективную значимость для осужденных и позволяет им сохранять положительный образ своей группы.

Список литературы

1. Голынчик Е.О. Социальные представления о справедливости как составляющая правосознания: дис. .... канд. психол. наук. М., 2004. 250 с.
2. Лапаева В.В. Социология права. М.: Норма, 2004. 304 с.
3. Лукашева Е.А. Право. Мораль. Личность. М.: Наука, 1986. 263 с.
4. Мартыненко Б.К. Справедливость — насилие — правосознание // Общество и право. 2012. № 1. С. 35–39.
5. Поздняков В.М. Юридическая психология: генезис и перспективы // Прикладная юридическая психология. 2010. № 2. С. 15–37.
6. Сочивко Д.В. Проблема методологии прикладной (юридической) психологии // Прикладная юридическая психология. 2011. № 2. С. 8–18.
7. Сухов А.Н. Социально-пенитенциарная психология: теоретические и прикладные аспекты // Прикладная юридическая психология. 2013. № 1. С. 8–10.
8. Сучкова Е.Л. Влияние криминогенной среды в местах лишения свободы на правосознание осужденных // Прикладная юридическая психология. 2011. № 2. С. 99–106.
9. Сучкова Е.Л. Внешние и внутренние условия формирования группового правосознания осужденных // Прикладная юридическая психология. 2013. № 2. С. 40–47.
10. Сучкова Е.Л. Представления о правовой действительности условно осужденных // Прикладная юридическая психология. 2012. № 3. С. 153–161.
11. Черненилов В.И. Цивилизационная миссия юридической психологии // Прикладная юридическая психология. 2011. № 1. С. 19–26.

УДК 343.988

ВОЗНИКНОВЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ВИКТИМОЛОГИИ КАК НАУКИ О ПОВЕДЕНИИ ЖЕРТВЫ: ИСТОРИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС

К. Н. Аракелян

Реферат: статья посвящена анализу возникновения и становления виктимологии как науки о жертве в широком смысле, включая жертв криминальных и некриминальных событий. Автор осуществляет попытку систематизации подходов и течений в историческом ракурсе. Детально рассматриваются как отечественные, так и зарубежные подходы становления науки виктимологии, а также представляется сравнительный анализ виктимологии и криминологии.

Представлены основные подходы к пониманию исторического развития науки о жертве. Ранние виктимологические очерки были разработаны не криминологами или социологами, и даже не психологами, а поэтами, писателями и новеллистами. Виктимология как научная отрасль начала свое бурное развитие в период Второй мировой войны. Основоположниками науки являются Ганц фон Гентинг и Бенджамин Мендельсон. На ранних этапах развития виктимологии жертва рассматривалась в системе «преступник — жертва», в более ранних исследованиях акцент ставился на личности преступника. Верхайм и Мендельсон — сторонники того подхода, что виктимологию необходимо рассматривать как самостоятельную науку, вне системы «жертва — преступник». На этом этапе развития уже были выделены основные понятия, которыми будет

оперировать наука виктимология — виктимность личности как общая, так и специальная, и виктимизация личности как процесс превращения в жертву.

Начиная со второй половины 70-х годов вопросами виктимологии начали заниматься отечественные криминологи и юристы, позднее к ним присоединились и психологи. Именно этим обусловлено малое количество работ психологов в области виктимности личности. На современном этапе развития виктимологии большой акцент в этой области делается именно на психологические исследования, которые дают возможность разрабатывать профилактические программы.

Ключевые слова: виктимология, история, криминология, жертва, виктимность личности, виктимное поведение, виктимизация, возникновение виктимологии, историческое становление виктимологии, экскурс.

Первые виктимологические очерки носили ненаучный характер и были разработаны не криминологами или социологами, и даже не психологами, а поэтами, писателями и новеллистами, такими людьми, как, например, Халил Гибран, Маркиз де Сад, Франц Верфел и др. После Второй мировой войны виктимология начала развиваться как новая отрасль науки. Разными авторами были предложены различные подходы

и определения как научной дисциплины, так и ее предмета и места в системе других наук. В научной литературе выделяются следующие подходы к определению понятия «виктимология», сторонники которых полагают, что: 1) виктимология — есть отрасль, часть криминологии, развивающаяся внутри данной науки; 2) виктимология — не самостоятельная наука и не наука, которая развивается в рамках какой-либо другой науки, а лишь вспомогательная научная дисциплина для таких областей, как, например, уголовное право, уголовный процесс, криминалистика и т. д.; 3) виктимология — самостоятельная научная дисциплина, предлагающая некую общую теорию, предметом которой является жертва (не только преступлений, но и любого иного явления, например, геноцида или катастрофы). В настоящее время как раз преобладает тот подход, согласно которому виктимология является самостоятельной наукой, тесно связанной с юридическими дисциплинами [1; 4; 5; 7; 8].

Сравнительный анализ предметных областей криминологии и виктимологии, которые рассматривают преступность с противоположных сторон, дает четкое определение области изучения виктимологии. Криминология — это наука о преступлениях и преступниках, виктимология — наука о жертве. Если криминология исследует преступников, преступные группировки, криминальность личности, преступное поведение, то виктимология изучает жертву, виктимность личности, виктимное поведение, виктимизацию.

Первые публикации по виктимологии появились в конце 1945 г. Атомные бомбардировки двух японских го-

родов в конце Второй мировой войны были ярким примером массовой виктимизации, в результате которой большое количество людей стали жертвами. Это подтолкнуло японских ученых к изучению механизмов, детерминирующих то, из-за чего люди становятся жертвами или лицами, более уязвимыми к различным формам агрессии [1; 4].

До 1945 г. в таком литературном источнике, как история об убийстве Авеля его братом Каином, произведениях Л. Франка «Причина», Д. Дефо «Полковник Джек», Ф. Достоевского «Преступление и наказание» и «Братья Карамазовы», А. Чехова «Драма на охоте», а также в работах юристов, например, Фейербаха «Документальное изложение знаменитых преступлений», Ф.Т. Джаса «Убийство и его мотивы» рассматривались вопросы виктимизации, роли жертвы в совершении преступления и т. д. [5; 7; 8].

Возникновение виктимологии как науки связывается с именами Ганца фон Гентинга и Бенджамина Мендельсона. В 1948 г. Гентинг впервые опубликовал монографию «The criminal and his victim» («Преступник и его жертва»), которая стала первой научной монографией в области изучения жертвы, несмотря на то, что жертва в это время рассматривалась в системе «преступник — жертва». Эта работа основывалась на ряде теоретических исследований, касающихся типов жертвы, отношений между ней и преступником в системе преступного деяния, ее роли в определении видов преступлений и т. д. Указанная монография явилась неким толчком для нескольких эмпирических исследований, которые обратили внимание широкой об-

щественности на конкретных жертв таких преступлений, как убийство в сфере семейно-бытовых отношений, изнасилование, ограбление, нападение при отягчающих обстоятельствах, мошенничество, шантаж и пр. [1; 2; 4]. Гентинг хотел изменить подход к изучению личности преступника, не рассматривать преступника вне системы «преступник — жертва», а именно в самой системе. В более ранних исследованиях акцент ставился на личности преступника. Большинство теорий, пытаясь определять суть причинной обусловленности преступления, предлагало только статические объяснения. Однако увеличение виктимологических исследований позволило перейти от статического к динамическому, ситуативному подходу, который рассматривает преступное поведение как результат динамических процессов взаимодействия [1; 9; 10].

Термин «виктимология» был предложен в 1949 г. американским психиатром Фредериком Верхаймом, который он использовал в своей первой книге «The show of violence» («Картина насилия»), посвященной проблеме изучения пострадавших от криминальных преступлений. Автор писал, что нельзя понять психологию преступника, не понимая социологии жертвы, и поэтому необходима отдельная наука — виктимология. Данная работа ценна и тем, что в последней главе «Mathematics of Murder» («Математика убийства») отображается мысль, что убийство в любой из форм проявления не может быть сведено к чисто психологическим проблемам. Существует связь между внутренними конфликтами личности и внешними соци-

ально обусловленными конфликтами, а убийство можно рассматривать как эксперимент. Реальная проблема, с точки зрения автора, лежит в области превенции, которая должна быть в центре внимания зарождающейся науки [2; 3; 5; 14].

Одним из основоположников виктимологии является не менее известный ученый Б. Мендельсон, также стоявший у истоков зарождения этой науки. Он являлся сторонником того подхода, что виктимологию следует рассматривать как самостоятельную науку. Первую монографию «Общая виктимология» он опубликовал в 1975 г., где развивал свою концепцию понимания виктимологии, связывая ее с созданием некой клинической или практической виктимологии, которая рассматривала бы не только жертву преступления, но и жертву геноцида, этнических конфликтов и т. д. [1; 5; 7].

Находясь под сильным влиянием подходов Гентинга и Мендельсона, японский ученый Миядзава (1968 г.) при исследовании виктимности предложил выделять два ее вида: *общую* — зависящую от социально-демографических признаков, таких как пол, возраст, социальный статус, род деятельности и т. п., и *специальную (частную)* — зависящую от психологической неустойчивости личности, а также от отставания в развитии, интеллекта, эмоциональной неустойчивости и т. д. Автор полагал, что виктимность личности повышается из-за сочетания этих двух видов ее проявления [4; 5; 7; 8].

Значимым этапом в становлении виктимологии как науки стало учреждение Всемирного общества виктимологов в 1979 г. на международном

конгрессе (BOB — The World Society of Victimology), первым президентом которого стал Ганс Дж. Шнайдер. Именно с этого момента каждые три года BOB организует Международные конференции по виктимологии [1; 12].

Немаловажную роль в становлении и развитии виктимологии сыграли труды Г. Клейнфеллера. В своих работах он подчеркивал роль провоцирующего поведения жертвы в системе преступления. Такого же подхода придерживался и С. Шафер, который отмечал, что жертвой становятся не с проста, что она во многих случаях несет немалую ответственность за то, что с ней происходит, и нередко вносит некий вклад в этот процесс тем, что провоцирует преступника или проявляет беспечное поведение [3; 4; 8; 11].

Для виктимологии конца 70-х начала 80-х годов двадцатого века важнейшей задачей было выявление роли и места жертвы в системе преступного деяния, а также рассмотрение системы «жертва — преступник», где жертва имеет весомую роль.

Известный американский криминолог Э. Кармен выделяет три основных области, которые в свое время представляли интерес для виктимологии как науки о жертве:

1. *Изучение тех причин, из-за которых жертва оказалась в опасной для нее ситуации.* Подход такого рода не предполагает вопроса об ответственности, тем более со стороны жертвы. По мнению автора, тут, скорее всего, исследуется динамика событий, которые привели к виктимизации индивида, и его социальное окружение.

2. *Изучение и оценка того, каким образом полиция, прокуратура, суды, адво-*

каты взаимодействуют с жертвой (каким образом рассматривается жертва на каждой стадии функционирования системы правосудия).

3. *Изучение и оценка эффективности предпринимаемых различными институтами и людьми усилий по возмещению жертвам их потерь* [3].

В России исследования в области виктимологии начали активно развиваться только с конца 80-х годов. Первая публикация по виктимологии в нашей стране была издана в 70-х годах Л.В. Франком, которого считают основателем виктимологии в СССР. Его заслуга заключается и в том, что он ввел в виктимологию такое понятие, как «виктимизация».

К основным понятиям виктимологии он относил:

- *виктимизация* — процесс превращения человека в жертву преступления и результат функционального воздействия преступности в целом на жертв, членов их семей, социальные группы и общности;

- *виктимность* — склонность становиться жертвой преступления в результате образа действий и социально-демографических характеристик личности;

- *связь «преступник — жертва»* — система отношений между указанными субъектами в рамках криминогенной ситуации [1, с. 87].

В то же время формируются основные научные виктимологические школы, как в Москве, так и в различных регионах страны. Следует особо отметить ленинградскую школу профессора Д.В. Ривмана, труды и идеи которого получили в это время широкое признание не только в России, но и за рубежом.

Начиная со второй половины 70-х годов вопросами виктимологии в России, в частности в г. Иркутске, начали заниматься такие ученые, как В.Я. Рыбальская, В.С. Минский, Г.И. Чечель и др., которые внесли свою лепту в развитие отечественной виктимологии. В их работах в основном освещались вопросы предупреждения виктимизации личности, авторы все чаще указывали на роль и важность профилактики виктимности в уголовной политике и т. д. [6].

Российская виктимологическая ассоциация сформировалась в Нижнем Новгороде в 1997 г. Она занимается изучением актуальных проблем виктимологии (как теоретических, так и прикладных), организацией научных конференций и семинаров, виктимологической профилактикой, включая индивидуальное консультирование. В рамках деятельности ассоциации издаются научные журналы.

В заключение отметим, что со времен своего возникновения виктимология пережила большие изменения, так как ранняя виктимология в большинстве своем была теоретической наукой, сосредоточенной на характеристиках жертв, их связях с претупниками. Однако такая теоретическая виктимология подвергалась серьезной критике. Новая виктимология ставит акцент на развитии систем помощи и реабилитации жертв, защите их прав. Первоначальные представления о провоцирующей роли жертвы в настоящее время сместились в сторону понимания виктимности как повышенной уязвимости к различным формам агрессии. В целом современная виктимология в полной мере может рассматриваться как академическая научная дисциплина с

широким применением в различных научных и прикладных областях.

Список литературы

1. *Аракелян К.Н., Айрапетян Д.Р.* Виктимология как актуальное направление развития науки // Наука и образование в Арцахе. 2008. № 3–4. С. 85–90 (на армянском языке).
2. *Аракелян К.Н.* Виктимология как отрасль юридической психологии: экскурс в историю возникновения // Сборник тезисов участников межвузовской научно-практической интернет-конференции по юридической психологии. М.: МГППУ, 2011. С. 4–8.
3. *Варчук Т.В.* Виктимология: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности юриспруденция. М.: ЮНИТИ ДАНА; Закон и Право, 2008. 191 с.
4. *Малкина-Пых И.Г.* Психология поведения жертвы. М.: Эксмо, 2006. 1008 с.
5. *Ривман Д.В.* Криминальная виктимология. СПб.: Питер, 2002. 304 с.
6. *Туляков В.А.* Виктимология: социальные и криминологические проблемы. Одесса: Юрид. лит-ра, 2000. 336 с.
7. *Франк Л.В.* Виктимология и виктимность: учеб. пособие для студентов юрид. фак-та. Душанбе, 1972. 111 с.
8. *Франк Л.В.* Потерпевшие от преступления и проблемы советской виктимологии. Душанбе: Ирфон, 1977. 237 с.
9. *Annals of the American Academy of Political and Social Science.* 1949. Т. 261. No 1. P. 179–180.
10. *Fattah A. Ezzat.* Victimology: Past, Present and Future // *Criminology.* Vol. 33. No. 1. 2000. P. 17–46.
11. *Henting H.* The Criminal and His Victim. New Haven: Yale University press, 1948. P. 461.
12. *John P.J. Dussich* Victimology—Past, Present and Future // 131 ST International Senior Seminar, Visiting Experts' Paper, Resource Material Series. 2003. No. 70. P. 116–129.
13. *Karmen A.* Crime Victims. An Introduction to Victimology // by Brooks/Cole Publishing Company, 1995. 560 p.
14. *Kelly D.M., Wertham F.* The Show of Violence [New York: Doubleday and Company, Inc., 1949. P. 279] // *Psychoanalytic Review.* 1952. Vol. 39. P. 394–395.
15. *Krinchhoff Drijur G.F.* Prespectives on Victimology: The Science, the Historical Context, the Present // The paper was published in Kiyo, Journal of the Tokui University Mito, College of International Studies, 2006. Vol. 1.
16. *Wallace H., Roberson C.* Victimology: Legal, Psychological and Social Perspectives / Third Edition, by Pearson Education, 2011. 364 p.

УДК 159.9:343.82

ВОЗМОЖНОСТИ ТИПОЛОГИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ И УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК ОСУЖДЕННЫХ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

П. Н. Казберов

Реферат: проблема проявлений экстремизма и терроризма все чаще оказывается в центре внимания представителей различных научных дисциплин. Прикладное значение психологии в данном направлении особенно важно для оперативно-розыскной деятельности. В практике этой деятельности часто возникают ситуации полного отсутствия улик, каких-либо материальных следов, оставленных преступниками на месте преступления. В такой ситуации на помощь оперативным сотрудникам могут прийти психологические знания, полученные в результате научно-исследовательской работы. В нашем случае это результаты обобщения социально-психологических и уголовно-исполнительных характеристик осужденных, отбывающих наказания за преступления экстремистской направленности. При полном отсутствии какой-либо информации о преступнике крайне важны примерные характеристики подозреваемого лица. Сбор эмпирического материала, проведенный в 2014 г. в ходе выполнения научно-исследовательской работы, по всем осужденным, отбывающим уголовное наказание за экстремистскую деятельность, позволил определить их наиболее типичные характеристики, которые дают общее представление о таком

лице. При обобщении указанных характеристик использовались данные, полученные путем использования психодиагностических методик, а также авторских опросников и анкет.

Ценность проведенного исследования заключается и в том, что впервые в пенитенциарной практике был проведен сбор эмпирического материала по всем осужденным, отбывающим уголовное наказание за экстремистскую деятельность. До этого сбор информации проводился лишь в ряде регионов, где отбывают наказание осужденные этой категории. Возможность составить обобщенный социально-психологический и уголовно-исполнительный портреты осужденных этой категории была реализована впервые. В статье указывается количественная характеристика выборки осужденных за экстремизм и определяется возможность приобщения к этой выборке материалов осужденных за террористическую деятельность. Эта возможность определяется положением о том, что терроризм является самой крайней и деструктивной формой реализации экстремистских идей и мотивов. Тем не менее материал статьи подтверждает гипотезу о том, что несмотря на кажущуюся однородность различных характеристик этих двух типов преступников, определяется нали-

чие серьезных различий их социально-демографических, а также некоторых уголовно-правовых и уголовно-исполнительных характеристик. Наиболее значимые различия наблюдаются по таким социально-демографическим характеристикам, как: отношение к семье и близким, образование, профессия, проявление аддиктивных форм поведения. Интересно отношение к прошлому криминальному опыту и собственному будущему этих осужденных.

Материалы обобщения психодиагностических обследований осужденных за действия экстремистской направленности также позволили определить ряд выводов по их типичным социально-психологическим характеристикам. Прежде всего это особенности проявления эмоционального состояния, механизмов психологических защит, самоотношения, самооценки, саморегуляции и самореализации осужденных указанной категории. Интересны представления осужденных о собственной временной перспективе.

Изложенный в статье материал свидетельствует об удачно реализованной попытке типологизации социально-психологических и некоторых уголовно-исполнительных характеристик лиц, осужденных за преступления экстремистской направленности, которая действительно позволила определить ряд характеристик, выделяющих осужденных за экстремистскую деятельность на фоне основной части преступных элементов.

Ключевые слова: проявления, раскрытие преступлений, улика, негативные последствия, преступник, лишение свободы, пенитенциарная система, психологи пенитенциарной системы, терро-

рист, экстремист, различия, характеристики, исследование.

Сложность раскрытия преступлений экстремистского характера и особенности психологического обеспечения этой работы периодически рассматриваются в работах исследователей вопроса [4, с. 73]. Особую сложность представляют преступления, совершенные с минимальным количеством оставленных улик (информации о преступниках).

В случае отсутствия сколько-нибудь значимой информации о совершенном преступлении экстремистского характера признаки такого преступления могут быть определены при помощи типизации характеристик лица, его совершившего (например, импульсивен, эмоционально не сдержан, агрессивен, проявляются психические аномалии). Основанием для подобной версии служит статистика сопряжений признаков лица с особенностями его преступного поведения, выявленная на репрезентативном массиве. Целесообразно учитывать при этом результаты психологических исследований личности преступников, отбывающих наказание за конкретный вид совершенного преступления [7, с. 62]. Подобного рода исследования могут способствовать определению среднестатистического профиля преступника, совершившего конкретный вид преступления [1, с. 12].

В нашей статье речь пойдет о преступлениях экстремистской направленности, и об их типичных социально-демографических характеристиках, определенных при изучении лиц, отбывающих наказания в местах лишения свободы [6,

с. 19; 13]. Не следует забывать и о том, что служебная деятельность сотрудников органов охраны правопорядка, связанная с необходимостью иметь дело с преступниками этой категории, часто сопровождается различными негативными последствиями [8, с. 36].

Исследованием, проведенным нами в рамках Плана научно-исследовательской работы ФКУ НИИ ФСИН России на 2014 год, установлено, что в конце 2013 г. в исправительных учреждениях ФСИН России содержалось 297 осужденных за преступления экстремистской направленности. Число осужденных в исправительных учреждениях ФСИН России, совершивших преступления террористического характера (как кажется на первый взгляд также экстремистов), составляет 775 человек.

Несмотря на кажущуюся однородность различных характеристик этих двух типов преступников, анализ их социально-демографических, а также некоторых уголовно-правовых и уголовно-исполнительных характеристик определяет наличие серьезных различий [2, с. 155]. Особенно эти различия проявляются в сравнении характеристик осужденных за преступления экстремистской направленности с характеристиками относительно однородной группы осужденных за насильственные действия в отношении сотрудников органов внутренних дел (ст. 318 УК РФ) (выборка таких осужденных в исследовании составила 210 человек).

Неоднородность этих характеристик поможет нам определить тот самый среднестатистический профиль преступника, совершившего престу-

пление экстремистской направленности, так необходимый в случаях отсутствия сколько-нибудь значимой информации о совершенном преступлении.

Прежде всего при практически одинаковом среднем возрасте (33–35 лет) осужденные за экстремистскую деятельность в целом уступают другим осужденным в уровне образования. В среднем каждый десятый экстремист (11 %) имеет только начальное образование. Всего 47,6 % из них имеют среднее образование, что меньше на 9,7 % чем у группы осужденных за терроризм. Среди террористов на 6,6 % (8 %) больше лиц с незаконченным высшим образованием и на 2,2 % (6,9 %) больше лиц с высшим образованием.

Экстремисты, в отличие от осужденных за терроризм, как правило не являются выходцами из кавказского региона. Исходя из полученных нами данных только каждый десятый (11,3 %) осужденный за экстремистскую деятельность — уроженец Кавказа, проживавший там до осуждения. Уроженцами и жителями Чеченской Республики являются лишь 1,4 % от общего количества осужденных этой группы. К примеру, среди осужденных за террористическую деятельность 87,4 % — выходцы с Кавказа. Следовательно, эти две категории осужденных в этническом аспекте крайне неоднородны.

Почти половина (42,5 %) экстремистов не имеют какой-либо профессии. Этот показатель среди осужденных за насильственные действия в отношении сотрудников ОВД значительно ниже — 18,7 %. Из тех экстремистов, кто имеет профессию (1/3 от общего количества) 29,8 % обучались и трудились в строительной и технической сферах.

Еще меньшее количество имеют профессию в сельскохозяйственной (7,5%) и гуманитарной (4,2%) сферах. Ситуация по наличию профессии у осужденных за экстремизм обстоит далеко не лучшим образом.

Более половины (53%) осужденных за преступления экстремистской направленности в семейном отношении являются холостяками, при этом только каждый десятый (9,4%) разведен. Лишь каждый пятый (21%) — женат, а 16,6% проживали до осуждения в гражданском браке, как правило, не сохранив отношения. В преобладающем количестве стиль жизни человека, посвятившего себя экстремистским криминальным проявлениям, не обременен семейными узами.

Каждый четвертый (24%) экстремист в юношеском возрасте состоял на учете в инспекции по делам несовершеннолетних, каждый пятый — подвергался административному наказанию, а каждый третий (32,1%) — был ранее судим (причем 31,1% таких лиц были неоднократно судимы). По этим показателям экстремисты намного опережают осужденных за терроризм и насильственные действия в отношении сотрудников ОВД. Следовательно, путь к совершению преступления экстремистской направленности был для значительной части осужденных долгим и они многократно попадали в сферу деятельности органов внутренних дел, но дошли до конечной цели.

Алкоголь, в том числе до 18-летнего возраста, стабильно употребляли 63,7% осужденных за экстремизм. Согласно судебным материалам по расследованию совершенных преступлений, более трети (38,2%) экстремистов

совершили преступление в состоянии алкогольного опьянения.

Опыт употребления наркотиков (каннабиноиды, героин, синтетические препараты) имеют 14,6% осужденных за экстремизм.

Осужденные за экстремистскую деятельность гораздо чаще, чем другие осужденные относятся к наказанию как к абсолютно несправедливому (63,4%), реже хотят в будущем воспользоваться условно-досрочным освобождением (58,8%), менее склонны считать себя виновными, хотя соглашаются, что были обмануты («виновата собственная дурость»).

Интересно, что из причин, способствующих преступлению, корыстные мотивы в группе осужденных за экстремистскую деятельность назывались намного реже (12,7%), чем у других осужденных. Подтверждена точка зрения, определяющая, что в качестве причин, инициирующих экстремистскую деятельность, осужденные определяют: конфессиональные, национально-этнические, политические, экономические и исторические.

Психодиагностическое обследование осужденных за действия экстремистской направленности, проведенное с использованием методик: ММРІ (в интерпретации Л.Н. Собчик), LSI, Ф. Зимбардо, Басса-Дарки, МИС, позволило определить ряд выводов.

Наиболее часто встречающимися пиками профиля по методике ММРІ являлись шкалы 1-я, 3-я и 6-я, что позволяет говорить о смешанном типе реагирования с преобладанием гипостенических проявлений, а также стремлении избежать социальной активности при общей конформности установок.

Оценка усредненных профилей (опросник по временной перспективе Ф. Зимбардо) группы осужденных за экстремистскую деятельность позволила определить большую ориентированность первых на будущее и меньшую в равной мере на прошлое и настоящее. Прошлое они рассматривают как хранилище ошибок, настоящее как условия, не приносящие какой-либо радости. Перспектива будущего позволяет трансформировать тяжелое настоящее, сделать его терпимым и приемлемым. Они обладают более сильным Эго-контролем, более энергичны, имеют более высокую самооценку и более эмоционально стабильны.

О совершенном ранее преступлении эти осужденные не склонны рассуждать, они более сосредоточены на завтрашнем дне, а не на вчерашнем.

Исследование механизмов психологических защит осужденных за экстремистскую деятельность по методике LSI показывает, что осужденные этой категории используют такие сверхнормативные неосознаваемые механизмы защиты, как реактивные образования и проекция. Это определяет то, что осужденные предупреждают выражение неприемлемых желаний, возможно агрессивных, путем развития или подчеркивания противоположного отношения и поведения. Собственные негативные черты, не одобряемые обществом, значимыми лицами или ими самими, осужденные приписывают окружению, среде, тем самым защищая себя от осознания собственной вины и ответственности. Свое криминальное поведение они ориентируют на потерпевшего («он сам во всем виноват»).

Данные по методике Басса-Дарки определяют у осужденных за экстремизм неустойчивость эмоционального состояния, склонность к аффективному реагированию с часто проявляющимися оппортунистическими тенденциями в поведении. Это подтверждает выявленные исследователями вопроса установки экстремистов о том, что терроризм — это нормальный ответ на то, что они считают несправедливым в мире [15, с. 104].

Склонность к проявлению агрессивных тенденций выражается в основном косвенным путем (злобные шутки, остроты), посредством ненаправленной агрессии.

Осужденным за экстремистскую деятельность свойственно неустойчивое самоотношение. Отношение к себе и самооценка, таким образом, во многом зависят от обстоятельств. Внутренне напряжены, имеют средние возможности саморегуляции и самореализации.

Предпринятая попытка типологизации социально-психологических и некоторых уголовно-исполнительных характеристик лиц, осужденных за преступления экстремистской направленности, позволила определить ряд характеристик, выделяющих их на фоне основной массы преступных элементов.

Это люди среднего возраста (33–35 лет) с невысоким (чаще всего низким) уровнем образования, редко уроженцы кавказского региона. Чаще всего они не являются приверженцами семейных ценностей. Значительная часть из них не имеют какой-либо профессии и не стремятся ее заполучить. Ярко выражена такая форма аддикции, как стабильное употребление алкоголя, а в некоторых случаях наркотиков.

Среди причин, способствовавших совершению преступлений, определяются: конфессиональные [10], национально-этнические, политические, экономические и исторические, что подтверждается и другими исследованиями вопроса [5, с. 37]. Корыстные мотивы определяются гораздо реже, что определяет особенности их ценностно-смысловой сферы.

Данные материалов психодиагностики подтверждают данные о социальной отчужденности этих людей с низкими способностями к саморегуляции и самореализации. Наблюдается доминирование проявлений неконструктивных форм механизмов психологической защиты, неадекватной и нестабильной самооценки с неспособностью конструирования сбалансированного временного континуума. Оппортунистические взгляды часто находят свое выражение в не прямой (косвенной) агрессии, что в экстремальной ситуации для этого человека может легко принять форму прямой вербальной или физической агрессии в отношении окружающих.

Список литературы

1. Анфиногенов А.И. Методика установления признаков преступника сопряженных с обстоятельствами происшествия : учеб.-метод. пособие. М. : Академия управления МВД России, 2003. 73 с.
2. Бовин Б.Г., Москвитина М.М. Количественные и качественные изменения состава осужденных на современном этапе развития УИС // Прикладная юридическая психология. 2015. № 1. С. 154–163.
3. Бочаров А.В., Мещерякова Э.И., Ларионова А.В. Типология психологических факторов отношения студентов к экстремизму (по результатам анкетирования и психодиагностики) // Прикладная юридическая психология. 2015. № 1. С. 21–33.

4. Вахнина В.В. Некоторые особенности преодоления кризисов переговорной деятельности сотрудников полиции в ситуации захвата заложников // Прикладная юридическая психология. 2013. № 1. С. 71–75.

5. Емелин В.А. Терроризм как патологическая форма обретения идентичности в условиях информационного общества // Прикладная юридическая психология. 2010. № 4. С. 36–43.

6. Казберов П.Н. Методические особенности психокоррекционной работы с осужденными, отбывающими наказание за террористическую и экстремистскую деятельность // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2013. № 3. С. 19–21.

7. Казберов П.Н. Особенности психологической работы с осужденными за террористическую и экстремистскую деятельность // Прикладная юридическая психология. 2013. № 4. С. 61–66.

8. Казберов П.Н., Кулакова С. В., Фадеева К.Ф. О последствиях экстремальных условий деятельности для сотрудников силовых структур // Научно-исследовательские публикации. 2014. № 12 (16). С. 36–41.

9. Киселев А.М. О психологической готовности сотрудников и подразделений уголовного исполнительного системы к действиям в экстремальных ситуациях // Прикладная юридическая психология. 2014. № 1. С. 42–46.

10. Сочивко Д.В. Психодинамики духовности и религиозности осужденных молодежного возраста // Прикладная юридическая психология. 2012. № 4. С. 116–126.

11. Сочивко Д.В., Бурцев А.О. Проблема патологизации личности осужденных к лишению свободы // Прикладная юридическая психология. 2014. № 1. С. 30–41.

12. Сочивко Д.В., Бурцев А.О. Психоклинический профиль личности осужденных в местах лишения свободы (не состоящих на медицинском и профилактическом учете) // Прикладная юридическая психология. 2014. № 4. С. 51–57.

13. Сочивко Д.В., Гаврина Е.Е. Подознание террориста. М. : ПЕР СЭ, 2012. 192 с.

14. Сочивко Д.В., Тоболевич О.А. Психологические особенности гендерной самоидентификации в структуре самоотношения личности осужденных // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2010. № 11. С. 41–46.

15. Чулисова А.П. Роль этноинтегрирующих и этнодифференцирующих образов природы в психокоррекционной работе с осужденными за насильственные преступления // Прикладная юридическая психология. 2010. № 4. С. 103–113.

УДК 159.9:343.224.1

ОТСТАВАНИЕ В ПСИХИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ, НЕ СВЯЗАННОЕ С ПСИХИЧЕСКИМ РАССТРОЙСТВОМ, КАК ОСНОВАНИЕ И УСЛОВИЕ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

В. С. Голдобина

Реферат: статья посвящена актуальному вопросу уголовно-правовой практики — освобождению от уголовной ответственности несовершеннолетних, которые достигли возраста 14–16 лет, но вследствие отставания в психическом развитии, не связанного с психическим расстройством, во время совершения общественно опасного деяния не могли в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими в момент их совершения.

Рассматриваются характеристики, с которыми законодатель связывает возможность применения к несовершеннолетнему уголовной ответственности, а именно достаточность уровня интеллектуального и волевого развития, достижение которого несовершеннолетним обязательно для несения виновной ответственности. Обозначены показатели достижения такого уровня, свидетельствующие о способности осознавать характер и опасность своего поведения и управлять своим поведением в уголовно-релевантной ситуации.

Освещается проблематика, связанная с интерпретацией понятия «отставание в психическом развитии, не свя-

занное с психическим расстройством» на фоне отсутствия законодательного закрепления категории вменяемости, причины возникновения такого отставания и его природа.

Анализируются вопросы индивидуального психического развития несовершеннолетних, хотя и достигших возраста уголовной ответственности, но не имеющих способности осознавать фактический характер и опасность своих поступков и контролировать их ввиду отставания в развитии. Отмечены факторы, влияющие на задержку психического развития, не связанную с психическим расстройством (психологические, социальные и др.). На основании их анализа сделаны выводы о влиянии на психологическое развитие как отдельных факторов, так и совокупности.

Отмечено значение комплексной психолого-психиатрической экспертизы для определения и оценки состояния психического развития подростка в целях установления достаточного для привлечения к уголовной ответственности уровня интеллектуального, волевого и личностного развития, исключения случаев объективного вменения лицам с отставанием в психическом развитии, не связанным с психическим расстройством, и обеспечения принципов

уголовно-правового и процессуального законодательства.

Ключевые слова: *несовершеннолетние, уголовная ответственность, отставание в психическом развитии, не связанное с психическим расстройством, причины, интеллектуальное и волевое развитие, невменяемость, осознание, способность, возраст.*

Нижний возрастной порог уголовной ответственности, установленный законодателем на уровне 14 лет, предусматривает, что у несовершеннолетнего лица имеется необходимая способность осознать в момент совершения преступления фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) и руководить ими. Уровень психического развития несовершеннолетнего обуславливается, прежде всего, его соответствием среднему уровню психического развития, который, как правило, достигается несовершеннолетним к определенному времени (календарному возрасту). Однако психическое развитие некоторых несовершеннолетних может отклоняться от среднего уровня и существенно влиять на волевые и интеллектуальные способности, в связи с чем они не могут в полной мере осознать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими, несмотря на достижение установленного законом календарного возраста уголовной ответственности.

Отставание может проявить себя в недоразвитии интеллектуальных функций по сравнению с волевыми либо, наоборот, волевое развитие может отставать от интеллектуального. «Отставание в умственном развитии выража-

ется в качественно своеобразных изменениях психики, обусловленных неравномерностью, парциальностью недоразвития высших психических функций, что исключает полное совпадение особенностей интеллектуального развития умственно отсталого подростка с психическими особенностями младших по возрасту детей» [8, с. 8]. «Умственная отсталость несовершеннолетнего, не связанная с психическим расстройством, это значительное отставание от нормального для данного возраста уровня развития мыслительной, познавательной деятельности, запаса знаний и представлений, развития эмоционально-волевой сферы» [14, с. 37]. В связи с этим если несовершеннолетний явно и в существенной степени отстает в интеллектуальном развитии от среднего уровня развития своих сверстников, необходимо ставить вопрос о недостижении им уровня интеллектуального развития, достаточного для несения уголовной ответственности.

Отставание в психическом развитии, не связанное с психическим расстройством, формируется под воздействием наследственных либо приобретенных, психологических либо социальных факторов, а также их совокупности.

Возникновение такого отставания в психологическом развитии под воздействием наследственных факторов обусловлено механизмом наследственных патологий, представляющим собой процесс передачи хромосомами информации функциональных единиц наследственности, именуемых генами. Е.М. Мастюкова отмечает, что «хромосомные болезни, как правило, отличаются сложным или осложненным де-

фектом. При этом в половине случаев имеет место умственная отсталость, которая часто сочетается с дефектами зрения, слуха, опорно-двигательного аппарата, речи» [10, с. 170].

Отставание в психологическом развитии под воздействием приобретенных факторов происходит в процессе жизнедеятельности: родовые травмы, интоксикации, асфиксии, тяжелые и длительные соматические заболевания, различные травмы головного мозга.

К психологическим и социальным причинам, оказывающим влияние на задержку психического и личностного развития, можно отнести социальную и педагогическую запущенность, неправильное воспитание, условия среды общения, сенсорную недостаточность.

Недостатки педагогического воздействия на несовершеннолетнего часто являются причиной отставания в психическом развитии, не связанного с психическим расстройством, поскольку в результате педагогической запущенности происходит искажение механизма социализации, нарушение социальной адаптации, при которой, несмотря на отсутствие патологических изменений интеллектуально-волевой сферы и болезненных особенностей личности, поведение несовершеннолетнего нарушается, существенно отклоняется от нормы.

«При слабом педагогическом воздействии у ребенка не происходит достаточно интенсивного развития и перестройки таких важнейших психических функций, как восприятие, память, мышление и др. Результатом недоразвития высших психических функций может оказаться неспособность психи-

чески здорового несовершеннолетнего полностью и правильно сознавать значение своих действий в конкретной ситуации» [15, с. 86]. Кроме того, последствия педагогической запущенности могут проявляться двояко. «Они могут приводить к недоразвитию познавательной деятельности, иными словами, — к собственно умственной отсталости; в то же время педагогическая запущенность подростка, находящегося в неблагоприятной в моральном отношении атмосфере, может оказаться почвой для дефектного развития его личности» [8, с. 68]. По мнению В.Г. Павлова, «разнообразные причины, негативные условия социальной среды... способны достаточно активно влиять и, в частности, воздействовать не только на дальнейшее отставание психического развития несовершеннолетнего, но и порождать у него личностные деформации, выражающиеся в гипертрофированных интересах, потребностях, ценностных и общепользующих ориентациях, которые при определенных, чаще всего неблагоприятных, ситуациях могут привести к совершению преступления» [12, с. 145].

Таким образом, отставание в психическом развитии, не связанное с психическим расстройством, может быть обусловлено разными причинами. Однако ни одна из них, за исключением врожденной патологии нервной системы, не может предопределять отставание в психическом развитии как непреложный результат, так как главенствующую роль в психическом развитии несовершеннолетнего выполняет сознание и самосознание, достижение достаточного уровня которого предполагает понимание

происходящих событий, собственных поступков, мыслей и отношений к внешнему миру и самому себе. Способность к управлению собственным поведением связана с осознанием тех взаимосвязей и взаимоотношений, которые имеются в окружающем внешнем мире, поскольку через их понимание возможно определение способа достижения цели. Сознательным является «действие, которое выполняется не в порядке инстинктивного акта или хорошо упроченного навыка, не является подражательным актом, не строится на основе внутреннего плана или программы, которое по своему происхождению тесно связано с речью, а затем управляется сокращенными внутренними схемами» [9, с. 38].

Целью введения в Уголовный кодекс РФ ч. 3 ст. 20 является исключение случаев объективного вменения, так как данная уголовно-правовая норма предусматривает освобождение от уголовной ответственности таких лиц, которые формально достигли возраста уголовной ответственности, но вследствие отставания в психическом развитии, не связанного с психическим расстройством, не способны в полной мере осознавать смысл своих деяний и руководить ими. Однако понятие «отставание в психическом развитии, не связанное с психическим расстройством» в законе не раскрывается, в связи с чем среди авторов, рассматривающих указанную проблему, существуют неоднозначные мнения по поводу трактовки используемых в ч. 3 ст. 20 Уголовного кодекса РФ формулировок.

Так, одни авторы подобное отставание в психическом развитии связывают с умственной отсталостью [7, с. 24],

другие — такую связь опровергают [3, с. 82]. По мнению Г. В. Назаренко, отставание в психическом развитии, не связанное с психическим расстройством, есть не что иное как «возрастная незрелость» [11, с. 134], иные авторы говорят о «личностной незрелости» [5].

М. С. Певзнер относит к группе задержки психического развития вне рамок умственной отсталости разные формы инфантилизма (психофизического и психического), интеллектуальные нарушения при церебрастенических состояниях, дефектах слуха, речи, отклонениях в характере и поведении [13, с. 101–112].

А. А. Байбарину более удачным представляется термин «психическая незрелость», отражающий «как основной критерий отставания в развитии лица (психологический), так и точную характеристику данного состояния (незрелость), которая подразумевает недостижение лицом необходимого уровня развития» [2, с. 165].

Рассматривая проблему уголовной ответственности несовершеннолетних с признаками отставания в психическом развитии, не связанного с психическим расстройством, Н. Д. Гомонов и А. В. Безруков предлагают решить ее, используя понятие «психическая девиация», так как «в объем указанного понятия, без сомнения, входят и задержки умственного развития, не связанные с психическим расстройством» [4, с. 482].

Вместе с тем отсутствие способности осознавать в полной мере фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими близко понятию невменяемости. На основании этого до-

вольно часто ч. 3 ст. 20 Уголовного кодекса РФ, регламентирующая привлечение к уголовной ответственности несовершеннолетних, достигших возраста уголовной ответственности, но имеющих отставание в психическом развитии, не связанное с психическим расстройством, рассматривается как «возрастная невменяемость». А.В. Рагулина характеризует это понятие следующими признаками:

а) отставание в психическом развитии, не связанное с психическим расстройством, причинами которого может быть социальный инфантилизм, имеющий временный характер;

б) невозможность в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими. При этом отставание в психическом развитии, не связанное с психическим расстройством, должно оказывать влияние на интеллектуально-волевою сферу психической деятельности подростка именно во время совершения им общественно опасного деяния [6, с. 9].

Однако другими авторами отмечается невозможность применения понятия «возрастная невменяемость» в отношении лиц с отставанием в психическом развитии, не связанным с психическими расстройствами, поскольку в таких случаях отсутствует медицинский критерий [2, с. 164]. Сходной точки зрения придерживаются и другие авторы [4, с. 479].

С данной точкой зрения трудно согласиться. Законодательно не получившее собственного определения понятие «вменяемость» (как противоположное по смыслу понятию «невменяемость») — «это такое состояние здо-

ровья, которое создает биологические возможности волевого управления поведением применительно к конкретным уголовно значимым ситуациям» [14, с. 3]. А это значит, что, несмотря на то что способность осознавать характер своих поступков и руководить ими может быть непосредственно связана с психическим здоровьем субъекта, определяющее значение имеет *установление способности к осознанно-волевому поведению и ее реализации в определенной уголовно-правовой ситуации*. Факторами же, влияющими на эту способность, могут быть не только состояние психического здоровья, но и наличие отдельных психических состояний, личностных особенностей, экстремальных ситуаций. Среди них можно выделить: отставание несовершеннолетнего в психическом развитии, являющееся следствием педагогической запущенности, не правильного воспитания и не связанное с психическим расстройством (ч. 3 ст. 20 УК РФ); отсутствие способности к осознанно-волевому поведению из-за несоответствия индивидуально-психологических возможностей требованиям, предъявляемым экстремальной ситуацией (ст. 28 УК РФ); отсутствие избирательности осознаваемого поведения из-за интенсивного принуждения извне либо из-за временных функциональных состояний и нервно-психических перегрузок (ст. 40 УК РФ) [14, с. 5]. Указанные случаи, как правило, влекут освобождение от уголовной ответственности, так как принцип виновной ответственности требует установления способности субъекта осознавать значение своих действий и руководить ими. В таких случаях медицинский (психи-

атрический) критерий невменяемости отсутствует. Исходя из этого понятие «вменяемость» имеет психологическую основу, в которую включены интеллектуальные, волевые и эмоциональные аспекты, и во всех этих случаях наличие психологического критерия вменяемости могут установить эксперты-психологи. Поэтому позиция авторов, указывающих на «возрастную невменяемость» при интерпретации содержания ч. 3 ст. 20 УК РФ представляется достаточно обоснованной.

Правильное определение понятия «отставание в психическом развитии, не связанное с психическим расстройством» имеет значение не только в теоретическом плане, но и в практической работе. Практическое значение использования единого термина заключается не только в установлении категории несовершеннолетних с отставанием в психическом развитии, не связанным с психическим расстройством, но и в последствиях применения к ним норм уголовно-правового характера (например, освобождение от уголовной ответственности и применения необходимых коррекционных мер).

Безусловно, первой и главной причиной, способствовавшей формированию различных мнений в юридической литературе, является отсутствие разъяснения в официальных правовых документах понятия «отставание в психическом развитии, не связанное с психическим расстройством» и положений о признаках, которыми должно характеризоваться неполное осознание несовершеннолетним лицом фактического характера и общественной опасности своих действий (бездействия). Так как законодатель не дает строгой дефи-

ниции этого понятия, по существу вопрос определения его содержания перенесен в сферу психологии (возрастной, патопсихологии), а применительно к отграничению его от отставания, обусловленного психиатрическими причинами, — в сферу психиатрии.

Действующее в настоящее время постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 № 1 (ред. от 02.04.2013) «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» указывает, что при наличии данных, свидетельствующих об отставании в психическом развитии несовершеннолетнего, в силу ст. 195 и 196, ч. 2 ст. 421 УПК РФ следует назначать комплексную психолого-психиатрическую экспертизу в целях решения вопроса о его психическом состоянии и способности правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела [1, с. 3]. При этом перед экспертами должен быть поставлен вопрос о влиянии психического состояния несовершеннолетнего на его интеллектуальное развитие с учетом возраста.

Таким образом, достоверное установление причин, повлекших отставание в психическом развитии и отсутствие у несовершеннолетнего способности в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими, а также объективная оценка уровня психического развития несовершеннолетнего, совершившего общественно опасное деяние, являются гарантом обеспечения принципа справедливости при решении вопро-

са о применении к несовершеннолетнему уголовно-правовых мер. При этом успешность такой оценки и, как следствие, законное и обоснованное применение уголовно-правовых мер должны определяться на основе экспертных данных, выраженных в виде заключения соответствующей экспертизы.

Список литературы

1. Байбарин А.А. Психическая незрелость // Бизнес в законе. 2007. № 4. С. 163–165.
2. Беломестнова К.С. Отставание в психическом развитии, не связанное с психическим расстройством: понятие и уголовно-правовое значение // Сибирский юридический вестник. 2011. № 1 (52). С. 81–85.
3. Бюллетень Верховного Суда. 2011. № 4 (апрель).
4. Гомонов Н.Д., Безруков А.В. Проблемы уголовной ответственности несовершеннолетних с признаками отставания в психическом развитии, не связанного с психическим расстройством // Вестн. Мурман. гос. тех. ун-та. 2002. Т. 5. № 3. С. 479–482.
5. Дозорцева Е.Г., Федонкина А.А. Психологические особенности несовершеннолетних правонарушителей с личностной незрелостью [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование psyedu.ru. 2013. № 3. URL: http://psyjournals.ru/psyedu_ru/2013/n3/62522.shtml.
6. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / Ю.В. Грачева и др. ; под ред. Г.А. Есакова. 4-е изд. М. : Проспект, 2012. 544 с.
7. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. Ю.И. Скуратова и В.М. Лебедева. 3-е изд., изм. и доп. М. : Норма-Инфра-М, 2000. 896 с.
8. Коченов М.М. Судебно-психологическая экспертиза. М., 1977. 57 с.
9. Лурия А.Р. Исследования по формированию сознательного действия в раннем возрасте // Новые исследования в психологии и возрастной физиологии. М., 1972. № 1. С. 38–43.
10. Мастюкова Е.М. Виды и причины отклонений в развитии у детей // Психология детей с отклонениями и нарушениями психического развития : хрестоматия / сост. и общ. ред. В.М. Астапова, Ю.В. Микадзе. СПб. : Питер, 2001. С. 11–25.
11. Назаренко Г.В. Уголовно-релевантные психические состояния лиц, совершивших преступления и общественно опасные деяния : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / Назаренко Геннадий Васильевич. М., 2001. 287 с.
12. Павлов В.Г. Субъект преступления. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2001. 318 с.
13. Певзнер М.С. Введение в дефектологию с основами нейро- и патопсихологии / под ред. В.М. Астапова. М. : Междунар. педагог. акад., 1994. 216 с.
14. Ситковская О.Д. Уголовный кодекс Российской Федерации : психологический комментарий. М. : Волтерс Клувер, 2009. 192 с.
15. Ситковская О.Д., Конышева Л.П., Коченов М.М. Новые направления судебно-психологической экспертизы : справ. пособие. М. : Юрлитинформ, 2000. 160 с.

УДК 159.9:343.83

ПСИХОДИАГНОСТИЧЕСКИЕ МАРКЕРЫ ФЕНОМЕНА НЕДОВЕРИЯ У СОТРУДНИКОВ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

А. В. Болдырев, Т. А. Болдырева, Л. В. Тхоржевская

Реферат: статья посвящена специфической для уголовно-исполнительной системы профессиональной деструкции личности — феномену недоверия. Под феноменом недоверия понимается превалирование негативных ожиданий от взаимодействия в межличностном общении, проявляющееся как дисбаланс в системе доверия — недоверия в сторону недоверия.

Феномен недоверия рассматривается как патологизация профессионально важного качества сотрудников уголовно-исполнительной системы, влекущего за собой закрепление деконструктивной модели межличностного взаимодействия за рамками профессиональной деятельности.

С учетом немногочисленных исследований доверия и недоверия, выполненных А.Б. Купрейченко, Т.П. Скрипкиной, Н.Г. Соболевым, для диагностики феномена недоверия целесообразно изучение системы отношений сотрудника и выявление ее специфических характеристик, проявляющихся на четырех уровнях. К их числу относятся система отношений как система значений и смыслов, обобщенная характеристика системы отношений в координатах доверия и недоверия, паттерны межличностного взаимодействия, личностные черты и свойства как проявления устойчивых паттернов отношения с окружающим миром.

В соответствии с перечисленными уровнями психодиагностического исследования может быть сформирована психодиагностическая программа, включающая ряд психодиагностических методик: семантического дифференциала, оценки доверия/недоверия личности другим людям (разработанная А.Б. Купрейченко), измерения психологической дистанции, определения социально-психологической индивидуальной дистанции в межличностных отношениях (разработанная С.В. Духновским), графической оценки психологической дистанции (разработанная Е.А. Медведской), диагностики межличностных отношений Т. Лири (в адаптации Л.Н. Собчик), а также стандартизованный многофакторный личностный опросник Р. Кеттелла 16PF (в адаптации В.И. Похилько, А.С. Соловейчика, А.Г. Шмелева).

Выполненные исследования системы отношений сотрудников правоохранительных органов позволили выделить количественные показатели характерных для феномена недоверия показателей перечисленных психодиагностических методик.

Ключевые слова: феномен недоверия, уголовно-исполнительная система, сотрудники правоохранительных органов, система отношений, семантическое пространство, семанти-

ческий дифференциал, семантическая удаленность, коннотативное значение, предмет труда, психологическая дистанция.

Формирование профессионально важных качеств у сотрудников уголовно-исполнительной системы является сложным и довольно длительным процессом, который часто занимает 5–10 лет. Сохранение и оптимальное использование ресурсов профессионализма, по мнению В.И. Огородникова и Ю.А. Мельниковой, являются важными задачами психологического обеспечения служебной деятельности [3].

Профессионально важные качества, в свою очередь, не статичны в процессе их актуализации в трудовой деятельности. Под воздействием личностного адаптационного синдрома, по мнению С.Т. Посоховой, эти качества в условиях экстремальных условий профессиональной деятельности могут не только формироваться, но и трансформироваться, создавая тем самым прецеденты профессиональных деструкций личности [4]. Специфика профессиональной деятельности сотрудников уголовно-исполнительной системы сопряжена с рядом условий и факторов, формирующих ее экстремальный характер. Довольно большое число функциональных обязанностей психолога сопряжены с риском для жизни и здоровья сотрудника, часто они обладают превентивной направленностью, нацелены на предупреждение противоправных действий. Иными словами, велика роль неопределенности в наиболее типичных профессиональных ситуациях.

В условиях неопределенных ситуаций взаимодействия с людьми возрас-

тает роль доверия/недоверия как неких перманентных условий, которые задают основную модель поведения человека. Анализ отличительных признаков возникающей у сотрудников пенитенциарных учреждений системы отношений привел Н.Г. Соболева к выводу о том, что недоверие выступает основным содержанием возникающих в данных условиях стереотипов межличностного взаимодействия [5]. В особой системе отношений, как отмечает О.А. Щербина, возникают условия для образования особой внутренней позиции личности [6].

Проблема доверия/недоверия предметом эмпирического исследования в психологии стала сравнительно недавно, несмотря на длительную предысторию ее философского осмысления и социологического анализа. Ю.В. Веселов, Д. Левис, А. Вейгер, С. Робинсон и др. рассматривают доверие/недоверие как характеристику действий, ориентированных на ожидание доброжелательного/недоброжелательного, безопасного/опасного для реципиента отношения со стороны окружающих. Довольно значительную роль в рассмотрении доверия/недоверия играет понятие нравственности. Уверенность в нравственном поведении всех участников взаимодействия, по мнению ряда авторов (П. Ринг, А. Ван де Вейден, А.П. Бромлин, Л. Каминг), является по сути доверием, возникающим во взаимодействии людей.

Специфика профессиональной деятельности сотрудника пенитенциарного учреждения такова, что условий для возникновения доверия гораздо меньше, чем для развития недоверия. Количество профессиональных ситуаций, в

которых сотруднику необходимо проявлять недоверие, довольно много. Кроме того, уверенность в нравственном поведении со стороны людей, совершивших преступление, будет скорее исключением, чем правилом взаимодействия. Следовательно, возникают предпосылки для стереотипизации представлений о характере взаимодействия с окружающими в сторону недоверия. Иными словами, возникает дисбаланс в системе доверия/недоверия, и для снижения психоэмоционального напряжения у человека закрепляется стереотип недоверия по отношению к людям.

С точки зрения оптимизации социально-психологического функционирования человека важно как доверие, так и недоверие. Их баланс позволяет обеспечить, с одной стороны, эмоциональную насыщенность и глубину человеческих взаимоотношений, с другой — безопасность и устойчивость во времени [1; 2]. Нарушение баланса приводит к снижению качества жизни и социального взаимодействия, создает основу для депривации потребностей в самоактуализации. Профессиональная деструкция личности, выраженная в феномене недоверия, таким образом, носит вторичный характер по отношению к профессионально важным качествам сотрудников уголовно-исполнительной системы, являясь системным нарушением.

Итак, феномен недоверия — это профессиональная деструкция личности, которая возникает в специфических условиях осуществления профессиональной деятельности, жестко регламентирующих тип и характер взаимодействия с окружающими. В результате длительного воздей-

ствия на личность таких условий труда формируются: стремление избегать общения с людьми, обладающими выраженной готовностью дать совет, оказать помощь; преобладание гипотимического фона в общении с коллегами и людьми, составляющими предмет профессиональной деятельности; ярко проявляющееся стремление и способность развенчивать идеалы и авторитеты с обозначением неблагоприятных мотивов поведения. На уровне поведения перечисленные психологические особенности проявляются в резком сужении круга общения, часто до нуклеарной семьи, выраженное и часто агрессивно реализуемое стремление установить за входящими в круг близкого общения тотальный контроль, оправданием жестокого обращения с людьми сохранением безопасности.

Однако феномен недоверия следует дифференцировать от параноидных и садистических расстройств личности.

Прежде всего феномен недоверия представляет собой негативный эффект профессионализации, патологии профессионально важных качеств. Иными словами, возникновение феномена недоверия без сколь угодно длительного периода осуществления профессиональной деятельности невозможно. Стереотипность установок в структуре данной профессиональной деструкции является следствием реализации профессиональной деятельности.

В этом ракурсе феномен недоверия может быть дифференцирован от этапа первичного накопления профессионального опыта как реализации доавтоматического формирования навыка,

с одной стороны, и от характерных для расстройств личности патологических черт, с другой.

В отличие от параноидных и садистических расстройств личности как психопатологических явлений при феномене недоверия отсутствует органическая основа, конфликтность, снижение умственной и физической активности, искажение ощущений разной модальности, субъективные переживания «путаницы» мыслей, обилие идей, получение удовольствия от наблюдения за страданиями человека и/или животных, импульсивное стремление к доминированию в отношениях с применением неоправданно агрессивных действий.

На уровне самоотношения у человека, подверженного феномену недоверия, это проявляется в адекватной оценке себя как человека, склонного избегать близких контактов, закрытого, проявляющего недружелюбие в отношении людей. Оправдывается такое понимание себя издержками профессии, признается переживание неполноценности самореализации эмоционального взаимодействия в межличностном общении. Можно найти некий элемент жертвенности в самоотношении подверженного феномену недоверия человека, так как перечисленные качества рассматриваются как составляющие общественно полезной функции, выполнению которой посвящена профессия.

Таким образом, при феномене недоверия искажается система отношений, что, в свою очередь, дает основания для квалификации психодиагностической мишени в выявлении феномена недоверия. Многоуровневый анализ систе-

мы отношений позволяет выявить феномен недоверия и дифференцировать его от сходных состояний.

Было проведено исследование системы отношений на четырех уровнях: система отношений как система значений и смыслов, обобщенная характеристика системы отношений в координатах доверия и недоверия, паттерны межличностного взаимодействия, личностные черты и свойства как проявления устойчивых паттернов отношения с окружающим миром.

Соответственно перечисленным уровням были использованы методики: семантического дифференциала, оценки доверия/недоверия личности другим людям (разработанная А.Б. Купрейченко), измерения психологической дистанции, определения социально-психологической индивидуальной дистанции в межличностных отношениях (разработанная С.В. Духновским), графической оценки психологической дистанции (разработанная Е.А. Медведской), диагностики межличностных отношений Т. Лири (в адаптации Л.Н. Собчик), а также стандартизованный многофакторный личностный опросник Р. Кеттелла 16PF (в адаптации В.И. Похилько, А.С. Соловейчика, А.Г. Шмелева).

При сравнении показателей по перечисленным методикам у 34 сотрудников уголовно-исполнительной системы, проявляющих признаки феномена недоверия, с показателями 45 сотрудников, не проявляющих признаки такового, удалось выделить психодиагностические маркеры рассматриваемой профессиональной деструкции.

По данным методики семантического дифференциала феномен недоверия

Таблица 1

Характерные для сотрудников, подверженных феномену недоверия, значения факторов оценки силы и активности по диагностически значимой группе понятий

Понятие	Оценка	Сила	Активность
Я	+6 – -4	-3 – +1	+5 – +12
Другие люди	+5 – -12	+ 1 – +6	-4 – + 6
Близкий человек	+3 – +12	-3 – +1	+5 – +12
Агрессия	-3 – 0	+ 3 – +12	+ 3 – +12
Моя служба или моя работа	+5 – +10	+ 5 – +12	+ 6 – +12

Таблица 2

Характерные для лиц, подверженных феномену недоверия, показатели выраженности критериев доверия/недоверия по данным методики оценки доверия/недоверия личности другим людям А. Б. Купрейченко

Критерий	Доверие	Недоверие
Надежность	4,33±0,33	2,06±0,41
Знания	4,06±0,34	2,88±0,54
Приязнь	4,22±0,42	1,98±0,45
Единство	3,95±0,38	2,09±0,39
Расчет	4,08±0,36	2,62±0,45
Недостатки	2,22±0,46	3,27±0,42

проявляется на уровне значений факторов оценки силы и активности по понятиям «Я», «другие люди», «близкий человек», «агрессия», «служба» или «моя работа». Возможный диапазон значений по каждому фактору составляет от -12 до +12.

В таблице 1 представлены характерные для подверженных феномену недоверия сотрудников показатели факторов оценки силы и активности по предложенным понятиям. Значение представляют не только проявления указанных показателей по каждому понятию, но и описанное сочетание показателей по всей группе понятий.

По данным методики оценки доверия/недоверия личности другим лю-

дям, разработанной А.Б. Купрейченко [2], у подверженных феномену недоверия в доверии доминирует фактор единства, недоверие же в основном обосновывается совокупностью выраженных критериев знания, расчета, недостатков.

В таблице 2 представлены характерные для подверженных феномену недоверия показатели критериев доверия/недоверия по методике оценки доверия/недоверия личности другим людям А.Б. Купрейченко.

По данным методики определения социально-психологической дистанции в межличностных отношениях (СПД) С.В. Духновского, для подверженных феномену недоверия ха-

Таблица 3

Характерные для людей, подверженных феномену недоверия, показатели шкал методики СПД С. В. Духновского

Тип дистанции (шкала опросника)	Диапазон значений, характерных для подверженных феномену недоверия
Когнитивная дистанция (Cog-d)	35–60
Коммуникативная дистанция (Com-d)	50 и выше
Эмотивная дистанция (Emo-d)	55 и выше
Поведенческая и деятельностная дистанция (Act-d)	40–54
Положительный/отрицательный образ самого себя (Si)	40–54

рактерна некая поляризация психологической дистанции. С близкими людьми она существенно сокращается и слабо дифференцируется в зависимости от характера связывающих отношений, с людьми, не входящими в близкий круг, она значительно увеличена. В таблице 3 приведены характерные для подверженных феномену недоверия показатели шкал методики СПД С. В. Духновского. Отметим, что проведенное исследование не учитывало возраст и пол респондентов, что, по мнению автора методики, является также значимым фактором в образовании психологической дистанции [1].

Для оценки психологической дистанции была также использована графическая методика Е. А. Медведской. Было выявлено, что для людей, подверженных феномену недоверия, характерна будет незаполненность продуктивной дистанции. Членов нуклеарной семьи или людей, ее заменяющих, респондент разместит на короткой дистанции, всех остальных людей из постоянного окружения — на длинной.

Оценка паттернов межличностного взаимодействия осуществлялась с

помощью методики диагностики межличностных отношений Т. Лири в адаптации Л. Н. Собчик. В таблице 4 приведены характерные значения по октантам для подверженных феномену недоверия сотрудников. Обращает на себя внимание завышение значений по I и III октантам у сотрудников, подверженных феномену недоверия.

По опроснику Кеттелла будут отмечаться завышения по факторам E, L, Q1 и Q4.

Напряженность в межличностном взаимодействии, подозрительность и осторожность фиксируется в завышении значений по фактору E до 7,5–8,5 стенов и L до 7–9 стенов. Неспособность к слепому следованию авторитетам, хорошо выраженное умение анализировать природу и источник влияния той или иной личности на окружающих, независимость во мнениях и оценках отражается в завышениях по фактору Q1 до 5,7–6,3 стенов.

Подобные результаты позволяют также выделить столь важное сочетание личностных свойств, как сосуществование прагматичности и реалистичности суждений и умеренной ответственности и совестливости.

Таблица 4

**Диапазон выраженности значений по октантам
у подверженных феномену недоверия
(по методике Т. Лири в адаптации Л. Н. Собчик для Я — реального)**

Октант	Диапазон значений, характерных для подверженных феномену недоверия
I властный — лидирующий	7–18
II независимый — доминирующий	6–8
III прямолинейный — агрессивный	8–19
IV недоверчивый — скептический	6–12
V покорный — застенчивый	2–4
VI зависимый — послушный	2–5
VII сотрудничающий — конвенциональный	2–5
VIII ответственный — великодушный	4–10

Таким образом, феномен недоверия обладает рядом психодиагностических маркеров, которые позволяют его выделить в качестве отдельного вида профессиональных деструкций личности. Отметим, что феномен недоверия будет проявляться не только у сотрудников уголовно-исполнительной системы, но и у представителей других правоохранительных органов. В его структуре в зависимости от специфики профессиональной деятельности может отмечаться своеобразие. Данный вопрос в настоящее время представляется мало изученным.

Список литературы

1. *Духновский С.В.* Психология отношений личности : монография. Курган : Изд-во Курган. гос. ун-та, 2014. 380 с.
2. *Купрейченко А.Б.* Доверие-недоверие — общие и специфические психологические характеристики // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер. Психология и педагогика. 2008. № 2. С. 46–53.
3. *Огородников В.И., Мельникова Ю.А.* Проблемы, состояние и предложения по совершенствованию кадровой политики уголовно-исполнительной системы // Прикладная юридическая психология. 2010. № 1. С. 149–152.
4. *Посохова С.Т.* Личностный адаптационный синдром в экстремальных условиях профессиональной деятельности // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 12: Психология. Социология. Педагогика. 2011. № 4. С. 7–13.
5. *Соболев Н.Г.* К вопросу о раскрытии понятия «феномен недоверия в уголовно-исполнительной системе» // Психологическое обеспечение в уголовно-исполнительной системе / под ред. М.Г. Дебольского. М. : ФСИН России, 2007. С. 33–36.
6. *Щербинина О.А.* Категория «отношение» и анализ внутренней позиции личности // Вестн. Оренбург. гос. ун-та. 2015. № 2(177). С. 201–206.

УДК 159.9:343.83

ПОДГОТОВКА КВАЛИФИЦИРОВАННЫХ ПСИХОЛОГОВ ДЛЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

В. М. Поздняков

Празднование 25-летия со дня открытия первого психологического факультета в вузах правоохранительных органов — это знаковое событие в истории не только ФСИН России, но и отечественной юридической психологии. Вспоминая предпосылки и истоки создания данного факультета, сыгравшего ключевую роль в подготовке кадров и развитии психологической службы уголовно-исполнительной системы (УИС) России, представляется важным раскрыть имевшие место запросы и тренды, а также определить перспективы на будущее и прежде всего в аспекте совершенствования подготовки квалифицированных кадров психологов.

Анализ нормативных актов и научных публикаций свидетельствует, что социальный заказ по вводу психологов в отечественную уголовно-исполнительную систему имел специфику в рамках двух периодов ее истории. Первый из них пришелся на 1970-е — первую половину 1980-х годов. Руководство ГУИТУ МВД СССР, учитывая мировой тренд в изменении уголовно-исполнительной политики обращения с несовершеннолетними заключенными (ресоциализационная модель), а также проведенные в конце 1960-х — начале 1970-х годов монографические исследования отечественных психологов (М.А. Алемаскин, А.Г. Ковалев,

И.П. Башкатов, Г.М. Бочкарева и др.), стало проводить с 1974 г. эксперимент по введению в штат воспитательно-трудовых колоний (ВТК) специалистов-психологов. При этом учитывая факт малочисленности в стране данной категории специалистов и их целевую подготовку только на трех факультетах психологии в госуниверситетах (в Московском — с 1966 г., в Ленинградском — с 1968 г, в Ярославском — с 1971 г.), руководство ведомства посчитало возможным лишь в инициативном порядке заполнять должности психологов в ВТК. Ориентация их профессиональной деятельности как гражданских специалистов состояла прежде всего в психологическом обеспечении труда других категорий сотрудников колонии, чтобы в итоге обеспечивался индивидуально-дифференцированный подход в исправлении и перевоспитании несовершеннолетних преступников. Однако психологи, принятые на работу в ВТК, стремились реализовывать и психопрактические функции — психодиагностическую и психокоррекционную. Координации ведомства по ним тогда еще не существовало.

Обобщение первоначального опыта работы психологов в воспитательно-трудовых колониях страны произошло в 1977 г., когда И.П. Башкатовым и Л.С. Саблиной было выпущено Методическое руководство для работни-

ков ВТК [1]. Учитывая, что двумя годами ранее А.Д. Глоточкиным и В.Ф. Пирожковым было издано учебное пособие «Исправительно-трудовая психология» (под научной редакцией профессора К.К. Платонова), где акцент был сделан на учет психологии различных категорий осужденных, можно констатировать, что и среди сотрудников-практиков, а не только лишь в среде научных и педагогических работников, стала складываться позиция о важности комплексного, с опорой на достижения психологии исправительного воздействия на осужденных. Этому способствовало и то, что в 1970-80-х годах в ряде учреждений Вологодской области были внедрены элементы системы А.С. Макаренко в исправительную работу с осужденными, что дало реальное снижение рецидива преступлений у лиц, освобождаемых из мест лишения свободы. Кроме того, в Белоруссии к 1980-м годам был накоплен позитивный опыт организации индивидуального шефства над трудновоспитуемыми осужденными, а в Харьковской области — по развитию коллективного шефства и кооперативных связей предприятий и организаций с пенитенциарными учреждениями.

В создании и расширении методической базы психолого-педагогического сопровождения исправительной работы с осужденными особая роль принадлежала сотрудникам научной лаборатории при Рязанской высшей школе (РВШ) МВД СССР. Многие из них своими исследованиями способствовали возникновению новых научных направлений, а после защиты диссертаций, в том числе докторских, активно занимались подготовкой научных ка-

дров и специалистов для УИС (профессора В.Г. Деев, А.Н. Сухов, А.И. Ушатиков, В.М. Литвишков, Н.А. Тюгаева, И.И. Кулцов; доценты В.Н. Казанцев, М.В. Тимашев, Л.А. Токарева и др.). Следует также отметить и конструктивную роль ученых из ВНИИ, ВИПК и Академии МВД СССР (Ю.М. Антонян, С.Н. Курганов, А.И. Мокрецов, В.Г. Самовичев, М.Г. Дебольский, А.И. Папкин, А.В. Пищелко, М.П. Стурова и др.), которые целенаправленно вели изучение трансформаций в пенитенциарной среде и личности различных категорий осужденных.

Второй этап, связанный с расширением круга сторонников по вводу психологов в отечественную уголовно-исполнительную систему, пришелся на вторую половину 1980-х — начало 1990-х годов. Знаменательным событием явилось проведение в конце 1980-х годов психологических экспериментов в ГУИТУ по Саратовской и Пермской областям. Цель первого из указанных экспериментов состояла в разработке сотрудниками специально созданной психологической лаборатории модели дифференциации осужденных на основе психодиагностического изучения личности и одновременно выработке рекомендаций по их исправлению. Цель второго эксперимента, проведенного в колониях при научном сопровождении ученых из Пермского государственного педагогического института (А.С. Новоселова и др.), состояла в разработке технологии пенитенциарного аутотренинга, направленного на профилактику негативной трансформации личности осужденных и осуществление их исправления. Позитивный опыт этих двух экспериментов был одобрен на коллегии МВД СССР.

Во второй половине 1980-х годов расширилась разработка дидактических материалов, предназначенных для психологической подготовки будущих специалистов и различных категорий сотрудников ИТУ (В.Г. Деев, А.И. Ушатиков, 1985; А.Н. Сухов, 1986; Т.Ю. Базаров, А.В. Пищелко, 1987 и др.), а также рекомендаций по адаптации выпускников и закреплению кадров в органах и учреждениях, исполняющих наказания (В.Н. Казанцев, 1982; А.А. Ушаков, 1985; В.М. Поздняков, 1989 и др.), и совершенствованию управления коллективами сотрудников ИТК (А.И. Папкин, 1984; А.В. Буданов, 1988; М.Г. Дебольский, 1989). Анализ программ проведенных научно-практических конференций и иных публикаций свидетельствует, что происходил рост осознания необходимости создания психологической службы в УИС страны и организации целенаправленной ведомственной подготовки специалистов-психологов. Большая заслуга в том, что решение об этом было принято на уровне МВД СССР, принадлежит профессору А.И. Зубкову, являвшемуся с 1989 г. начальником Рязанской высшей школы МВД СССР, а также руководству ряда главков министерства (Т.Н. Радько, Ю.И. Калинин и др.).

МВД СССР в мае 1990 г. приказом были зафиксированы решения об открытии в Рязанской высшей школе новой кафедры — общей и специальной психологии (с 1975 г. существовала лишь общеинститутская кафедра исправительно-трудовой педагогики и психологии), а также о проведении набора и начале с 1 сентября 1990 г. подготовки квалифицированных кадров со специализацией «Психология практи-

ческая для органов и учреждений, исполняющих наказания». Учитывая, что на тот период аналогов подготовки пенитенциарных психологов не было как за рубежом, так и в отечественных гражданских вузах, в РВШ МВД СССР была создана инициативная группа из числа ведущих преподавателей (В.Г. Деев, А.И. Ушатиков, В.М. Поздняков, А.Н. Сухов), которая занялась разработкой нормативных и иных документов, требуемых для организации учебного процесса.

По действующим в советский период нормативным требованиям учебный план и программы подготовки психологов-практиков должны были обсуждаться и утверждаться на уровне учебно-методических объединений (УМО) университетов «Психология» (Московский государственный университет — МГУ). В связи с этим весьма тщательно была изучена вся учебная документация по ведомственной подготовке кадров и университетскому учебному процессу психологов, а в итоге проект учебного плана подготовки психологов-практиков, подготовленный сотрудниками РВШ МВД СССР и вынесенный на обсуждение УМО университетского психологического образования, представлял собой документ, отражающий три ключевых момента. Во-первых, обеспечивалась преемственность уже существовавшей десятилетней практики факультета психологии Ленинградского государственного университета по специализации «Юридическая психология». Во-вторых, было учтено мнение психологов, которые работали на соответствующих гражданских должностях в ВТК. В-третьих, включена инновационная составляющая

щая, обоснованная с учетом зарубежного опыта и предложений от главков МВД СССР. В целом разработанный проект учебного плана гармонично сочетал в себе фундаментальность и прикладную направленность в профессиональной вузовской подготовке пенитенциарных психологов.

При обсуждении проекта учебного плана на заседании УМО в МГУ, проведенном под председательством декана психологического факультета профессора Е.А. Климова 30 июня 1990 г., состоялась длительная профессиональная дискуссия. Несмотря на остроту заданных вопросов и полемику, возникшую в ходе конкретных выступлений членов УМО, в целом имела место атмосфера заинтересованности и прежде всего в аспекте определения направлений обеспечения качества подготовки новой категории психологов-практиков. Крайне важно сегодня вспомнить заключительное выступление-рекомендацию профессора Е.А. Климова о том, что обсуждаемый проект учебного плана содержательно конструктивен и с его реализацией откроются новые перспективы развития теоретической, методической и психопрактической составляющих пенитенциарной психологии, а также о том, что необходимо развивать данное новшество с мониторингом и поддержкой от академической психологической науки [5].

Дополнительные коррективы в учебный план по новой специализации в области психологии, внесенные в МВД СССР, а также реальная поддержка образовательной инновации А.Г. Асмоловым, являвшимся в тот период главным психологом Министерства высше-

го образования СССР, включили «зеленый свет» расширенной подготовке психологов-практиков не только в РВШ, но и в других вузах правоохранительных и силовых ведомств. В последующем именно этот, утвержденный министерством, учебный план был взят за основу при создании учебно-дидактической документации по психологическим специальностям, открытым в Санкт-Петербургском и Московском университетах МВД России, Вологодском институте права и экономики ФСИН России, а также Военном университете Минобороны России.

Осуществление первого набора будущих психологов в РВШ МВД СССР велось на основе предоставленного ведомством вузу права самому формировать личное дело абитуриентов и с приглашением преподавателей гражданских вузов осуществлять приемные экзамены по профильно-вступительным дисциплинам. Одновременно впервые в системе ведомственных вузов была апробирована и технология психологического тестирования абитуриентов, к проведению которого были привлечены ведущие сотрудники Центра психофизиологии Медуправления МВД СССР (А.Э. Драч, Н.В. Андреев, Н.М. Филиппов). С учетом итога вступительных экзаменов и данных психодиагностики в качестве первых слушателей-психологов были зачислены 69 кандидатов. Именно с ними и были начаты занятия в учебном центре РВШ МВД СССР, чтобы лучше познакомиться с особенностями личности и профессиональной направленностью поступивших, так как среди них значительная часть была набрана без профотбора кадровыми службами территориальных и лесных подразделений УИС.

Особенностью учебного процесса с первым набором будущих психологов было то, что занятия с ними на первом курсе проводились не только преподавателями ведомственного вуза, но и приглашенными профессорами из Рязанского медицинского института. Для повышения профессиональной направленности личности будущих психологов была организована непрерывная внеучебная практика на базе Льговской ВТК и ИК-2 УИН по Рязанской области. Форсировано создавалась материально-техническая база для проведения лабораторного психологического практикума. В этих целях при финансовой поддержке министерства уже к концу 1990-го года было приобретено современное психотехническое оборудование на сумму более 300 тыс. рублей, а также 30 зарубежных компьютеров, которые стали основой сети компьютерной психодиагностики. Приоритетным направлением выступило и заключение договоров о сотрудничестве с психологическими факультетами страны, что позволило получить оригинальные психологические издания, а также организовать командирование ведущих ученых-психологов для участия в занятиях первой летней психологической школы (проводилась в Рязани в июне 1991 г. при участии приглашенных 7 докторов и 3 кандидатов наук). В последующем подобные многодневные психологические школы стали проводиться в РВШ МВД ежегодно, создав традицию, обеспечивающую повышение качества подготовки кадров психологов. При этом летние психологические школы, на наш взгляд, способствовали научному становлению

и адъюнктов-психологов, набор которых в РВШ МВД СССР стал осуществляться с 1989 г.

Развитие психологического факультета ежегодно требовало привлечения на работу новых преподавателей, причем имеющих конкретные психологические специализации. В первые годы работы психологического факультета его профессорско-преподавательский состав был расширен как за счет опытных кадров (А.П. Краковский, О.Е. Сапарин, В.В. Солодников и др.), так и недавних выпускников психологических факультетов университетов страны (Э.Ю. Амелин, А.В. Чечкова, М.В. Шевелев, В.В. Яковлев и др.). Важным критерием нового пополнения преподавательского состава являлся также и опыт многолетней работы в пенитенциарных учреждениях. В связи с этим одной из первых на факультете стала работать кандидат психологических наук Т.В. Калашникова, имевшая 11-летний стаж службы в ВТК, а позднее и В.В. Васильев, являвшийся заместителем руководителя одного из управлений ЛИТУ. Их роль была крайне важной в развитии связей с практическими органами.

Первые годы работы психологического факультета были периодом интенсивного развития материально-технической базы, подготовки и издания разноплановых дидактических материалов по преподаваемым дисциплинам. Это было крайне актуальным и в связи с открытием по решению министерства в РВШ МВД России с 1992 г. годичных очно-заочных курсов психологов, которые выполняли функцию переподготовки кадров сотрудников, назначенных на соответствующие должности в учреждениях разных регионов страны.

В 1994 г. психологический факультет РВШ МВД России прошел первую аттестацию комиссией Минобразования России. Председатель психологической группы данной комиссии профессор В.В. Новиков (Ярославский государственный университет), выступая на общем подведении итогов аттестации, констатировал успешность в подготовке будущих психологов, в том числе обеспеченное высокой квалификацией профессорско-преподавательского состава, качеством разноплановых дидактических пособий, созданной многоуровневой лабораторно-кабинетной базой, активным включением обучающихся в научно-исследовательскую работу и оказание помощи органам и учреждениям, исполняющим наказания. Одновременно профессор В.В. Новиков, являвшийся не только создателем психологического факультета в Ярославском государственном университете, но и организатором психологической службы в одном из министерств, а также президентом Международной психологической академии, отметил конструктивную роль рязанских психологов в развитии психологической службы своего ведомства, в том числе в концептуальном и практико-ориентированном аспектах. При этом им особо отмечена инновация, состоящая в создании учеными из РВШ МВД России и распространении в более чем 40 учреждениях УИС (причем после целенаправленного обучения психологов) комплекта дидактических и технических средств для создания и функционирования кабинетов психологической поддержки личного состава.

Важной вехой в истории психологического факультета следует считать подготовку с 1997 г. кадров по специальности «Социальная работа в исправительных учреждениях». Это в полной мере соответствовало новым ориентирам в уголовно-исполнительной политике страны. При этом конструктивным следует признать многолетнее научно-методическое сотрудничество психологического факультета с Институтом социальных работников кантона Базель Швейцарской Конфедерации, а также с департаментами юстиции ряда других европейских стран, обеспечившее качественную практическую подготовку будущих отечественных социальных работников [4].

С момента появления в Рязанском институте права и экономики МВД России научных журналов, а также в рамках изданий по результатам многочисленных научно-практических конференций сотрудники психологического факультета всегда занимали экспертную позицию по новациям в ведомстве, отстаивая гуманистические взгляды на обращение и психотехнический подход в исправлении различных категорий осужденных. Мнение рязанских пенитенциарных психологов было авторитетным и в рамках дискуссий, которые проходили на съездах психологов России или на заседаниях методологического семинара в Институте психологии РАН по профилю «Актуальные проблемы юридической психологии».

С учетом возросшего научного потенциала профессорско-преподавательского состава с 1997 г. при Рязанском институте права и экономики МВД России стал функционировать диссертационный совет по специальностям

«Юридическая психология» (19.00.06) и «Общая педагогика, история педагогики и образования» (13.00.01). Именно в данном совете были успешно защищены диссертации как первых выпускников и молодых преподавателей рязанского ведомственного вуза (Е.Н. Казакова, А.В. Наприс, В.В. Яковлев и др.), так и сотрудников-психологов УИС России (И.Т. Ковалева, И.И. Пацакула, И.С. Дорошенко и др.). К сожалению, с 2016 г. действие данного совета ВАК приостановлено. Его возрождение, на наш взгляд, следует считать одной из главных целей рязанских психологов, так как многие сотрудники психологического факультета ориентированы и активно собирают материал по утвержденным темам докторских диссертаций.

Как известно, все вузы страны с 2011 г. стали реализовывать федеральные государственные образовательные стандарты третьего поколения. При подготовке высококвалифицированных кадров пенитенциарных психологов, на наш взгляд, важна ориентация как на реализацию данных отечественных стандартов, так и на требования европейского стандарта профессиональной квалификации (EuroPsy), поддерживаемого Российским психологическим обществом и определяющего дополнительные критерии эффективности подготовки психологов-практиков. В соответствии с системой EuroPsy у выпускников психологических факультетов необходимо формировать 20 содержательных и 9 процессуальных компетенций, уровень развитости которых позволит обеспечить качественное выполнение психологом-практиком разноплановых профессиональных функций [3]. Акцентирование

сразу двух аспектов стандартизации компетентности психологов актуально из-за предстоящей реализации на базе Академии ФСИН России переподготовки психологов по программе дополнительного образования со специализацией «Клиническая психология».

В заключение хотелось бы отметить, что в связи с тем, что в настоящее время возглавляют психологический факультет Академии ФСИН России и все его структурные подразделения его же выпускники, сохраняется возможность чтить и приумножать многие из указанных ранее и иных позитивных традиций. С учетом возросших государственных требований к системе образования и профессиональной деятельности правоохранительных органов хочу высказать уверенность, что сегодняшние сотрудники психологического факультета Академии ФСИН России успешно справятся с возложенной на них миссией подготовки высококвалифицированных кадров психологов для модернизируемой уголовно-исполнительной системы страны.

Список литературы

1. Башкатов И.П., Саблина Л.С. Психолог ВТК : метод. руководство для работников ВТК. М.: ВНИИ МВД СССР, 1977. 56 с.
2. Величковский Б.Б. Европейский психологический сертификат EuroPsy // Национальный психологический журнал. 2010. № 1 (3). С. 94–96.
3. Зинченко Ю.П., Володарская Е.А. О критериях рейтинга лучших вузов России, ведущих подготовку психологов // Национальный психологический журнал. 2010. № 1 (3). С. 90–93.
4. Лузгин С.А. Социальная работа с осужденными в России: историческая ретроспектива, современность и будущее : монография. Рязань : Академия ФСИН России, 2006. 135 с.
5. Поздняков В.М. Вклад профессора Е.А. Климова в создание системы подготовки кадров юридических психологов // Национальный психологический журнал. 2010. № 1 (3).

УДК 159.9:343.83

ЗНАЧЕНИЕ РАННЕГО НАУЧНОГО ОПЫТА ПРОФЕССОРА В. Г. ДЕЕВА ДЛЯ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

С. Н. Пономарев

Сразу оговорюсь, что речь пойдет о раннем научном опыте профессора В.Г. Деева в стенах нашего вуза, в его проблемной научно-исследовательской лаборатории. Куда Виталий Григорьевич пришел в 1971 г. кандидатом психологических наук, человеком зрелым и опытным, но довольно слабо себе представляющим (по известным причинам) специфику жизнедеятельности исправительно-трудовых учреждений того периода. Первоначальный научно-педагогический опыт он приобрел еще до своего приезда в Рязань. По свидетельству его дочери кандидата психологических наук, доцента Татьяны Витальевны Калашниковой, отец серьезно увлекся научной работой еще во время обучения в Тамбовском государственном педагогическом институте в 1950-е годы. Затем, будучи директором профессионально-технического училища (ПТУ), он организовывал исследовательские кружки для учащихся. Потом была московская аспирантура и защита кандидатской диссертации по психологии, посвященной проблеме развития творческих способностей учащихся ПТУ [1, с. 4].

В Рязань семья переехала из Башкирии, где Виталий Григорьевич преподавал психологию в Стерлитамакском педагогическом институте, одновременно являясь секретарем партбюро.

Что, несомненно, свидетельствовало о его авторитете среди коллег. Однако полностью разделяя мнение Татьяны Витальевны, отмечу, что становление В.Г. Деева как ученого-пенитенциариста происходило в период его работы в научно-исследовательской лаборатории [1, с. 5].

Без малого 30 лет было посвящено им научной и преподавательской деятельности в стенах вуза. Долгое время он работал в лаборатории, а в начале 1990-х годов стал одним из организаторов создания психологического факультета и его первым начальником. В 1985 г. в Академии МВД СССР в Москве Виталий Григорьевич успешно защитил докторскую диссертацию по юридической психологии на тему «Психология направленности личности осужденных, отбывающих наказание в ИТУ», которая вошла в число исследований, составляющих фундамент пенитенциарной психологии. А он сам, его ученики и коллеги достойно представляли и представляют рязанскую научную пенитенциарную психологическую школу. Если же учесть факт дальнейшего законодательного закрепления права осужденных на психологическую помощь в соответствии с Федеральным законом от 8 декабря 2003 г. № 161-ФЗ в ст. 12 Уголовно-исполнительного кодекса РФ «Основ-

ные права осужденных», то можно в полной мере представить себе основное значение раннего и последующего научного опыта профессора В.Г. Деева для уголовно-исполнительной системы в целом.

И все же для раннего научного опыта ученого показательным будет материал, представленный им на Всесоюзной конференции «Актуальные проблемы научной организации исправления и перевоспитания осужденных», проведенной в сентябре 1973 г. в стенах совсем еще молодого вуза. В ее работе принял участие весь цвет науки и практики страны: руководители всех научных школ по исправительно-трудовой проблематике, руководство главка, разработчики недавно принятого исправительно-трудового законодательства, его основ и кодексов союзных республик, профессорско-преподавательский состав и научные сотрудники. Все это одновременно воодушевляло и обязывало молодые научно-исследовательские и научно-педагогические коллективы вуза на достижение реальных результатов в первую очередь в подготовке специалистов для системы исправительно-трудовых учреждений, а также в проведении исследований и выработке практических рекомендаций.

В своем выступлении на конференции начальник Рязанской высшей школы МВД СССР генерал-майор милиции доцент Н.Г. Емелин, наряду с другими вопросами, выделил четыре ведущих направления исследований в вузе [2, с. 18]. Одним из них стало основное направление исследований В.Г. Деева и его коллег — изучение процесса исправления и перевоспитания осужден-

ных в психолого-педагогическом плане. Наиболее ощутимые научные и практические результаты были получены учеными уже в ближайшей перспективе. Это направление исследований дало вузу больше десятка докторов и кандидатов психологических и педагогических наук; обусловило создание психологического факультета для целевой подготовки психологов-практиков; стало основой для установления творческих связей с коллегами из Швейцарии по проблемам адаптации психологов к условиям работы в исправительных учреждениях; способствовало закреплению в Уголовно-исполнительном кодексе РФ новеллы, совершенно не свойственной исправительно-трудовому законодательству, — нормы о праве осужденных на психологическую помощь с их согласия; и, конечно, сыграло большую роль в создании психологической службы уголовно-исполнительной системы.

К моменту проведения конференции, как отмечал Н.Г. Емелин, научно-исследовательская лаборатория установила тесные творческие связи с довольно большим числом практических органов. В них создавались исследовательские лаборатории на общественных началах, география которых уже в то время впечатляла. Начали проводиться кустовые семинары и конференции, служебные занятия и совместные исследования [2, с. 18–19]. К сожалению, через несколько лет направленность исследований лаборатории была изменена, а в 1986 г. произошло ее слияние с научно-исследовательским и редакционно-издательским отделом (НИИРИО) [3, с. 298], что фактически означало ее расформирование и поте-

рю всего того, что создавалось на протяжении 15-летнего периода. Однако это отдельная тема.

Мы же вернемся к Всесоюзной конференции. Сообщение Виталия Григорьевича было посвящено вопросам научной организации изучения личности в условиях исправительного учреждения. Особый интерес, на наш взгляд, представляют два базовых авторских положения: 1) центральной фигурой в процессе изучения личности осужденного во время исполнения наказания в виде лишения свободы выступает начальник отряда (сбор и анализ информации, выводы и рекомендации совместно с мастерами производства, учителями, контролерами); 2) структура колонии, ее архитектоника, наиболее подходящие для организации всей этой работы.

Следует напомнить, что во время проведения указанной конференции и еще некоторое время спустя отбор и набор на обучение по специальности «юриспруденция» для системы исправительно-трудовых учреждений проводился из молодежи, прошедшей армейскую школу жизни (для мужчин) или имеющей определенный трудовой стаж (для женщин). В 1970-е годы никаких проблем с отбором не было, они появились в начале 1980-х, а к началу 1990-х уже даже речи не шло об отборе. Возникли трудности с выполнением плана набора слушателей. И дело было не в «...кризисе юридического образования...» или в «...общем упадке РВШ МВД СССР» [3, с. 38], и даже не в «солдатских условиях» жизни и быта бывших военнослужащих в стенах специализированного вуза, что далеко не всем обучающимся нравилось. И уж тем бо-

лее не в участившихся и довольно продолжительных по времени отвлечениях слушателей от учебного процесса в 1980-е годы для охраны общественного порядка в республиках Закавказья. Основная причина этого явления проста и известна всем. Профессия «тюремщик» нигде и никогда не была престижной, а ее непривлекательность в сравнении с другими сферами правоохранительной деятельности обусловлена тем, что она сопряжена с постоянным психологическим напряжением и стрессами. Об этой проблеме говорится много и часто.

Однако государство не идет по пути приоритетной материальной заинтересованности и соответствующей компенсации физических и духовных затрат во время несения службы для этой категории правоохранителей. И в начале 1990-х годов был предложен иной подход, заключавшийся в наборе курсантов из числа молодежи допризывного возраста с одновременным увеличением их денежного содержания во время обучения. Вопрос об отборе и наборе на обучение сразу отпал. В то же время значительно обострилась проблема закрепления на службе молодых специалистов. Все чаще руководители территориальных органов и центрального аппарата сетовали на то, что они просто «разбегаются по дороге следования», а молодые люди, приступившие к службе в 22–23-летнем возрасте, нередко не находят себя в профессии. Эта проблема сохраняется. Она не может решиться и посредством очень полезной и необходимой во всех отношениях ранней ориентации молодежи для службы в уголовно-исполнительной системе в специали-

зированных классах и колледжах [4, с. 5–14], и всякий раз явно усугубляется периодическим и плановым «вымыванием» способных и позитивно настроенных на продолжение службы сотрудников, непосредственно работающих с осужденными. Что, на наш взгляд, является тактической и стратегической ошибкой.

Дело в том, что для воспитательной работы в условиях уголовно-исполнительной системы желателен солидный положительный жизненный опыт в целях оказания воздействия на конкретных людей с различным криминальным прошлым, социально-правовым статусом до осуждения, миропониманием и мировоззрением. Нередко можно слышать, что молодость — это быстропроходящий недостаток. С этим нельзя не согласиться, но когда надо решать сложные государственные задачи здесь и сейчас, возникают большие проблемы. Властным структурам необходимо обращать на этот факт особое внимание. Реальное положение дел свидетельствует об обратном. Нормативно-правовая база о социально-правовом статусе сотрудников не соответствует реалиям сегодняшнего дня, закон о службе в уголовно-исполнительной системе не принимается с 1999 г. Если ранее в системе министерства внутренних дел, хотя и гипотетически, речь шла о плановой ротации всех сотрудников уголовно-исполнительной системы, то в настоящее время — лишь руководящего состава, а в отношении остальных сотрудников просто не о чем говорить. С переходом на узкую специализацию в подготовке юристов проблемным может стать трудоустройство бывших

сотрудников уголовно-исполнительной системы в другие правоохранительные государственные структуры.

Что касается второго тезиса В.Г. Деева относительно колонии как наиболее подходящего места для организации положительного воздействия на осужденного во время отбывания им уголовного наказания, то он убедительно подтверждается многочисленными исследованиями и практикой. Однако не так давно этот многолетний положительный опыт был подвергнут сомнению. Тезис о переходе от колоний к тюрьмам получил в 2010 г. директивное закрепление в Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 г. При этом перефилирование большей части колоний в тюрьмы предусматривалось уже к 2016 г. В итоге ничем не обоснованные и в значительной мере авантюрные предложения, не подкрепленные материально-финансово, были в конце прошлого года отменены. В.Г. Деев подкреплял свой тезис и существовавшим ранее законодательным решением — ИТК РСФСР 1933 г. провозглашал колонию основным видом исправительно-трудовых учреждений. Правда, в целом судьба кодекса печальна, так как он фактически не применялся из-за прямого действия ведомственных приказов, циркуляров и инструкций и активного внедрения в 1930-е годы лагерной системы в стране. Однако со второй половины 1950-х годов и в последующие десятилетия ранее известное законодательное положение получило развитие (проводились исследования, защищались диссертации).

Кроме того, ко времени проведения Всесоюзной конференции В.Г. Деев

уже мог опираться на приобретенный лабораторией исследовательский материал, который подтверждал и развивал мысли А.С. Макаренко о возможном благотворном влиянии коллектива прежних правонарушителей на личность. В связи с этим он с полным основанием отдавал предпочтение колонии как наиболее подходящему структурному подразделению в организации воспитательной работы с осужденными к лишению свободы с целью возвращения их в общество законопослушными и полноправными гражданами. При этом он обращал внимание на трудности в осуществлении этого процесса и сложности в достижении поставленной цели. В свое время известный ученый в области уголовно-правовой проблематики профессор И.В. Шмаров на коллоквиумах, проводимых с адъюнктами, образно сравнивал подготовку осужденных к жизни на свободе с обучением ходьбе человека по Земле, но в условиях Луны. На основании этого полагаем, что в таких сложных и без преувеличения судьбоносных вопросах следует идти по пути совершенствования, постоянного реформирования, но на основе уже наработанных и проверенных временем материалов и процессов.

Принятие же скоропалительных и необоснованных решений, как правило, приводит к негативным последствиям. Причем они обуславливаются не только не просчитанными и возможными объективными обстоятельствами, но и нередко причинами сугубо субъективного свойства: стремлением к революционным преобразованиям, а чаще неспособностью или нежеланием решать намеченное. Так было с необе-

спечением материальных условий для исполнения так называемых отложенных наказаний (обязательных работ, ограничения свободы и ареста) в установленные (дважды) законодателем сроки, а также с принятием закона о принудительных работах в 2011 г. с последующим перенесением срока введения его в действие на 2017 г. Почти то же самое случилось, но в несколько ином направлении, с законодательным отказом от самостоятельных организаций осужденных. Законом они не предусмотрены, а в жизни есть. На проблемы в работе самостоятельных организаций обращалось внимание давно, но в то же время отмечалось, что работа исправительных учреждений без них немыслима [5, с. 20–31].

И таких примеров можно привести много, однако дело не в их количестве, а в принципе, суть которого состоит в творческом использовании наработанного и приобретенного опыта. Его надо знать и по-своему использовать: применяя, видоизменяя или отвергая. Нельзя пренебрегать им, отбрасывая как неподходящий к новым историческим условиям, или замалчивать, делая вид, что до сих пор ничего подобного не было. В этом нас убеждает исследовательский путь доктора психологических наук, профессора Виталия Григорьевича Деева, одного из основателей рязанской пенитенциарной психологической школы. Разрабатывая проблему мотивации поведения осужденных, он использовал результаты фундаментальных и прикладных исследований, прислушивался к советам коллег. Рассказывают, что его докторская диссертация неоднократно обсуждалась до защиты. Некоторые видели в этом недо-

статок, а на наш взгляд, это свидетельствует о целеустремленности, работоспособности и настойчивости исследователя, который был требователен к себе и своим ученикам. В этом видится значение раннего и последующего научного опыта В.Г. Деева для уголовно-исполнительной системы в современных условиях. Положительное воздействие на личность (и психологическое влияние на человека в первую очередь) призвано в условиях лишения свободы сдвинуть с мертвой точки известную триаду — «самоанализ, самовоспитание, самоконтроль». Она направлена на то, чтобы наступить и по возможности «раздавить самость человеческую» — эгоизм. Что каждому, живущему на Земле, свойственно, а отбывающему уголовное наказание в виде лишения свободы тем более.

Список литературы

1. Профессор В.Г. Деев. К 85-летию со дня рождения: фотоальбом / авт.-сост. Т.В. Калашникова, В.Н. Казанцев, Н.И. Ткаченко. Рязань : Академия ФСИН России, 2015. 18 с.
2. Емелин Н.Г. Научный подход к организации исправления и перевоспитания осужденных // Актуальные проблемы научной организации исправления и перевоспитания осужденных : материалы Всесоюз. науч.-практ. конф. (Рязань, 18–20 сент. 1973 г.). Рязань, 1974. С. 9–20.
3. Академия ФСИН России: история и современность / под общ. ред. А.А. Крымова. Рязань : Академия ФСИН России, 2014. 460 с.
4. Опыт работы территориальных органов Федеральной службы исполнения наказаний по ранней профессиональной ориентации молодежи и подготовки кадров для уголовно-исполнительной системы : сб. материалов передового опыта. М. : НИИ ФСИН России, 2009. 105 с.
5. Кузнецов Ф.Т. Актуальные вопросы совершенствования деятельности ИТУ // Актуальные проблемы научной организации исправления и перевоспитания осужденных. Рязань, 1974. С. 20–31.

УДК 159.9:351.74

ПСИХОСЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ИНДИВИДУАЛЬНОГО ПРАВОСОЗНАНИЯ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ: ОПЫТ ЛОНГИТЮДА

А. М. Иванова, И. А. Ковальчук

Реферат: в статье представлены результаты лонгитюдного психологического исследования индивидуально-правосознания сотрудников органов внутренних дел. В качестве психодиагностического инструментария исследования использовались разработанные в Санкт-Петербургском университете МВД России опросник «Отношение к праву» и методика изучения семантической структуры индивидуально-правосознания.

Авторы исходят из того, что семантическое пространство индивидуального правосознания — пространственная модель категориальной структуры, описывающей и дифференцирующей значения индивидуального правосознания. Смыслообразующие элементы (образы «Я-сотрудник», «типичный сотрудник», «идеальный сотрудник», «негативный тип сотрудника») являются базовыми и актуальными в семантической структуре индивидуального правосознания сотрудников органов внутренних дел; характеризуют отношение сотрудников к служебной деятельности, понимание своей социальной роли в обществе и являются показателем качества их профессионального самоопределения.

Рассматривается двухфакторная модель индивидуально-правосознания сотрудников органов внутренних дел, семантическая структура которой

представлена фактором «оценка», отражающим качество «правомочное поведение — неправомочное поведение», и фактором «активность», характеризующим уровень поведенческой и социальной активности.

Приведены данные об особенностях семантического пространства индивидуального правосознания успешных и неуспешных сотрудников органов внутренних дел.

Представленные в статье результаты лонгитюдного исследования отражают динамику изменений отношения сотрудников органов внутренних дел к правовым нормам и институтам. Результаты исследования содержания и структуры семантического пространства индивидуального правосознания сотрудников, проводившегося методом продольных срезов, наглядно демонстрируют изменения психосемантической сферы личности сотрудников органов внутренних дел, произошедшие за последние 10 лет.

Применение методики изучения семантической структуры индивидуального правосознания позволило качественно и количественно оценить степень осознания, понимания и рефлексии личностных смыслов нравственных и правовых норм действующими сотрудниками органов внутренних дел.

Так, по сравнению с 2005 г., отмечается снижение профессионального

самосознания сотрудников. Отношение сотрудников органов внутренних дел к исполнению своих служебных обязанностей год от года становится все более формальным, поверхностным. Смысл служебной деятельности сместился с достижения высокой результативности и стремления овладеть профессией на соблюдение инструкций и требований руководящих приказов.

Действия, которые прежде составляли предмет оперативно-служебной деятельности сотрудников органов внутренних дел, сменили обязательность на желательность в представлениях действующих сотрудников органов внутренних дел.

При осуществлении служебной деятельности сместился акцент с защиты прав и интересов граждан на защиту интересов государства.

Опасно расширились границы допустимого поведения сотрудников органов внутренних дел как в быту, так и в служебной деятельности.

Установлено, что чаще всего сотрудники органов внутренних дел проявляют такой позитивный вид отношения к праву, как правовой реализм. Осуждение в профессиональной среде сотрудников органов внутренних дел вызывает проявления негативного отношения к праву — правового цинизма.

Ключевые слова: индивидуальное правосознание сотрудников органов внутренних дел, семантическое пространство индивидуального правосознания, отношение к праву и его виды, психологические исследования методом лонгитюда.

Рассматривая правосознание и его связи в системе правовой культуры, можно сказать, что правосознание,

являясь одной из сфер сознания, представляет собой отражение правовой действительности и отношение к ней, понимается как сфера общественного, группового и индивидуального сознания, отражающая правовую действительность в форме юридических знаний и умений ими пользоваться, оценочных отношений к праву и практике его применения, правовых установок и ценностных ориентаций, регулирующих поведение человека в юридически значимых ситуациях.

Особое значение в современных условиях приобретает индивидуальное правосознание сотрудников органов внутренних дел как фактор эффективности их служебной деятельности. Индивидуальное правосознание, выступая в качестве психологического механизма профессиональной надежности личности сотрудника органов внутренних дел, представляет собой процесс адекватного осознания субъектом личностных смыслов этических требований и понимания границ (моральных и правовых запретов), за пределами которых поведение носит аморальный и криминальный характер [6].

Нравственные и правовые границы социальных представлений о приемлемости или неприемлемости поведения у субъектов с различными уровнями профессиональной надежности имеют устойчивые различия и могут быть определены психодиагностическими методами. Учитывая особенности индивидуального правосознания, зная их роль, можно относительно достоверно прогнозировать поведение сотрудников органов внутренних дел. Это создает реальную возможность для стимулирования законопослушного пове-

дения и предупреждения правонарушений. При этом социальную значимость имеют последствия несформированности, недостаточности, дефектности индивидуального правосознания сотрудников органов внутренних дел, непосредственно влияющие на практику их служебной деятельности, и реакция населения на такие проявления.

Представленные ниже материалы отражают результаты лонгитюдного психологического исследования, проводившегося на базе Главного управления МВД России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области в период с 2005 по 2015 год, в котором приняли участие 154 сотрудника. Мониторинг состояния индивидуального правосознания осуществлялся с помощью двух методик: опросника «Отношение к праву» [1] и психосемантической методики множественной идентификации [2].

Интериоризация личностных смыслов нравственных и правовых норм у сотрудников органов внутренних дел с высокой профессиональной надежностью стимулируется их социально-психологическими особенностями: профессиональной идентичностью; критическим отношением к деньгам, богатству, внешним признакам успеха; отрицанием утилитарно-корыстной мотивации служебной деятельности, одобрением честного и добросовестного труда.

В подтверждение указанного тезиса нами было проведено исследование с применением методики изучения семантической структуры индивидуального правосознания [3, с. 102–103]. Созданная по алгоритму методики множественной идентификации В.Ф. Петренко, данная методика позволяет оценить, как конкретный сотруд-

ник органов внутренних дел воспринимает служебную деятельность, других сотрудников и себя; как формируется и развивается целостная система индивидуального правосознания конкретного человека. С помощью психосемантической методики изучения семантической структуры индивидуального правосознания можно проследить индивидуальную и групповую динамику формирования и развития индивидуально-группового правосознания, сравнивать группы и коллективы по этому критерию, выявлять лиц из группы риска с установкой и психологической готовностью на неправомерное поведение.

В ходе эмпирического исследования испытуемым предъявлялся список характерных поступков и предлагалось оценить по 6-балльной шкале (от 1 до 6) вероятность совершения того или иного поступка со следующих ролевых позиций: 1) Я — сотрудник; 2) типичный сотрудник; 3) идеал сотрудника с моей точки зрения; 4) идеал сотрудника, принятый в обществе; 5) сотрудник 40 лет назад; 6) сотрудник через 20 лет; 7) негативный (презираемый) тип сотрудника.

Выбор поступков осуществлялся группой экспертов. В качестве экспертов выступали действующие сотрудники органов внутренних дел разных должностных категорий с выслугой более 10 лет, эффективность оперативно-служебной деятельности которых оценивается как высокая. Каждому эксперту предлагалось в свободной форме описать характерные поступки типичного сотрудника органов внутренних дел в правозначимой ситуации. Далее проводился контент-анализ, с помощью которого были выделены наи-

более характерные поступки типичного сотрудника органов внутренних дел. Кроме того, выделенный набор поступков соответствует условию пропорционально представлять существующие в обществе культуральные традиции, социальные нормы и положения права.

Первичные данные, полученные в ходе исследования, были подвергнуты математическому анализу. Обработка данных проводилась с помощью стандартных и общепринятых в психологических исследованиях статистических процедур, с применением специализированных пакетов прикладных компьютерных программ «Excel» и «SPSS». Были вычислены средние значения всех показателей, стандартные отклонения, величины средних ошибок, дисперсии. Достоверность различий полученных величин определялись с помощью *f*-критерия Фишера и *t*-критерия Стьюдента. Реконструкция семантического пространства индивидуального правосознания сотрудников органов внутренних дел осуществлялась с помощью процедур факторного анализа.

Установлено, что семантическое пространство индивидуального правосознания сотрудников органов внутренних дел представляет собой двухмерное геометрическое пространство, координатные оси которого представлены фактором «оценка», отражающим качество «правомочное поведение — неправомочное поведение», и фактором «активность», характеризующим уровень поведенческой и социальной активности. Центральным элементом семантической структуры индивидуального правосознания сотрудников органов внутренних дел является ро-

левая позиция «Я — сотрудник», вокруг которой группируются ролевые позиции «типичный сотрудник», «сотрудник 40 лет назад», «идеал сотрудника в обществе», «мой идеал сотрудника» и «сотрудник через 20 лет». Исключение составляет ролевая позиция «негативный (презираемый) тип сотрудника». Иными словами, для испытуемых описания образа «Я — сотрудник» и образов человека их профессии имеют сходные коннотативные значения, то есть весьма близкие, что свидетельствует о включенности образа «Я» в образ профессии, завершенности процесса формирования индивидуального правосознания и его целостности.

Обнаружено, что семантические структуры индивидуального правосознания успешных и неуспешных сотрудников органов внутренних дел имеют качественные и достоверные количественные различия. Так, например, успешные сотрудники органов внутренних дел характеризуются более развитой и целостной, более дифференцированной семантической структурой индивидуального правосознания.

Общими характерными чертами семантической структуры индивидуального правосознания сотрудников органов внутренних дел являются следующие:

- максимальная приближенность ролевой позиции «Я — сотрудник» к ролевой позиции «сотрудник 40 лет назад»;
- негативный образ «типичного сотрудника»;
- заметное дистанцирование образа «Я — сотрудник» от ролевой позиции «негативный (презираемый) тип сотрудника»;

– положительные средние самооценки по фактору «оценка» и отрицательные по фактору «активность».

Результаты исследования содержания и структуры семантического пространства индивидуального правосознания сотрудников, проводившегося методом продольных срезов, наглядно демонстрируют изменения психосемантической сферы личности сотрудников органов внутренних дел, произошедшие за последние 10 лет.

Ряд поступков, которые однозначно осуждались сотрудниками органов внутренних дел 10 лет назад, в 2015 г. не получили должной правовой или нравственной оценки. Среди них такие поступки, как:

- уверенно нарушает правила дорожного движения;
- в речи использует ненормативную лексику («разговаривает матом»);
- «берет» и позволяет «брать» с обслуживаемой территории;
- помогает близким, родным и друзьям, используя свое служебное положение;
- применяет физическую силу;
- оказывает услуги, профессиональную помощь за вознаграждение;
- пьет на рабочем месте;
- терпит низкую заработную плату и ненормированный рабочий день;
- тратит больше, чем официально зарабатывает;
- подрабатывает, халтурит на стороне;
- выполняет личные поручения начальника в рабочее время;
- занимается предпринимательской деятельностью.

Таким образом, действия и поступки, которые считались 10 лет назад не-

допустимыми и аморальными для сотрудника органов внутренних дел, стали обыденным явлением в служебных коллективах сотрудников органов внутренних дел. Готовность сотрудника «порешать вопросы» также воспринимается положительно в настоящее время, в отличие от 2005 г. Это может быть связано с необходимостью установления обширных социальных связей в коллективах сотрудников органов внутренних дел, а также общей сплоченностью полицейских как особой социальной группы, в которой связи имеют большое значение в их служебной деятельности.

Осуждаемым, но распространенным поступком типичного действующего сотрудника органов внутренних дел стала игра в азартные игры на деньги.

В повседневных рабочих буднях сотрудников органов внутренних дел появилось новое негативное явление, получившее широкое распространение в служебных коллективах, — привлечение сотрудников к работе, не предусмотренной должностным регламентом. Оно связано с общим сокращением штатной численности подразделений и является вынужденной мерой, а в некоторых случаях становится орудием моббинга — крайне негативного и опасного социально-психологического явления в служебных коллективах органов внутренних дел.

В качестве положительного момента можно отметить, что на современном этапе подавляющее большинство сотрудников органов внутренних дел дорожат своим служебным положением.

По сравнению с 2005 г., отмечается снижение профессионального самосознания сотрудников органов внутренних дел. Полученные по психосе-

мантической методике множественной идентификации результаты подтверждают, что отношение сотрудников органов внутренних дел к исполнению своих служебных обязанностей год от года становится все более формальным, поверхностным. Смысл оперативно-служебной деятельности сместился с достижения высокой результативности и стремления овладеть профессией на соблюдение инструкций и требований руководящих приказов. Если в 2005 г. критерием успешного сотрудника органов внутренних дел были поступки: «болеет за свое дело» и «соблюдает права граждан, в то м числе подозреваемых и преступников», то в 2015 г. — «неукоснительно исполняет требования закона, нормативных документов и должностных инструкций», «бережно относится к форме» и «строго и скрупулезно ведет служебную документацию».

Действия, которые прежде составляли предмет оперативно-служебной деятельности сотрудников органов внутренних дел («пресекает правонарушения, в то м числе в свободное от службы время», «первым оказывает помощь гражданам»), сменили обязательность на желательность в представлениях действующих сотрудников.

При осуществлении служебной деятельности сместился акцент с защиты прав и интересов граждан на защиту интересов государства ($r = 0,670$ в 2005 г. и $0,809$ — в 2015 г., $p \leq 0,001$).

По сравнению с 2005 г. сотрудники органов внутренних дел стали реже участвовать в общественной жизни и чаще подвергать риску свою жизнь и здоровье.

В ответах испытуемых 2015 г. нашла свое отражение и проводимая ре-

форма министерства. Действующие сотрудники органов внутренних дел, к примеру, стали уделять больше внимания собственному здоровью и физической подготовленности, как того требуют нормативные правовые акты, регламентирующие деятельность сотрудников полиции. Если в 2005 г. частая смена места прохождения службы резко осуждалась, то сейчас опрошенные сотрудники ОВД оценивают подобное явление в служебных коллективах положительно. Сокращение штатов, понижение «потолков» специальных званий, усиление конкуренции внутри подразделений, введение института ротации кадров подстегнуло мобильность личного состава подразделений органов внутренних дел.

Существенные изменения за последние 10 лет наблюдаются и в отношении сотрудников органов внутренних дел к правовым нормам и институтам. Нравственно-правовую сферу личности сотрудника органов внутренних дел, сопряженную с правосознанием индивида, мы исследовали с помощью методики «Отношение к праву», результаты которой представлены в таблице 1.

Чаще всего сотрудники органов внутренних дел проявляют такой вид отношения к праву, как правовой реализм: показатели по шкале в 2005 г. составили 7,812 баллов, а в 2015 г. — 4,690 баллов. Однако, по сравнению с 2005 г., в 2015 показатели шкалы правового реализма значительно снизились ($r = 4,003$, $p \leq 0,001$).

В 2005 г. сотрудники органов внутренних дел выделили правовой реализм как единственный допустимый вид отношения к праву для сотрудни-

Таблица 1

Показатели методики «Отношение к праву»

Название шкалы	Средние показатели по шкалам		Стандартные отклонения		Достоверность различий
	2005 г.	2015 г.	2005 г.	2015 г.	$p \leq$
Правовой реализм	7,812	4,690	2,831	2,208	0,001
Правовой идеализм	-0,471	0,552	2,780	0,723	0,001
Правовой конформизм	-0,132	0,207	2,682	0,240	0,01
Правовой фетишизм	-3,460	-4,931	3,390	1,040	0,05
Правовой инфантилизм	-5,233	-4,172	2,464	0,750	0,05
Правовой скептицизм	-3,304	-3,276	2,671	0,020	нет
Правовой цинизм	-5,350	-4,828	2,722	0,369	нет
Правовой нигилизм	-1,592	-3,379	3,122	1,264	0,01

ков органов внутренних дел. Остальные виды отношения к праву (как позитивные, так и негативные) ими отвергались. В 2015 г. действующие сотрудники органов внутренних дел проявляют отдельные черты правового идеализма и правового конформизма.

Показатели шкалы «правовой идеализм» за последние 10 лет значительно выросли, то есть возросла доля сотрудников, которые освобождают себя от нравственного выбора в некоторых критических случаях их служебной деятельности, слепо следуя требованиям закона и инструкций.

Наиболее отрицательно опрошенные сотрудники по-прежнему оценивают правовой цинизм — отношение к праву, для которого характерно осознанное отрицание роли права в обществе, сознательное нарушение норм права, вера в собственные силы и возможность перебороть общественные правовые отношения, желание навязать свою волю окружающим, диктовать нормы и правила поведения.

Достоверные различия показателей выявлены по шкалам «правовой

фетишизм», «правовой инфантилизм» и «правовой нигилизм». По сравнению с 2005 г. действующие сотрудники органов внутренних дел стали реже проявлять правовой фетишизм и правовой нигилизм, и немного чаще отдельные черты правового инфантилизма. Полученные данные свидетельствуют, что в среде сотрудников органов внутренних дел постепенно распространяется убеждение, что в современном обществе можно спокойно прожить без проблем, не зная права, не интересуясь им.

Как указывает Д.С. Безносков, такое отношение к праву, как правовой инфантилизм, положительно связано со следующими ценностями социальной зависимости: удовлетворенность местом в жизни (смирение с жизненными обстоятельствами), защита семьи (безопасность тех, кого мы любим), чувство принадлежности (отождествление себя с конкретной группой людей). Отрицательные связи обнаружены с такими ценностями, как мудрость (зрелое понимание и отношение к жизни) и авторитетность (право вести за собой, руко-

водить, отдавать распоряжения). Таким образом, правовой инфантилизм опирается на ценности социальной зависимости, проявляясь как несамостоятельность, незрелость, невозможность служить авторитетом для окружающих [1, с. 175–176].

Правовой инфантилизм основан на ценностях социальной зависимости, поэтому он является недостаточно развитой, наивной и крайне упрощенной формой правосознания. Правовой инфантилизм — состояние профессионального правосознания, которое характеризуется несформированностью и недостаточностью правовых взглядов, знаний, установок и представлений.

Сравнение средних показателей отношения к праву показало, что сотрудники в целом проявляют позитивное отношение к праву. Они в большинстве своем хорошо знакомы с законодательством, положительно относятся к праву, не выказывают циничного к нему отношения, признают право в качестве основного регулятора поведения в обществе, в меньшей степени проявляют такие виды отношения к праву, как правовой фетишизм, что свидетельствует о начале осмысленного отношения к праву, а не слепого поклонения и приписывания закону и праву магического вселия.

Опираясь на результаты лонгитюдного исследования индивидуального правосознания сотрудников органов внутренних дел, можно утверждать, что:

- психологический механизм профессиональной надежности личности у обследованных сотрудников органов внутренних дел нарушен в силу утраты ими личностных смыслов этических требований служебной деятельности и

размывания в сознании границ моральных и правовых запретов;

за последние 10 лет:

- семантическое содержание и структура индивидуального правосознания сотрудников органов внутренних дел претерпели существенные изменения: отношение к исполнению своих служебных обязанностей стало более формализованным, поверхностным; смысл служебной деятельности сместился с достижения высокой результативности и стремления овладеть профессией на соблюдение инструкций и требований руководящих приказов;

- уровень развития индивидуального правосознания сотрудников органов внутренних дел снизился: единственно зрелый вид отношения к праву — правовой реализм, проявляется сотрудниками реже, а деструктивные виды отношения к праву (например, правовой инфантилизм) чаще.

Список литературы

1. *Безносов Д.С.* Отношение к праву как проявление правового сознания курсантов вузов МВД РФ : дис. ... канд. психол. наук. СПб., 2004. 234 с.

2. *Иванова А.М.* Психосемантика индивидуального правосознания курсантов образовательных учреждений МВД России : дис. ... канд. психол. наук. СПб. : СПбУ МВД России, 2006. 166 с.

3. *Иванова А.М.* Психосемантическая сфера личности сотрудников органов внутренних дел : монография. СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та МВД России, 2014. 132 с.

4. *Иванова А.М.* Психосемантические методы анализа в профессиональном психологическом отборе // Психология XXI века : материалы V Междунар. науч.-практ. конф. молодых ученых. С.-Петербург, 19–20 нояб. 2009 г. СПб. : Ленингр. гос. ун-т имени А. С. Пушкина, 2009. С. 154–155.

5. *Сочивко Д.С., Симакова Т.А.* Теория и методика исследования индивидуального правосознания и его инфантилизации и криминализации // Прикладная юридическая психология. 2015. № 2. С. 24–39.

6. *Стрижов Е.Ю.* Нравственно-правовая надежность личности: психологическая модель и механизмы развития // Прикладная юридическая психология. 2009. № 4. С. 40–55.

УДК 159.9:355.23

ВЕГЕТАТИВНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ СПЕЦИАЛЬНОЙ РАБОТОСПОСОБНОСТИ СТРЕЛКОВ-ПИСТОЛЕТЧИКОВ

А.Л. Похачевский, С.М. Смолев, С.В. Строилов, А.В. Гурский

Реферат: *в результате исследования вегетативного гомеостаза организма стрелков-пистолетчиков в состоянии физиологического покоя и в период стресс-теста выявлены существенные адаптационные маркеры. Специальная работоспособность стрелков обуславливается показателями ортостатической симпато-парасимпатической активности, тогда как маркеры нагрузочной толерантности оказывают существенно меньшее влияние. Объективные показатели здоровья в целом не связаны со специальной работоспособностью, значение и связь с ней остаются исключительно за тем минимумом адаптационных маркеров, который играет существенную роль в данном виде специальной спортивной подготовки.*

Ключевые слова: *стрелки, пистолетчики, адаптационные резервы, физическая работоспособность.*

На 32-й сессии Всемирной ассамблеи здравоохранения в качестве активной оценки здоровья рассматривается мониторинг функциональных резервов организма. Их количественное определение включает в себя оценку состояния нейрогуморальной регуляции, отражающей адаптационный потенциал организма, а также изучение физической работоспособности как ин-

тегрального показателя, характеризующего реализацию адаптационных резервов [1].

Спортивная практика выдвигает принципиально новую задачу выяснения взаимообусловленности функционального состояния спортсмена и его физической работоспособности с успешностью выступления на соревнованиях [4].

С целью определения взаимосвязи вегетативного гомеостаза и физической работоспособности с соревновательной эффективностью нами была обследована группа спортсменов стрелков-пистолетчиков, проходящих спортивный сбор: 17 спортсменов (3 — мастера спорта, 14 — кандидатов в мастера спорта и перворядников) в возрасте 20 ± 3 лет. Количественная оценка нейрогуморальной регуляции осуществлялась посредством исследования вариабельности ритма сердца (ВРС) во время активной ортостатической пробы (АОП) на аппаратно-программных комплексах «Поли-Спектр» компании «НейроСофт».

Обследование проводилось в первой половине дня до начала тренировки (занятий). Регистрация и математический анализ показателей ВРС осуществлялись в соответствии с Международным стандартом (1996) по 5-минутным записям.

Максимальное велоэргометрическое тестирование выполнялось по индивидуальному протоколу. Мощность W_1 (Ватт) первой ступени длительностью три минуты рассчитывали исходя из величины должного основного обмена (ДОО) в килокалориях по формуле $W_1(Вт) = ДОО \times 0,1$ (ДОО определяется по таблице Гарриса-Бенедикта) [1]. В дальнейшем физическая нагрузка ступенчато возрастала каждую минуту на 30 Вт до индивидуального максимума — снижения скорости педалирования ниже 30 оборотов в минуту, определяющего конец нагрузки и начало восстановительного периода длительностью 7 минут.

Нагрузочные пробы проводили в первой половине дня с 8 до 12 часов на велоэргометре «e-Bike Ergometer» (диапазон нагрузки 20–999 Вт). В течение всего времени тестирования посредством кардиоанализатора «Поли-Спектр-12» записывали оцифрованную электрокардиограмму, из которой в дальнейшем выделяли последовательный ряд RR-интервалов — кардиограмму (КРГ).

Обработка [3] и линейное математическое моделирование КРГ нагрузочного и восстановительного перио-

дов осуществлялись в виде: $Y = aX + b$, где X — время нагрузки или восстановления в секундах, Y — длительность RR-интервала в секундах, «a» (N_n, N_v) и «b» (O_n, O_v) — параметры модели, характеризующие скорость изменчивости RR-интервалов в период нагрузки (N_n) и восстановления (N_v) и ее постоянные (по физиологической сути средние) составляющие: O_n и O_v — соответственно. Оптимизация моделей достигалась методом наименьших квадратов.

Результаты исследования обрабатывали с помощью статистического пакета Statistica 10.0. Поскольку распределение полученных значений отличалось от нормального, данные представляли в виде перцентильного (Пц) ряда (25–75), а для статистической обработки использовали непараметрические методы корреляции по Spearman (K_{Sp}).

Для решения вопроса о связи вегетативного гомеостаза и нагрузочной толерантности со специальной работоспособностью был проведен корреляционный анализ полученных данных с результатами тестов, имитирующих соответствующую соревновательную нагрузку, определяемых по количеству очков в зависимости от точности поражения мишеней (табл. 1).

Таблица 1

Результаты исследования стрелков-пистолетчиков

Проба	Активная клино-ортостатическая						Велоэргометрия				
	Клино- (мс2/Гц)				Орто-		восстановление		нагрузка		
Пц	TP	VLF	LF	HF	K30:15	LF/HF	N_n	O_n	N_v	O_v	$W(Вт)$
25	2452	706	418	1004	1,38	3,96	82,7	84,9	-63,9	174,1	210
50	2610	901	553	1132	1,59	7,55	91,5	87,3	-56,8	175,3	225
75	2829	1030	1015	1160	1,71	15,5	96,0	93,4	-51,3	181,1	270
K_{Sp}	0,6	-0,61	0,62	0,59	-0,05	-0,83	0,26	-0,28	-0,51	-0,27	0,18

Проведенный анализ выявил максимальную взаимосвязь соревновательной эффективности с симпарасимпатическим балансом ортостаза. При этом специальная работоспособность стрелков в большей степени определяется адаптационными характеристиками организма в состоянии условного физиологического покоя. Умеренная прямая связь с симпатической и парасимпатической активностью клиностаза сочетается с обратным гуморально-метаболическим влиянием, преломляясь максимальным сочетанием с вегетативным балансом ортостаза.

Анализ взаимосвязей с нагрузочной толерантностью выявил слабость взаимодействия соревновательной эффективности с частотой сердечных сокращений (ЧСС) нагрузочного и восстановительного периодов, значительно усиливающегося со скоростью изменения ЧСС нагрузки, а также отсутствие влияния максимальной мощности на нагрузки.

При этом соревновательная эффективность тем лучше, чем ниже средняя ЧСС обоих периодов стресс-теста и меньше скорость возрастания ЧСС в нагрузочный период. И если сама частота сердечных сокращений имеет лишь незначительное влияние, то скорость ее изменчивости — весьма существенный аргумент соревновательной эффективности.

Максимальный уровень нагрузочной мощности известен в кардиологии как предиктор выживаемости. Отсутствие влияния данного показателя на специальную работоспособность стрелков-пистолетчиков лишь подчеркивает особенность формируемой в их

организме функциональной системы, конечные цели которой не совпадают с расширением аэробно-анаэробной выносливости.

Существует обоснованное мнение, что предикторы работоспособности, в том числе специальной, могут быть определены исключительно в процессе нагрузочного (специального) тестирования [2]. В результате наших исследований, благодаря особенностям функциональной системы стрелков-пистолетчиков, доказана возможность прогнозирования их специальной работоспособности по одному из маркеров вегетативного гомеостаза в состоянии условного физиологического покоя. При этом симпарасимпатический баланс ортостаза является специфической чертой адаптации исследуемой группы, которая находит свое отражение и реализацию в процессе нагрузочного тестирования, обуславливая скорость изменения ЧСС. Иными словами, определение прогностических факторов той или иной работоспособности связано не только со специфичностью нагрузки, но и с решающим (или одним из таковых) адаптационным фактором доминирующей функциональной системы. Его реализация в любых условиях (в том числе тестовых и неспецифических) будет иметь прогностическую эффективность.

В заключение приведем ряд основных выводов.

1. Показатели специальной работоспособности стрелков-пистолетчиков определяются состоянием вегетативного гомеостаза организма в состоянии условного физиологического покоя и обуславливаются обратной взаимос-

вязью с симпато-парасимпатическим балансом ортостаза.

2. Существенное влияние на соревновательную эффективность скорости изменения нагрузочной ЧСС стресс-теста обуславливается реализацией решающего адаптационного фактора в нагрузочной толерантности.

3. Определение прогностических факторов специальной работоспособности связано выявлением решающего адаптационного фактора доминирующей функциональной системы. Его количественная реализация в любых условиях (в том числе неспецифических) будет иметь прогностическую эффективность.

Список литературы

1. *Михайлов В.М.* Нагрузочное тестирование под контролем ЭКГ: велоэргометрия, тредмилл-тест, степ-тест, ходьба. Иваново : Талка, 2008. 548 с.
2. *Павлов С.Е., Павлова Т.Н.* Технология подготовки спортсменов. Щелково : Издатель Мархотин П.Ю., 2011. 344 с.
3. *Похачевский А.Л.* Вегетативный контроль сердечного ритма в динамике нагрузочной толерантности // Вестник восстановительной медицины. 2013. № 1. С. 38–43.
4. *Сабирова И.А.* Изучение критериев комплексного контроля стрелков-пистолетчиков // Учен. зап. ун-та имени П.Ф. Лесгафта. 2010. № 5 (63). С. 93–97.

EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief:

D. V. Sochivko, doctor of psychological sciences, professor, Ryazan.

Deputy editor:

T. N. Savchenko, PhD in psychology, associate professor, Moscow.

Deputy editor:

I. V. Blinnikova, PhD in psychology, associate professor, Moscow.

Deputy editor:

E. N. Bogdanov, doctor of psychological sciences, professor, Moscow.

Executive secretary:

Ye. A. Schelkushkina, PhD in psychology, Ryazan.

Associate editors:

I. A. Alekhin, doctor of pedagogical sciences, professor, Moscow.

S. K. Bondyreva, academician of Russian Academy of education, doctor of psychological sciences, professor, Moscow.

A. L. Zhuravlev, corresponding member of the Russian Academy of Sciences, doctor of psychological sciences, professor, Moscow.

A. V. Datiy, doctor of medical sciences, Ryazan.

M. G. Debolsky, PhD in psychology, associate professor, Moscow.

A. A. Krymov, doctor in law, associate professor, Ryazan.

I. D. Lelchitsky, doctor of pedagogical sciences, professor, Moscow.

S. N. Maksimov, doctor in law, associate professor, Moscow.

M. I. Maryin, doctor of psychological sciences, professor, Moscow.

A. V. Molostvov, PhD in psychology, Lipetsk.

N. N. Nechaev, academician of the Russian Academy of education, doctor of psychological sciences, professor, Moscow.

A. N. Pastushenya, doctor of psychological sciences, professor, Republic of Belarus.

A. V. Pishchelko, doctor of pedagogical sciences, professor, Moscow.

V. M. Pozdniakov, doctor of psychological sciences, professor, Moscow.

N. A. Polyinin, PhD in psychology, Ryazan.

V. J. Rybnikov, doctor of medical sciences, doctor of psychological sciences, professor, St. Petersburg.

TABLE OF CONTENTS AND ABSTRACTS

METHODOLOGY AND THEORY OF LEGAL PSYCHOLOGY

PSYCHOLOGICAL ASPECTS OF PATRIOTISM

A. V. Yurevich

Abstract: according to the author's opinion, patriotism with all its ideological loading and abundance of related with it everyday associations should be the subject of scientific study acute shortage of which is felt in present days. Psychological aspect of the problem is obvious. The author shows that patriotism is a multi-component notion and phenomenon with 1) sense of love for Motherland; 2) readiness to sacrifice personal interests to public ones; 3) appropriate behavior; 4) identification with own country, its history and people being the main components of its core. Meanwhile the respective components of patriotism are ambiguous and are in complex relations with each other thus complicating the understanding of patriotism and its application to different situations that are analyzed in the article. The results of empiric researches of patriotism that clear up the definition and demonstrate important qualities and specific character of Russian patriotism and make it possible to formulate a number of its regularities are presented as well.

Key words: patriotism, main components, love for Motherland, behavior, personal and public interests, altruism, identification, empirical research, regularities.

REFERENCES

1. Dvadtsat' let reform glazami rossiyan (opyt mnogoletnikh sotsiologicheskikh zamerov) [Twenty years of reforms in eyes of Russians] / pod red. [ed.] *M. K. Gorshkova*. M., 2011.

2. *Zverev V. O., Morozov A. A.* Patriotizm kak npravstvennaya tsennost' v politike Rossii i sotsial'nykh kontseptsiyakh religioznykh ob"edinenij [Patriotism as moral value in Russian's policy and social concepts of religious organisations] // *Psikhopedagogika v pravookhranitel'nykh organakh* [Psychopedagogy in law enforcement agencies]. 2015. № 1. pp. 67–70.

3. *Karamzin N. M.* Istoriya gosudarstva rossijskogo [History of Russian State]. V. Y, YI. M., 1993.

4. *Kol'tsova V. A., Sosnin V. A.* Sotsial'no-psikhologicheskie problemy patriotizma i osobennosti ego vospitaniya v sovremennom rossijskom obshhestve [Socio-psychological problems of patriotism and peculiarities of its forming in modern Russian society] // *Psikhologicheskij zhurnal* [Psychological journal]. 2005. T. 26. № 4. pp. 89–97.

5. *Mytil' A. V., Dudchenko O. N., Inozemtseva V. E.* Komu i zachem nuzhna professional'naya psikhologicheskaya pomoshh'? [To whom and why professional psychological assistance is necessary?]. M., 2013.

6. *Natsional'naya ideya Rossii* [National idea of Russia]. M., 2012. V. I, II.

7. Obshhaya psikhologiya : ehntsikl.slovar' [General psychology: encyclopedic dict.] / pod red. [ed.] A. V. Petrovskogo . M., 2005.
8. Bavin P. Kto takoj patriot? [Who is a patriot?] // Sotsial'naya real'nost' [Social reality]. 2007. № 6. p. 65.
9. Patriotizm [Patriotism] // Vikipediya [Wikipedia]. [2002–2014]. Data obnoveniya: 29.05.2014. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Patriotizm> (data obrashheniya: 29.05.2014).
10. Patriotizm kak faktor ehffektivnogo razvitiya rossijskoj gosudarstvennosti [Patriotism as a factor of effective development of Russian nationality] / pod red. [ed.] I. V. Bocharnikova. M., 2015.
11. Patriotizm sovremennoj rossijskoj molodezhi: kontseptual'nye osnovaniya i tekhnologii vospitaniya [Patriotism of modern Russian youth: conceptual grounds and technology of forming]. M., 2013.
12. Podmena ponyatij: patriotizm v Rossii [Substitution of notions: patriotism in Russia] // Ofitsial'nyj sajt ana-liticheskogo tsentra YU. Levady «Levada-tsentr» [Official site of Yu. Levada analytical centre "Levada-centre"]. [2013–2014]. URL: <http://www.levada.ru/27-05-2014/podmena-ponyatii-patriotizm-v-rossii> (data obrashheniya: 29.05.2014).
13. Poslanie Prezidenta Dmitriya Medvedeva Federal'nomu sobraniyu Rossijskoj Federatsii [Message of the President Dmitry Medvedev to Federal assembly of RF] // Ros. Gaz [Russian newspaper]. 2008. 6 noyab [6 November].
14. Rossiya — novaya sotsial'naya real'nost'. Bogatye. Bednye. Srednij klass [Russia - new social reality. The reach. The poor. The middle class] / pod red. [eds.] M. K. Gorshkova, N. E. Tikhonovoj. M., 2004.
15. Rukavishnikov V. O., KHalman L., EHster P. Politicheskie kul'tury i sotsial'nye izmeneniya. Mezhdunarodnye sravneniya [Political cultures and social changes. International comparison]. M., 1998.
16. Sikevich Z. V. Natsional'noe samosoznanie russkikh [National self-consciousness of Russians]. M., 1996.
17. Simonyan R. KH. Rossijskie ehkonomicheskie reformy 1990-kh godov: psikhologicheskie aspekty [Russian economic reforms of 1990-th: psychological aspects] // Psikhologicheskij zhurnal [Psychological journal]. 2013. T. 34. № 3. pp. 60–71.
18. Toshhenko ZH. T. Fantomy rossijskogo obshhestva [Phantoms of Russian society]. M., 2015.
19. TSipko A. S. Razmyshleniya o prirode i prichinakh krakha postsovetskogo liberalizma [Reflection on nature and reasons of post-soviet liberalism crash] // Vestnik analitikov [Bulletin of analysts]. 2004. № 3 (17). pp. 4–24.
20. CHto znachit «byt' patriotom»? [What does it mean "to be patriot?"] // Ofitsial'nyj sajt Vserossijskogo tsentra izucheniya obshhestvennogo mneniya [Official site of All-Russian centre for public opinion study]. [2000–2014]. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=114857> (data obrashheniya: 29.05.2014).
21. Field D. Kavelin and Russian liberalism // The Slavic review. 1973. Vol. 32. №1.
22. Lampert E. Sons against fathers: studies in Russian radicalism and revolution. Oxford, 1965.

PSYCHOLOGY AS A RESOURCE FOR PATRIOTISM'S FORMING IN STUDENTS OF MILITARY SCHOOLS AND UNIVERSITIES

I. I. Kuptsov, G. I. Aksenova, M. M. Aipova

Abstract: the authors suggest the conception of consolidation of the Russian people in which all nationalities and people have its value; Russian literature plus history of Russia and its people, folklore, Orthodoxy, Islam, Judaism, Buddhism along with native and Russian languages will be the backbone of paradigm for Native Land revival: spirituality- nationality-patriotism. Analyzing specificity and peculiarities of the process of moral-spiritual development of students of universities of the Federal Penitentiary Service of Russia the authors defined in its structure the following components: cognitive-gnostic, emotional-communicative, value-meaning and motivational-active. Students with different levels of moral-spiritual development have been characterized: with high level (7%); sufficient level (55%); insufficient level (35%); low level (3%).

The authors have suggested the following actions for conception's realization:

- to cancel the system of Unified State Exam (USE) and conduct entrance examinations on chief subjects with obligatory essay on literature in all universities;
- to create a special body under the Public Chamber to control the content of broadcasting programs;
- to introduce new programs based on accumulated earlier domestic experience for all humanitarian subjects (special attention should be paid to programs on native and Russian languages and Russian literature);
- to develop programs on psychological-and-pedagogical education for parents and introduce them into practice by means of central and local television and radio.

Key words: spiritual-moral development, patriotism, spiritual-moral qualities, program of spiritual-moral development, spirituality, nationality, Russian literature and history, components of spiritual-moral development, psychology as a science.

REFERENCES

1. *Aksenova G. I., Ismagilova Yu. S.* Problema duhovno-nravstvennogo razvitiya kursantov vuzov FSIN Rossii [The problem of spiritual-moral development of students of universities of the Federal Penitentiary Service of Russia]// *Prikladnaya yuridicheskaya psihologiya* [Applied legal psychology]. 2010. N. 1. pp. 21–32.
2. *Berdyayev N. A.* Russkaya i polskaya dusha. Sudba Rossii. [Russian and Polish soul. The destiny of Russia] M.: Izd-vo Mosk. gos. un-ta [Publ. MSU], 1990. — 240 p.
3. Ivan — Krestyanskiy syin: rus.narod. [Ivan — the peasant's son: Russian folktales]. Ser. Shkolnaya biblioteka [Ser. School library]. 2-e izd. M. : Det. lit., 1975. — 128 p.
4. *Ismagilova Yu.S., Aksenova G. I.* Psihologicheskaya model formirovaniya duhovno-nravstvennykh kachestv kursantov vuzov FSIN Rossii [Psychological model of forming of spiritual-moral qualities in students of universities of the Federal Penitentiary Service of Russia]: monografiya. Ryazan [monograph, Ryazan]: Akademiya FSIN Rossii, 2011. — 170 p.

5. *Mitropolit Ioann*. Samoderzhavie duha. Ocherki russkogo samosoznaniya [Autocracy of spirit. Essays in Russian self-consciousness]. Saratov : Nadezhda, 1995. 333 p.
6. *Tolstoy L. N.* Voyna i mir : v 2 kn. [War and peace: in 2 books] M. : Pravda, 1972. Kn. 2. T. 3–4. [Book 2. V.3-4].
7. *Ushinskiy K. D.* O npravstvennom elemente v russkom vospitanii [On moral element in Russian upbringing] // Zhurnal ministerstva narodnogo prosvescheniya [Journal of the Ministry of national education]. 1860. N. XI. S. 425.
8. *Ushinskiy K. D.* Rodnoe slovo [Native word // Sobr. soch.: v 11 t. [Collected works in 11 v.] M. ; L., 1948. V.2. pp. 554–574.

VALUE BASIS OF PROFESSIONAL EDUCATION OF PSYCHOLOGISTS

I. P. Krasnoshechenko

Abstract: the article analyzes the problem of value basis of professional education of psychologists. The aim of the article is a theoretical justification of values of professional education of psychologists. The author shows that the values are an interdisciplinary subject of scientific researches. Values are understood as a social and historical significance to the community and personal meaning of certain occurrences in reality for individuals. The article describes the forms of existence of values — social values and personal values. The social values are social ideals and their objects' realization in the actions of people. The personal values are motivational structures of personality that define his behavior and actions. The personal values (value orientation) ensure the connection of person's inner world with the life of society and certain social groups. The personal values are the result of interiorization of social values in the process of inclusion of a person together with the group in the practical implementation of a specific value.

Professional values are defined as the positive or negative meaning of the objects or phenomena of the world to a person in the context of his professional activity. It is emphasized that professional values become regulators of professional activities and relationships with colleagues, clients, etc. Professional formation of the person is a holistic process which unfolds in time and educational space, with professional values being its main component. Person's professional values are formed in educational-professional community as the result of internalization of professional values of the educational system. We justify the system of professional values of the professional education of psychologists. This system includes common humanistic and specific professional values, which can be differentiate into professional-missionary, professional- instrumental and professional status values.

Practical importance of the article is determined by the significance of professional values as a basic foundation for realization of educational standards of higher professional education. The author also pays attention to the threat, which is the

result of propaganda and large-scale spreading in youth environment of pragmatic values, values of fun, permissiveness, irresponsibility, and individualism that are broadcasted by the media and the Internet and lead to the destruction of value grounds in professional psychological community and society in whole.

Key words: value, value orientation, social and personal values, common humanistic values, professional values, values of professional missionaries, values of professional tools and values of professional status, professional development, personal development, the subject of professional activity, educational community.

REFERENCES

1. *Avramenko N. N.* Professional'naja napravlennost' i kar'ernye orientacii budushih psihologov [Professional orientation and career orientation of future psychologists]. *Prikladnaja juridicheskaja psihologija* [Applied legal psychology]. 2015, № 2. P.134–141.
2. *Bujakas T. M.* Osnovaniya i uslovija professional'nogo stanovlenija studentov-psihologov [Grounds and conditions of professional formation of psychology student]. *Vestnik MGU. Serija 14. Psihologija*, 2005. № 2. P. 7–17.
3. *Bogdanov E. N., Ivanov G. P., Shishkina E. A.* K voprosu o dinamike cennostnyh orientacij molodjzhi v sisteme vysshego obrazovanija [To a question about the dynamics of the value orientations of young people in higher education]. *Prikladnaja juridicheskaja psihologija*. [Applied legal psychology]. 2011. № 1. P. 73–78.
4. *Bratus' B. S.* Psihologija. Nравstvennost'. Kul'tura. [Psychology. Moral. Culture.] M.: Menedzher; Rospedagenstvo, 1994.
5. *Derkach A. A.* Metodologicheskie i prikladnye problemy obuchenija studentov-psihologov [methodological and applied problems of learning psychology students] // *Akmeologija*. 2014. № 1 (49). P. 6–15.
6. *Kagan M. S.* Filosofskaja teorija cennosti. [Philosophical theory of value] SPb, 1997. — 284 p.
7. *Kaprava, Dzh., Sevron, D.* Psihologija lichnosti. [Personality Psychology]. SPb.: Piter, 2003.
8. *Karpushina L. V., Kapcov A. V.* Mnogomernaja model' cennostno-orientacionnoj struktury lichnosti [Multidimensional model of value-orientation of personality structure]. *Izvestija Samarskogo nauchnogo centra RAN.*— Samara: Izd-vo SNC RAN, 2003. — P. 93–101.
9. *Krasnoshhechenko I. P.* Akmeologicheskaja koncepcija stanovlenija i razvitija professional'noj sub#ektnosti budushih psihologov. [Akmeologicheskyy concept of formation and development of professional subjectivity future psychologists] Author. diss. Doctor. psychol. Sciences. — M, 2012.
10. *Leont'ev A. N.* Problemy razvitija psihiki. [Problems of development of the psyche] M.: MGU, 1981.
11. *Leont'ev D. A.* Ocherk psihologii lichnosti. [Psychology of Personality] — M.: Smysl, 1993.
12. *Mironova M. N.* O «novoj» kul'ture: dejstvitel'no li ona neobhodima dlja organizacii zhizni molodezhi? [On the "new" culture: is it really necessary for the organiza-

tion of young people's lives?) / [Electronic resource]. <http://pchelki.org.ru/index.php/articles/73-2014-07-18-11-04-55>

13. *Muhametdzjanova F. G., Aksenova G. I.* Fenomen sub#ektnosti studenta i kur-santa: sovremennyj vzgljad na problemu. [The phenomenon of subjectivity of students and cadets: a modern view on the problem] . Prikladnaja juridicheskaja psihologija [Applied legal psychology] 2015, № 1. P.10-20.

14. Psihologicheskij slovar' [Psychological Dictionary]. Pod obshh. red. A. V. Petrovskogo, M. G. Jaroshevskogo. — M., 1990.

15. Rossijskij jenciklopedicheskij slovar'. [Russian Encyclopedic Dictionary] — M.: Bol'shaja rossijskaja jenciklopedija, 2000. V 2-h knigah. T. 2.

16. *Slastenin V. A.* Aksiologicheskie osnovanija obshhego i prof. obrazovanija [Ak-siologicheskij osnovanija obshhego i prof. obrazovanija] // Quality of life: the problem of the system of scientific study. International Conference. Proceedings of the international scientific-practical conference on 20-22 March 2000. — Lipeck: LGPU, 2000. — P. 15-25.

17. *Slobodchikov V. I., Isaev E. I.* Antropologicheskij princip v psihologii razvitija An-thropological principle in developmental psychology. Voprosy psihologii [Questions of psychology]. — 1998. — № 8. — P. 3-17.

18. *Slobodchikov V. I.* Duhovnye problemy cheloveka v sovremennom mire [The spiritual problem of man in the modern world]. Pedagogika [Pedagogy], 2008. № 9. — P. 33-39.

19. *Temnova L. V.* Lichnostno-professional'noe razvitie psihologa v sisteme vysshe-go obrazovanija [Personal and professional development of psychology in the system of higher education] — M.: MOSU — MPGU, 2000.

20. *Fromm, Je.* Imet' ili byt'? [To Have or to Be?] — Minsk: Harvest, 2014.

21. *Fel'dshtejn, D. I.* Chelovek v sovremennom mire: tendencii i potencial'nye voz-mozhnosti razvitija. [The man in the modern world: trends and development poten-tial] — M.: MPSI — Voronezh: MODJeK, 2008. — 16 p.

APPLIED AND EXPERIMENTAL RESEARCHES

SOCIO-PSYCHOLOGICAL PECULIARITIES OF THE ACCUSED AND JUVENILE RAPE VICTIMS

A. I. Ivanov, Z. M. Fatkutdinov

Abstract: rapes of juveniles are the most dangerous type of crimes against sexual inviolability and person's sexual freedom. They are characterized by the high level of latency, are made with special cynicism against victims. In many cases such crimes present the series of encroachments upon one child which can last for several months or years. It causes the necessity of improvement of means and methods of investi-

gation, development of new tactical holds. Data on social and psychological features of the criminals and the victims have essential value for disclosure and investigation of juvenile rapes. The knowledge of these features facilitates faster identification of the accused and victimological prevention of the same crimes. Examination of judicial and investigative practice shows that the majority of juvenile's rapes are made by one person with the low level of intellectual development under alcohol intoxication. Group crimes of this type are committed by under-age criminals as a rule. The rapist, quite often, has the various mental disorders which does not exclude sanity.

Preparatory actions of the perpetrator (the victim's choice, observation of places of children's congestion etc.) are essential features of juvenile's rapes. Various classifications of criminals that have been developed by famous scientists-criminologists are given in the work. The typical victims of such crimes are girls of 11–13 years who are acquaintances or relatives of a guilty person and do not provoke rape by their own immoral behavior. Carelessness of parents or other relatives of the victim who have left the child alone with the criminal provokes the commission of rape.

Key words: rape of juvenile, criminal's personality, the victim's personality, mental disorders, classification of rapists, investigation of crimes, judicial and investigative practice, means and methods of investigation of crimes, criminalistic characteristic of crimes, scientist-lawyer.

REFERENCES

1. *Antonyan Yu. M., Golubev V. P., Kudryakov Yu. N.* Iznasilovaniya: prichiny i preduprezhdenie [Rapes: reasons and prevention]. M.: VNII MVD SSSR, 1990. 192 p.
2. *Enikolopov S. N.* Aktual'nye problemy issledovaniya agressivnogo povedeniya [Actual problems of research of aggressive behavior] // *Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya* [Applied legal psychology]. 2010. № 2. Pp. 37–47.
3. *Kanchurina A. A.* Sotsial'no-psikhologicheskie aspekty soversheniya nasilstvennykh prestuplenij protiv blizkikh rodstvennikov [Social and psychological aspects of commission of violent crimes against close relatives] // *Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya* [Applied legal psychology]. 2013. № 1. pp. 88–99
4. *Kriminologiya* : ucheb. dlya vuzov / pod obshh. red. A. I. Dolgovej. 3-e izd., pererab. i dop. M. : Norma, 2005. 912 s. [Criminology: The textbook for higher education institutions/Under ed. S.D. (law), professor A. I. Dolgova. — the 3rd edition processed and added. — M.: Norm, 2005. Pages 124]
5. *Minkin A. V.* Prezidenty RU: ucheb. istorii. M.: Astrel', 2012. 654 s. [Presidents RU / Alexander Minkin. — M.: Astrel, 2012. Pages 598.]
6. *Pastushenya A. N.* Psikhologicheskij mekhanizm prestupnogo povedeniya: sistemo-funktsional'nyj analiz [Psychological mechanism of criminal behavior: systemic-functional analysis]// *Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya* [Applied legal psychology]. 2011. № 1. pp. 27–38.
7. *Reutskaya I. E.* Psikhologicheskie osobennosti lichnosti roditelej i nesovershenoletnikh iz neblagopoluchnykh semej [Psychological features of the identity of parents and minors from dysfunctional families] // *Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya* [Applied legal psychology]. 2011. № 3. pp. 85–93.

8. *Safuanov F. S., Vask V. V.* Psikhologicheskij analiz motivatsii prestupnykh dejstvij nesovershennoletnikh pravonarushitelej pri sovershenii gruppovykh i individual'nykh deliktov [Psychological analysis of motivation of criminal acts of minor offenders at commission of group and individual delicts] // *Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya [Applied legal psychology]*. 2010. № 2. pp. 123–135.

9. *Serijnye seksual'nye prestupleniya* : ucheb. posobie / pod red. Yu. M. Antonyana. M. : SHHit i Mech, 2000. 238 p. [Serial sexual crimes. / Ed. Yu.M. Antonyan's edition, — Moscow: Board and Sword publishing house, 2000. — Pages 212]

10. *Starkov O. V.* Preduprezhdenie prestuplenij : ucheb. posobie. M. : Yurist", 2005. 284 s. [Prevention of crimes: Manual. — M.: Юрист", 2005. Pages 231.]

11. *Shikhantsov G. G.* YUridicheskaya psikhologiya [Legal psychology]. M. : ZERTSALO-M, 2006. 272 p.

12. Arkhiv Verkhovnogo suda Respubliki Marij EHI za 2000 g. Ugolovnoe delo № 2-8. [Archive of the Supreme Court of the Republic of Mari El for 2000. Criminal case No. 2-8.]

13. Arkhiv Verkhovnogo suda Respubliki Tatarstan za 1997 g. Ugolovnoe delo № 2-229. [Archive of the Supreme Court of the Republic of Tatarstan for 1997. Criminal case No. 2-229]

14. Arkhiv Verkhovnogo suda Respubliki Tatarstan za 1999 g. Ugolovnoe delo № 2-17. [Archive of the Supreme Court of the Republic of Tatarstan for 1999. Criminal case No. 2-17]

15. Arkhiv Verkhovnogo suda Chuvashskoj Respubliki za 2001 g. Ugolovnoe delo № 2-45. [Archive of the Supreme Court of the Chuvash Republic for 2001. Criminal case No. 2-45]

16. Arkhiv Verkhovnogo suda Chuvashskoj Respubliki za 2002 g. Ugolovnoe delo № 2-67. [Archive of the Supreme Court of the Chuvash Republic for 2002. Criminal case No. 2-67.]

17. Materialy arkhivnykh ugolovnykh del verkhovnykh sudov Respubliki Tatarstan, Respubliki Marij-EHI i CHuvashskoj Respubliki. [Materials of archival criminal cases of the Supreme Courts of the Republic of Tatarstan, Republic of Mari El and Chuvash Republic]

PSYCHOLOGICAL PREDICTORS OF “RECIDIVISM INTERVAL”

V. G. Bulygina, A. A. Dubinsky, M. Yu. Belyakova, N. E. Lysenko

Abstract: the results of research of psychological predictors of «interval of recidivism» (the interval between the completion of compulsory treatment and recommitting of offence) are presented in the article. 763 persons suffering from various mental diseases participated in the research. Clinical and social data, the results of experimental pathopsychological research were analyzed. The following methods

were used: "Styles of self-regulation of behavior" questionnaire; G. Grasmika's techniques for Self-control learning in adaptation of V.G. Bulygina, A. M. Abdrazakova; questionnaire of A. Buss and M. Perry in adaptation of S.N. Enikolopov, N.P. Cybulski; the COPE questionnaire; N. Hall's emotional intelligence scale and method for social apperception study.

Psychological predictors that increase the social danger of persons with mental disorders, in cases of recurrence of social dangerous acts in the period less than one year after the completion of compulsory treatment were discussed. The psychological predictors include low level of self-regulation, the inability to plan own activity, disconnectedness of stages of self-regulation and low level of self-control, difficulties in establishing of logical connections and understanding the meaning of the situation with its specifics in interpretation, the inability to differentiate emotions' modalities in communication with producing of a large number of socially undesirable scenarios. In addition, this category of patients had the following clinical and social traits: alcohol dependence, low educational level, emotional instability, violent-aggressive focus on crimes based on person's negative psychopathological mechanisms.

Key words: interval of recidivism; psychological predictors; social dangerous acts; compulsory treatment; self-regulation; self-control; criminal recidivism; mental disorders; prevention of social dangerous acts; predictive models; recurrence; prediction.

REFERENCES

1. *Beljakova M. Yu., Bulygina V. G.* Issledovanie kognitivnykh podprotsessov samoregulyatsii sudebno-psihiatricheskikh patsientov s ispol'zovaniem novoj metodiki izucheniya sotsial'noj appertseptsi [Study of cognitive sub processes of self-regulation of forensic psychiatric patients using a new method of studying social apperception]. *Psichicheskoe zdorov'e— Mental health*, 2012, no. 11, pp. 56–60.

2. *Bulygina V. G.* Psihologicheskie aspekty sudebno-psihiatrichesko profilaktiki [Psychological aspects of forensic-psychiatric prevention]. Moscow: Federal State Budgetary Institution "V. Serbsky Federal Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology" of the Ministry of Health of the Russian Federation Publ., 2015. 297 p.

3. *Bulygina V. G.* Psikhologicheskaya kontseptsiya profilaktiki obshhestvenno opasnykh deystvij lits s tyazhelymi psikhicheskimi rasstrojstvami. Diss. doct. psychol. nauk [Psychological concept of prevention of socially dangerous acts of persons with severe mental disorders. Dr. psych. sci. diss.]. Moscow, 2015. 393 p.

4. *Bulygina, V. G., Abdrazakova, A. M., Kovalenko, I. V.* Metodika otsenki samokontrolya u nesovershennoletnikh [Method for assessment of self-control among juveniles]. Moscow: Federal State Budgetary Institution "V. Serbsky Federal Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology" of the Ministry of Health of the Russian Federation Publ., 2010. 22 p.

5. *Enikolopov, S. N., Cibul'skij, N. P.* Psikhometricheskij analiz russkoyazychnoj versii oprosnika diagnostiki agressii A. Bassa i M. Perri [Psychometric analysis of Russian-language version of the questionnaire diagnostics of aggression A. Buss and M. Perry]. *Psichologicheskij zhurnal — Psychological journal*, 2007, no. 28, pp. 115–124.

6. *Kazakovcev, B. A.* O psihiatricheskoj reforme [On psychiatric reform]. Rossijskij psihiatricheskij zhurnal – Russian journal of psychiatry, 2005, no. 1, pp. 57–59.

7. *Kazakovcev, B. A., Makushkina, O. A., Mal'ceva, M. M.* Sudebno-psihiatricheskaja profilaktika v Rossijskoj Federacii: analiticheskij obzor [Forensic psychiatric prevention in the Russian Federation: an analytical review]. Moscow: Federal State Budgetary Institution "V. Serbsky Federal Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology" of the Ministry of Health of the Russian Federation Publ., 2012. 356 p.

8. *Kotov, V. P., Mal'ceva, M. M.* Potentsial'naya obshhestvennaya opasnost' psikhicheski bol'nykh, ee znachenie i printsipy adekvatnoj diagnostiki [Potential social danger of the mentally ill, its significance and principles of adequate diagnostics]. Rossijskij psihiatricheskij zhurnal – Russian journal of psychiatry, 2006, no.2, pp. 10–14.

9. *Makushkina, O. A., Golland, V. B., Jahimovich, L. A.* Znachenie mer meditsinsko-gokharaktera v sisteme profilaktiki obshhestvenno opasnykh dejstvij psikhicheski bol'nykh [The Importance of medical measures in the system of prevention of social dangerous acts among mentally ill patients] // Rossijskij psihiatricheskij zhurnal – Russian journal of psychiatry, 2013, no. 4, pp. 20–26.

10. *Makushkina, O. A., Kotov, V. P., Mal'ceva, M. M.* Sistema profilaktiki obshhestvennoj opasnosti psikhicheski bol'nykh v Rossii v 2006–2013 gg. (dinamika pokazatelej i analiz ehffektivnosti) : analit. obzor [Prevention of social danger of the mentally ill in Russia in 2006–2013 (dynamics and analysis of effectiveness): an analytical review]. Moscow: Federal State Budgetary Institution "V. Serbsky Federal Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology" of the Ministry of Health of the Russian Federation Publ., 2015. 192 p.

11. *Morosanova, V. I., Sokolova, L. A.* Oprosnij metod dlya diagnostiki osoznannogo urovnya samoregulirovaniya deyatel'nosti [A survey method for the diagnosis level of conscious self-regulation activities]. *Novye issledovaniya v psihologii i vozrastnoj fiziologii* – New researches in psychology and physiology, 1989, no. 2, pp. 14–18.

12. *Rybnikov, V. Ju., Bulygina, V. G.* Diagnosticheskie vozmozhnosti teoreticheskogo konstrukta «samokontrol'» [Diagnostic features of the theoretical construct of "self-control"]. Rossijskij psihiatricheskij zhurnal – Russian journal of psychiatry, 2015, no. 1, pp. 11–16.

13. *Rybnikov V. Yu., Bulygina V. G.* Psikhologicheskaya profilaktika obshhestvenno opasnykh dejstvij psikhicheski bol'nykh [Psychological prevention of socially dangerous actions of the mentally ill]. Moscow: Sprinter Publ., 2015. 285 p.

14. *Carver, C. S., Scheier, M. F., Weintraub, J. K.* Assessing coping strategies: A theoretically based approach. *Journal of Personality and Social Psychology*, 1989, no. 56, pp. 267–283.

15. *Schutte, N. S., Malouff, J. M., Hall, L. E.* Development and validation of a measure of emotional intelligence. *Personality and Individual Differences*, 1998, no. 25, pp. 167–177.

SOCIAL AND PSYCHOLOGICAL ATTITUDES AND VALUES IN THE CONTEXT OF LAWYERS' PROFESSIONAL DEVELOPMENT

T. S. Pukhareva

Abstract: this article is devoted to theoretical and empirical research of the social and psychological attitudes and value's orientations of lawyers. In theoretical justification of the article a brief overview of the domestic and foreign literature on the problem of social and psychological attitudes and value's of a person, the role of the social and psychological attitudes and value's orientations in professional development of a lawyer is presented. Social and psychological attitudes is understood as phenomenon that reflects the inner position of the individual in relation to the objects of the world and directed towards its needs. Value orientations are considered as essential components of personality structure, general function of which is to regulate the behavior, organize activities and life of a person in general. It is stated that meaningful for a person values act as certain incentives of professional activity and specify a vector for professional development and self-realization.

The results of empirical research, which involves lawyers aged 23 to 38 years, of which 46.2 % are men and 53.8 % – women are presented. Diagnostic tools of research were «Methods for diagnostics of socio- psychological attitudes of persons in the need-motivational sphere» (O.F. Potemkina) and «Diagnosis of the real structure of personality value orientations» (S.S. Bubnova). Average indicators of socio-psychological attitudes and value orientations of respondents are given, the results of comparative analysis of the received data of men and women are presented, relationships between socio-psychological attitudes and value orientations of respondents have been revealed by means of mathematical statistics.

As a result of the conducted empirical research it is established that lawyers' behavior is aimed at increasing of financial reward, new knowledge and self-development, maintaining good physical and mental health and at implementation of such social values in its relations as recognition and respect of others as well. Significant differences in focus on results, process, freedom, selfishness and, communication between men and women are revealed. Multi-dimensional relations between socio-psychological attitudes and value orientations in the structure of lawyer's personality have been shown. Conclusion on prospects in research of specificity of lawyers' value-meaning sphere and its correlation with professional success and professional self-realization has been drawn.

Key words: socio-psychological phenomenon, social and psychological attitudes, value, value's orientations, orientation of the person, the profession of a lawyer, professional activity, professional development, self-realization, a personality of a lawyer.

REFERENCES

1. *Abakoumova I. V., Kadiakina N. M.* Samoreguljacija kak sostavljajushhaja professional'noj sfery lichnosti jurista [Self-regulation as a component of the professional field of the lawyer's]. Severo-Kavkazskij psihologicheskij vestnik – North-

Caucasian Psychological Bulletin, 2009, vol. 7, no.1, pp.19–25.

2. *Alekseev V. E.* Social'no-psihologicheskie osobennosti professional'noj ustanovki i lichnostnyh kachestv sotrudnikov federal'noj nalogovoj sluzhby. Diss. ... kand. psihol. nauk [Social and psychological peculiarities of professional equipment and personal qualities of employees of the Federal Tax Service. Cand. Ps. Sc.], Samara, 2007. 180 p.

3. *Belinskaja E. P., Tihomandrickaja O. A.* Social'naja psihologija lichnosti [Textbook for High Schools]. Moscow, Publishing House «The Aspect Press», 2001. 301 p.

4. *Bubnova S. S.* Cennostnye orientacii lichnosti kak mnogomernaja nelinejnaja sistema [Valuable orientations of the person as a multidimensional nonlinear system]. Psihologicheskij zhurnal — Psychological Journal, 1999, no. 5, pp. 38–44.

5. *Bubnova S. S.* Metodika diagnostiki individual'noj struktury cennostnyh orientacij lichnosti. Metody psihologicheskoy diagnostiki [Methods of diagnosing an individual structure of value orientations of the person. Methods of psychological diagnosis]. Moscow, IP RAS Publ., 1994, pp. 144–157.

6. *Gavrina E. E.* Social'no-psihologicheskie determinanty, okazyvajushhie vlijanie na formirovanie dolzhnostnoj pozicii sotrudnikov ugolovno-ispolnitel'noj sistemy [Socio-psychological determinants influencing the formation of job positions of the penal system's employees]. Prikladnaja juridicheskaja psihologija — Applied Law Psychology, 2014, no. 4, pp. 27–39.

7. *Prjahina M. V.* Social'no-psihologicheskie ustanovki v professional'noj dejatel'nosti sotrudnikov organov vnutrennih del. Diss. ... kand. psihol. nauk [Socio-psychological attitudes in professional activity of IADs personnel. Cand. Ps. Sc.], St. Peterburg, 2000. 250 p.

8. *Puckareva T. S.* Doverie k sebe i k drugim u studentov juridicheskogo fakul'teta v processe professional'nogo obuchenija [Self-confidence and confidence in others among students of the faculty of law during professional education]. Rossijskij psihologicheskij zhurnal — Russian psychological journal, 2011, vol. 8, no. 2, pp. 71–76.

9. *Puckareva T. S.* Osobennosti samorazvitiya juristov s raznym urovnem doverija k sebe [Peculiarities of self-development of lawyers with different levels of trust to themselves]. Prikladnaja juridicheskaja psihologija — Applied Law Psychology, 2015, no. 2, pp. 203–208.

10. *Rajgorodskij D. Ja.* Prakticheskaja psihodiagnostika. Metodiki i testy [textbook]. Samara, Publishing House «Bachrach-M», 2002. 672 p.

11. *Rokich M.* Priroda chelovecheskih cennostej [The nature of human values]. Svobodnaja pressa — Free Press, 1973, no. 5, pp. 20–28.

12. *Solov'eva G. V.* Psihologicheskie osobennosti smyslovoj samoreguljaccii juristov — sotrudnikov notarial'nyh kontor. Avtoref. diss. ... kand. psihol. nauk [Psychological peculiarities of semantic self-regulation of lawyers — notaries employees. Abstract. Cand. Ps. Sc.]. Rostov-on-Don, 2007. 23 p.

13. *Sosnina V. N.* O psihologicheskom soprovozhdenii sotrudnikov pravoohranitel'noj sistemy [On the psychological maintenances of officials in the law-enforcement system]. Prikladnaja juridicheskaja psihologija — Applied Law Psychology, 2009, no. 1, pp. 128–133.

14. *Chepurko Ju. V.* Differencial'no-psihograficheskoe issledovanie individual'no-lichnostnyh osobennostej juristov raznogo profilja [Differantional-psychographic research of personal peculiarity of different profiles lawyers]. *Vestnik Burjatskogo gosudarstvennogo universiteta — Bulletin of the Buryat State University*, 2008, no. 5, pp. 132–136.

15. *Jakovenko L. N.* Mesto i znachenie obshhechelovecheskih cennostej v filosofii obrazovanija [Position and meaning of human values in the philosophy of education]. *Nauchnyj al'manah central'nogo Chernozem'ja — Central Black Soil Science Almanac*, 2015, no. 2, pp. 134–137.

CONVICTS' NOTIONS OF JUSTICE IN THE LEGAL CONTEXT

E. L. Suchkova

Abstract: the article presents the results of an empirical study of convicts' notions of justice in the legal context as part of convicts' group sense of justice. Basic contexts of using the concept of “justice” by convicts, cognitive component of justice notions in the legal context and related to them experiences are described. Social notions of justice are characterized by emotional duality and closely related to the conception of injustice.

Respondents believe that justice give them a wide berth that has significantly determined their fate. The most vivid and frequent used contexts, used by convicts when describing fair and unfair events are the legal context (mostly associated with adjudication) and interpersonal context (mostly in the situation of interaction with other convicts and employees of the penal system). One of the most significant factors for convicts is the legal context where the issue of justice reaches the highest value. Comparative analysis of the structure of convicts notions and law-abiding citizens reveals that convicts and law-abiding citizens as well appreciate the importance of justice for the keeping of peace and order in society and legal regulation of social relations, but convicts evaluate more critically the validity of the existing laws and their enforcement by law enforcement officers than law-abiding citizens.

The findings indicate the dual attitude of convicts to justice. On the one hand, the justice for the convicts is associated with positive moral component of human relations, need for which is so high in the prison society that some of these moral norms and principles are fixed in their own informal norm system. On the other hand, they deny the existence of justice and have their own negative experiences, related to injustice in the legal field. Denying the existence of justice allows convicts to submit society morally deficient, and therefore, to acquit their wrongdoing with the help of their own standards of justice.

Key words: convicts, notions, social notions, justice, injustice, legal field, notions of justice in the legal context, group sense of justice of convicts, emotional experiences, informal regulatory system.

REFERENCES

1. *Lukasheva E. A.* Pravo. Moral'. Lichnost' [Law. Morality. Personality]. Moscow, «Nauka», 1986. 263 p.
2. *Lapaeva V. V.* Sotsiologiya prava [The sociology of law]. Moscow, Norma, 2004. 304 p.
3. *Martynenko B. K.* Spravedlivost' — nasilie — pravosoznanie [Justice — violence — sense of justice]. *Obshestvo i Pravo — Society and Law*, 2012. no 1, pp. 35-39.
4. *Golynchik E. O.* Sotsial'nye predstavlenia o spravedlivosti kak sostsvliaiushchaia pravosoznania. Diss. kand. psikhol. nauk [Social notions of justice as a component of legal consciousness. Kand. psychol. sci. diss.]. Moscow, 2005. 250 p.
5. *Suchkova E. L.* Vliianie kriminogennoi sredy v mestakh lisheniia svobody na pravosoznanie osuzhdennykh [Influence of criminogenic prison environment on convicts' law consciousness]. *Prikladnaia iuridicheskaiia psikhologiya — Applied legal psychology*, 2011. no 2. pp.99-106.
6. *Suchkova E. L.* Vneshnie i vnutrennie uslovia formirovaniia gruppovogo pravosoznania osuzhdennykh [External and internal conditions of formation of a group convicted of justice]. *Prikladnaia iuridicheskaiia psikhologiya — Applied legal psychology*, 2013. no 2. pp.40-47.
7. *Pozdniakov V. M.* Iuridicheskaiia psikhologiya: genesis i perspektivy [Legal psychology: the genesis and prospects]. *Prikladnaia iuridicheskaiia psikhologiya — Applied legal psychology*, 2010. no 2. pp.15-37.
8. *Sochivko D. V.* Problema metodologii prikladnoi (iuridicheskoi) psikhologii [The problem of the methodology applied (legal) psychology]. *Prikladnaia iuridicheskaiia psikhologiya — Applied legal psychology*, 2011. no 2. pp.8-18.
9. *Chernenilov V. I.* Tsvilzatsionnii missia iuridicheskoi psikhologii [Civilizational mission legal psychology]. *Prikladnaia iuridicheskaiia psikhologiya — Applied legal psychology*, 2011. no 1. pp.19-26.
10. *Sukhov A. N.* Sotsial'no-penitentsiarnaia psikhologiya: teoreticheskie i prikladnye aspekty [Social and penitentiary psychology: theoretical and applied aspects]. *Prikladnaia iuridicheskaiia psikhologiya — Applied legal psychology*, 2013. no 1. pp.8-10.
11. *Suchkova E. L.* Predstavlenia o pravovoi deistvitel'nosti uslovno osuzhdennykh [Representations of legal reality of convicts on probation]. *Prikladnaia iuridicheskaiia psikhologiya — Applied legal psychology*, 2012. no 3. pp.153-161.

PSYCHOLOGY OF SOCIAL PHENOMENA AND LIFE QUALITY

THE ORIGIN AND DEVELOPMENT OF VICTIMOLOGY AS A SCIENCE ON VICTIM'S BEHAVIOR: HISTORICAL EXCURSUS

K. N. Arakelyan

Abstract: this article is devoted to the analysis of the origin and development of victimology as a science studying victims including those of criminal and non-criminal

incidents. The author makes an attempt to systematize approaches and tendencies from the historical perspective. Domestic as well as foreign approaches to victimology becoming are examined, comparative analysis of victimology and criminology is presented.

The main approaches to understanding of the historical development of the science on victims are presented in this article. Early studies of victimology were carried out not by criminologists or sociologists and not even by psychologists but by poets, writers and novelists. Victimology as a branch of science began its development since the Second World War. The initiators of the science were Hans von Henting and Benjamin Mendelson. At the early stages of development of victimology, victim was examined in the system of offender- victim, in all early studies in the field the emphasis was put on the role of the offender. Verhaym and Mendelsson were the proponents of the approach that victimology should be regarded as an independent science, outside the system of offender — victim. During that period of development the basic concepts, at which the study should be focusing on — victim's behavior, both general and specific, victimization of a person, as a process of becoming a victim had been highlighted. Since the second half of the 70-th domestic criminologists, lawyers and then psychologists began the researches on victimology's issues. That is why there are a few psychological works in the field of victimization of a person. At the present stage of victimology's development the emphasis is put on psychological researches because they give the opportunity to develop preventive programs.

Key words: victimology, history, criminology, becoming, victims, victimization of the person, victim behavior, victimization, origin of victimology, historical development of victimology, excursus.

REFERENCES

1. *Arakelyan K. N., Hayrapetyan D. R.* Viktimologiya kak aktualnoe napravlenie razvitiya nauki [Victimology as a topical approach in science development] / Nauka i obrazovanie v Artsaxe [Science and education in Artcakh], 3 — 4, 2008g., p. 85 — 90 [na armyanskom yazike] [in Armenian language].

2. *Arakelyan K. N.* Viktimologiya kak otrasal yuridicheskoy psikhologii: ekskurs v istoriyu vozniknoveniya [Victimology as a branch of legal psychology: excursus into the history of beginning] // Sbornik tezisov uchastnikov mejvuzovskoy internet — konferentsii po yuridicheskoy psikhologii [Collection of theses of participants of inter-universities scientific and practical Internet conference on legal psychology]. M.: MGPPU, 2011. — pp. 4 — 8

3. *Varchuk T. V.* Viktimologiya: uchebnoe posobie dlya studentov vuzov, obuchayushihysya po specilanosti yurisprudentsia [Vicimilogy: text book for law students] / YUNITI DANA, Zakon i pravo [Law and order], Moskva, 2008, 191p.

4. *Malkina-Pix I. G.* Psikhologiya povedenii jertvi [Psychology of victim's behavior], Izd — vo Eksmo [Eksmo Pub.], Moskva 2006, 1008p.

5. *Rivman D. V.* Kriminalnaya viktimologiya [Criminal vicnimology], Izd-vo Piter, SPb, 2002, 304p.

6. *Tulyakov V. A.* Viktimologiya/socialnie i krimiologicheskie problem [Victimology: social and criminological problrms], Odessa, Yurid. I — ra, 2000, 336 p.

7. Frank L. V. Viktimologiya i viktimmnost, Uchebnoe posobiye dlya studnetov yuridicheskogo faculteta [Victimology and victimity. Text book for law students], Dushanbe, 1972, 111p.

8. Frank L. V. Poterpevshiy ot prestupleniya i problemi sovetskoy viktimologii [Victims and the problems of Soviet victimology], Izd.-vo «Irfon», Dushanbe, 1977. 237p.

9. Annals of the American Academy of Political and Social Science. 1949.T.261, No 1., pp. 179 – 180. HENTING, HANS VON. The Criminal and His Victim. Pp. VIII, 461. New Haven: Yale University press, 1948

10. Fattah A. Ezzat. Victimology: Past, Present and Future // Criminology, volume 33, No.1, 2000, 17-46 pp

11. Harvey Wallace, Cliff Roberson. Victimology: Legal, Psychological, and Social Perspectives/ Third Edition, by Pearson Education, 2011, 364p

12. John P.J. Dussich. Victimology – Past, Present and Future. 131 ST International Senior Seminar, Visiting Experts' Paper, Resource Material Series, No.70, 2003, Pp. 116 – 129

13. Karmen A. Crime Victims. An Introduction to Victimology // by Brooks/Cole Publishing Company 1995, 560 p.

14. Kelly, D.M. Wertham, Federic. The Show of Violence. [New York: Doubleday and Company, Inc., 1949. Pp.279]. Psychoanalytic Review, 1952, 39. Pp. 394-395

15. Krinchhoff Drijur G.F. Perspectives on Victimology: The Science, the Historical Context, the Present // The paper was published in Kiyo, Journal of the Tokiwa University Mito, College of International Studies, 2006 vol.1

POSSIBILITY TO SET UP A TYPOLOGY OF SOCIO-PSYCHOLOGICAL AND PENAL CHARACTERISTICS OF CONVICTED OF CRIMES OF EXTREMIST NATURE

P. N. Kazberov

Abstract: the problem of extremism and terrorism are at the focus of attention of representatives of different scientific disciplines. Applied importance of psychology in this area is of particularly importance for operational and investigative activities. Situations of almost complete absence of evidences or any other material traces of criminals at locus delicti are rather often for the practice of operational-search activity. Psychological knowledge obtain as the result of scientific study can help operational staff in such situations. The results of generalization of socio-psychological and penal characteristics of convicts serving sentences for crimes of an extremist nature are the case. Characteristics of the suspect are of great importance when there is no any information about the offender. Empirical data received in the course of study of convicts serving the criminal punishment for extremist activities in 2014

made it possible to determine the most typical characteristics of such persons. Psycho diagnostic methods as well as author's questionnaires and question lists were used in the research.

The fact that for the first time in the penitentiary practice empirical data on all convicted persons serving a criminal punishment for extremist activity have been collected attaches importance to the study. Until that time the information was collected only in a number of regions where the convicts of this category served their sentences. Possibility to create convicts' integrated socio-psychological and penal portraits have been realized for the first time. Quantitative characteristic of convicted of extremism are presented in the article and possibility of adding of convicted of terrorism to the sample is discussed as well. The latter is possible due the statement that that terrorism is the most extreme and destructive form of realization of extremist ideas and motives. However, the material of the paper confirms the hypothesis that in spite of apparent homogeneity of different characteristics of these two types of criminals, there are significant differences in their socio-demographic, criminal and penal characteristics. The most significant differences are observed in such socio-demographic characteristics as: relation to the family and friends, education, occupation, manifestation of addictive behavior. Attitude to the past criminal experiences and to own future is of interest as well.

Generalization of materials of psycho diagnostics of convicted of extremist activities makes it possible to identify their typical socio-psychological characteristics. First of all, it is particular manifestation of emotional state, psychological defense mechanisms, self-relation, self-esteem, self-control and self-realization. Ideas of convicts of their own time perspective are of interest.

Based on the article, the conclusion that the attempt to create a typology of socio-psychological and penal characteristics of convicted of crimes of an extremist nature can be drawn. The research makes it possible to determine a number of characteristics that distinguish convicted of extremist activity from other criminal elements.

Key words: manifestations, detection of crime, piece of evidence, the negative effects, offender, imprisonment, penitentiary system, penitentiary psychologists, terrorist, extremist, differences, characteristics, the study.

REFERENCES

1. *Anfinogenov A. I.* Metodika ustanovlenija priznakov prestupnika soprjazhennyh s obstojatel'stvami proisshestvija: uchebno-metodicheskoe posobie [Methods of establishing evidence of criminal associated with the circumstances of the incident: teaching manual] Moscow, Academy of Management MIA Russia, 2003. 73 p.

2. *Bovin B. G., Moskvitina M. M.* Kolichestvennye i kachestvennye izmenenija sostava osuzhdennyh na sovremennom jetape razvitija UIS [Quantitative and qualitative changes in the composition of convicts at the present stage of development]. *Prikladnaja juridicheskaja psihologija* – [Applied legal psychology], . 2015, no. 1, pp. 154-163.

3. *Bocharov A. V., Meshherjakova Je. I., Larionova A. V.* Tipologija psihologicheskikh faktorov otnoshenija studentov k jekstremizmu (po rezul'tatam anketirovanija i

psihodiagnostiki) [Typology of psychological factors of students' attitudes toward extremism (on the results of questionnaires and psycho-diagnostics)]. *Prikladnaja juridicheskaja psihologija* — [Applied legal psychology], 2015, no. 1, pp. 21-33.

4. *Vahnina V. V.* Nekotorye osobennosti preodolenija krizisov peregovornoj dejatel'nosti sotrudnikov policii v situacii zahvata zalozhnikov [Some features of crisis management negotiation activities of police officers in hostage-taking situation]. *Prikladnaja juridicheskaja psihologija* — [Applied legal psychology], 2013, no. 1, pp. 71-75.

5. *Emelin V. A.* Terrorizm kak patologicheskaja forma obretenija identichnosti v uslovijah informacionnogo obshhestva [Terrorism as a pathological form of finding identity in the information society]. *Prikladnaja juridicheskaja psihologija* — [Applied legal psychology], 2010, no. 4, pp. 36-43.

6. *Kazberov P. N.* Metodicheskie osobennosti psihokorrekcionnoj raboty s osuzhdennymi, otbyvajushhimi nakazanie za terroristicheskiju i jekstremistskiju dejatel'nost' [Methodical features of psycho work with inmates serving sentences for terrorist and extremist activity]. *Ugolovno-ispolnitel'naja sistema: pravo, jekonomika, upravlenie* — [The penal system: law, economics, management], 2013, no. 3, pp. 19-21.

7. *Kazberov P. N.* Osobennosti psihologicheskaj raboty s osuzhdennymi za terroristicheskiju i jekstremistskiju dejatel'nost' prikladnaja juridicheskaja psihologija [Features of psychological work with convicted for terrorist and extremist activities applied legal psychology]. *Prikladnaja juridicheskaja psihologija* — [Applied legal psychology], 2013, no. 4, pp. 61-66.

8. *Kazberov P. N., Kulakova S. V., Fadeeva K. F.* O posledstvijah jekstremal'nyh uslovij dejatel'nosti dlja sotrudnikov silovyh struktur [The consequences of the extreme operating conditions for employees of power structures]. *Nauchno-issledovatel'skie publikacii* — [Scientific and research publications], 2014, no. 12 (16), pp. 36-41.

9. *Kiselev A. M.* O psihologicheskaj gotovnosti sotrudnikov i podrazdelenij ugolovno-ispolnitel'noj sistemy k dejstviam v jekstremal'nyh situacijah [On the psychological readiness of employees and departments of the correctional system to act in extreme situations]. *Prikladnaja juridicheskaja psihologija* — [Applied legal psychology], 2014, no. 1, pp. 42-46.

10. *Sochivko D. V.* Psihodinamiki duhovnosti i religioznosti osuzhdennyh molodezhnogo vozrasta [Psychodynamics of spirituality and religiosity condemned youth age]. *Prikladnaja juridicheskaja psihologija* — [Applied legal psychology], 2012, no. 4, pp. 116-126.

11. *Sochivko D. V., Burcev A. O.* Problema psihopatizacii lichnosti osuzhdennyh k lisheniju svobody [The problem psycho-pathyztion of a person sentenced to imprisonment]. *Prikladnaja juridicheskaja psihologija* — [Applied legal psychology], 2014, no. 1, pp. 30-41.

12. *Sochivko D. V., Burcev A. O.* Psihoklinicheskij profil' lichnosti osuzhdennyh v mestah lishenija svobody (ne sostojashhij na medicinskom i profilakticheskom uchete) [Psycho-clinical profile of convicts in prison (not comprised in the medical

and preventive supervision)]. *Prikladnaja juridicheskaja psihologija* — [Applied legal psychology], 2014, no. 4, pp. 51-57.

13. *Sochivko D. V., Gavrina E. E.* Podsoznanie terrorista [Subconscious terrorist]. Moscow, PER SJe, 2012. 192 p.

14. *Sochivko D. V., Tobolevich O. A.* Psihologicheskie osobennosti gendernoj sam-oidentifikacii v strukture samootnoshenija lichnosti osuzhdennyh [Psychological features of gender identity in the structure of the self-identity of convicted]. *Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie* — [Bulletin of the Institute: crime, punishment, correction], 2014, no. 11, pp. 41-46.

15. *Chulisova A. P.* Rol' jetnointegrirujushhih i jetnodifferencirujushhih obrazov prirody v psihokorrekcionnoj rabote s osuzhdennymi za nasil'stvennye prestuplenija [The role of ethnic integration and ethno differentiating images of nature in dealing with psycho convicted of violent crimes]. *Prikladnaja juridicheskaja psihologija* — [Applied legal psychology], 2010, no. 4, pp. 103-113.

PSYCHOPRACTICES

LAGGING IN MENTAL DEVELOPMENT NOT RELATED TO MENTAL DISORDER AS THE BASIS AND CONDITION FOR JUVENILES' EXCLUSION FROM CRIMINAL LIABILITY

V. S. Goldobina

Abstract: the article is devoted to the topical problem in penal practice, namely: exclusion from criminal liability of juveniles who have reached the age of 14–16 but because of lagging in mental development which is not related to mental disorder could not in full realize actual character and public danger of their actions (inactions) or control them during commitment of criminal acts.

Characteristics which legislators attribute to possibility of application of criminal liability for juvenile are discussed in the article. Sufficient level of juvenile's intellectual and will development is compulsory condition for incurring responsibility. The indices of the level indicative of ability to realize the character and danger of own behavior and control behavior in criminal situation are presented.

The problem connected with interpretation of “lagging in mental development not related to mental disorder” notion because of absence of legislatively fixed “sanity” category, the reasons for lagging and its nature are examined in the article. The problems of mental development of juveniles who reach the age of criminal liability but unable to realize the character and danger of their own actions and control them due to lagging in development are analyzed. Factors influencing the lagging in mental development not related to mental disorder (psychological, sociological etc.) are revealed, conclusions based on the analysis of the latter about the influence of certain factors and their set as well on mental development are drawn.

The importance of complex psychological-and- psychiatric expertise for identification and assessment of juvenile's mental development level to determine the sufficient for criminal liability levels of intellectual, will a criminal liability and personal development in order to exclude the cases of objective imputation of individuals with lagging in mental development not related to mental disorder and to ensure the principles of penal and procedural law.

Key words: juveniles, criminal liability, lagging in mental development not related to mental disorder, causes, intellectual and will development, insanity, awareness, ability, age.

REFERENCES

1. Buil'ten' Verkhovnogo Suda [Bulletin of Supreme Court], N 4. April', 2011.
2. *Baibarin A. A.* Psikhicheskaiia nezrelost' [Psychological immaturity]. Zhurnal Biznes v zakone [Business in law]. 2007, №4. Izd. Izdatel'skii dom «Iur-VAK» (Moskva), p. 165
3. *Baibarin A. A.* Psikhicheskaiia nezrelost' [Psychological immaturity], p. 164.
4. *Belomestnova K. S.* Otvastanie v psikhicheskom razvitii, ne sviazannoe s psikhicheskim rasstroistvom: poniatie i ugovovno-pravovoe znachenie [Lagging in mental development not related to mental disorder]. Sibirskii iuridicheskii vestnik [Siberian legal bulletin], №1 (52), 2011, p.82
5. *Gomonov N. D., Bezrukov A. V.* Problemy ugovovnoi otvetstvennosti nesovershennoletnikh s priznakami otstavaniia v psikhicheskom razvitii, ne sviazannogo s psikhicheskim rasstroistvam [Problems of criminal responsibility of juveniles with lagging in mental development not related to mental disorder]. Vestnik MGTU, tom 5, №3, 2002 g. p.479
6. *Gomonov N. D., Bezrukov A. V.* p. 482.
7. *Dozortseva E. G., Fedonkina A. A.* Psikhologicheskie osobennosti nesovershennoletnikh pravonarushitelei s lichnostnoi nezrelost'iu [psychological peculiarities of juvenile offenders with personal immaturity] [Elektronnyi resurs] // Psikhologicheskaiia nauka i obrazovanie Psychological science and education] psyedu.ru.2013.№3. URL:http://psyjournals.ru/psyedu_ru/2013/n3/62522.shtml.
8. *Ignatov A. N.* Kommentarii k Ugolovnomu kodeksu Rossiiskoi Federatsii [Comments to criminal code of Russian Federation], Izd. 3-e, izm. i dop. Pod obshch. red. Iu.I. Skuratova i V.M. Lebedeva. — M.: Izdatel'skaiia gruppa Norma — Infra — M, 2000, p. 24
9. *Kochenov M. M.* Sudebno-psikhologicheskaiia ekspertiza [Forensic psychological examination]. Moskva, 1977. p. 68
10. *Kochenov M. M.*, p. 8.
11. *Luriiia A. R.* Issledovaniia po formirovaniu soznatel'nogo deistviia v rannem vozraste [Study of forming of conscious actions in early ages], sb. «Novye issledovaniia v psikhologii i vozrastnoi fiziologii» [New researches in psychology and age physiology], M., 1972, p. 38
12. *Mastiukova E. M.* Psikhologiia detei s otkloneniami i narusheniami psikhicheskogo razvitiia [Psychology of children with deviations and disorders in mental development]. Pod red. [Ed.] Astapova V. M., Mikadze Iu. V. SPb.: Piter, 2001. p. 170.

13. *Nazarenko G. V.* Ugolovno-relevantnye psikhicheskie sostoiianiia lits, sovershivshikh prestupleniia i obshchestvenno opasnye deianiia [Penal-relevant mental states of individuals who have committed crimes and public dangerous actions]. M. 2001, p. 134

14. *Pavlov V. G.* Sub"ekt prestupleniia [The subject of crime]. — SPb.: Izdatel'stvo «Iuridicheskii tsentr Press», 2001. p.145

15. *Pevzner M. S.* Vvedenie v defektologiiu s osnovami neuro- i patopsikhologii [Introduction to defectology with principles of neuro- and pathopsychology]. Pod red. Astapova V.M. — M.: Mezhdunarodnaia pedagogicheskaiia akademiia, 1994. p.101-112

16. *Ragulina A. V.* Kommentarii k Ugolovnomu kodeksu Rossiiskoi Federatsii [Comments to criminal code of Russian Federation], 4-e izd., pod red. G.A. Esakova, Izd. Prospekt, 2012, s. 9

17. *Sitkovskaia O. D.* Ugolovnyi kodeks Rossiiskoi Federatsii: psikhologicheskii kommentarii [Criminal code of Russian Federation: psychological comments]. M.: «Volters Kluver». 2009, p.37

18. *Sitkovskaia O. D., Konysheva L. P., Kochenov M. M.* Novye napravleniia sudebno-psikhologicheskoi ekspertizy [New approaches in forensic psychological expertise]. M., 2000, p. 86

19. *Sitkovskaia O. D.* Ugolovnyi kodeks Rossiiskoi Federatsii: psikhologicheskii kommentarii [Criminal code of Russian Federation: psychological comments], p.3

20. *Sitkovskaia O. D.* Ugolovnyi kodeks Rossiiskoi Federatsii: psikhologicheskii kommentarii [Criminal code of Russian Federation: psychological comments], p.5

ASSISTANCE TO ADMINISTRATORS

PSYCHODIAGNOSTIC MARKERS OF PHENOMENON OF DISTRUST IN EMPLOYEES OF THE CORRECTOINAL SYSTEM

A. V. Boldyrev, T. A. Boldyreva, L. V. Thorzhevskaya

Abstract: the article is devoted to a specific for penal system professional destruction of personality — the phenomenon of distrust. Under the distrust the authors understand the phenomenon of prevalence of negative expectations in interpersonal communication, that manifest itself in imbalance in the system of trust — distrust towards distrust. The phenomenon of distrust is considered as an important characteristic of pathologizing of employees of the correctional system, involving consolidation of deconstructive patterns of interpersonal interaction outside the profession.

Taking into consideration a few studies of trust-distrust made by A. B. Kupreychenko, T. P. Skripkina, N. G. Sobolev it has been proposed to study the system of employee's relationships and reveal its specific character at four levels. The system of relationships as a system of meanings and values, generalized characteristic of

system of relations in coordinates of trust-distrust, patterns of interpersonal interaction, personal traits and qualities as manifestations of stable patterns of relationships with the outside world are among them.

In accordance with the above levels, psycho-diagnostic program including a number of diagnostics instruments can be formed. The program includes: semantic differential, "Methods of assessing trust / distrust to other people", developed by A. B. Kupreychenko, method for assessing the psychological distance, "Determination of the socio-psychological distance in interpersonal relations", developed by S. V. Duhnovskim, methods of graphical evaluation of psychological distance, developed by E. A. Medvedskaya, diagnostics of interpersonal relations by T. Leary in adaptation of L. N. Sobchik, standardized multi-factor personality questionnaire by R. Cattell (16PF), in adaptation by V. I. Pokhil'ko, A. S. Soloveitchik, A. G. Shmelev.

The investigation of law enforcement personnel makes it possible to identify quantitative indicators of specific to the phenomenon of distrust indices that are measured by mentioned above diagnostics instruments.

Key words: the phenomenon of mistrust, the correctional system, law enforcement officers, the relationship, semantic space, semantic differential, semantic distance, connotative meaning, the subject of work, psychological distance.

REFERENCES

1. *Dukhnovskij S. V.* Psikhologiya otnoshenij lichnosti : monografiya [Psychology relations of a person: monograph]. Kurgan : Izd-vo Kurgan. gos. un-ta [Publishing House of the Kurgan State. University Press], 2014. 380 p.
2. *Kuprejchenko A. B.* Doverie-nedoverie — obshhie i spetsificheskie psikhologicheskie kharakteristiki [Trust-distrust — general and specific psychological characteristics] // Vestn. Ros. un-ta druzhby narodov. Ser. Psikhologiya i pedagogika [Bulletin of Russian Peoples' Friendship University. Series: Psychology and Pedagogy]. 2008. № 2. pp. 46–53.
3. *Ogorodnikov V. I., Mel'nikova Yu. A.* Problemy, sostoyanie i predlozheniya po sovershenstvovaniyu kadrovoj politiki ugovovno-ispolnitel'noj sistemy [Problems, condition and proposals to improve the personnel policy of the correctional system] // Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya [Applied legal psychology]. 2010. № 1. pp. 149–152.
4. *Posokhova S. T.* Lichnostnyj adaptatsionnyj sindrom v ehkstremaal'nykh usloviyakh professional'noj deyatel'nosti [Personal adaptation syndrome in extreme conditions of professional] // Vestn. S.-Peterb. un-ta. Ser. 12: Psikhologiya. Sotsiologiya. Pedagogika [Bulletin of Saint-Petersburg University. Ser. 12: Psychology Sociology. Pedagogy.]. 2011. № 4. pp. 7–13.
5. *Sobolev N. G.* K voprosu o raskrytii ponyatiya «fenomen nedove-riya v ugovovno-ispolnitel'noj sisteme» [On the issue of the disclosure of the concept of "the phenomenon of distrust in the penal system"] // Psikhologicheskoe obespechenie v ugovovno-ispolnitel'noj sisteme [Psychological support in the penitentiary system] / pod red. [ed.] M. G. Debol'skogo. M. : FSIN Rossii, 2007. p. 33–36.
6. *Sherbinina O. A.* Kategoriya «otnoshenie» i analiz vnutrennej pozitsii lichnosti

[The category of "attitude" and the analysis of the internal position of the person] // Vestn. Orenburg. gos. un-ta [Bulletin of the Orenburg State University]. 2015. № 2(177). pp. 201–206.

ASSISTANCE TO YOUNG SCIENTISTS

PSYCHOSEMANTIC ANALYSIS OF INDIVIDUAL LEGAL CONSCIENCE OF LAW ENFORCEMENT OFFICIALS: LONGITUDINAL STUDY

A. M. Ivanova, I. A. Kovalchuk

Abstract: the results of longitudinal psychological study of individual legal conscience law enforcement officials are presented in this article. Questionnaire «Attitude to the law» and methods of learning the semantic structure of individual legal conscience are used as the psychodiagnostic researching tools. The authors proceed from the fact that the semantic area of the individual legal conscience is the spatial model of categoric structure, which describes and differentiates the meaning of individual legal conscience. Sense-making elements (image "I'm a law enforcement official", "Typical law enforcement official", "Ideal law enforcement official", "Negative type of law enforcement official") are basic and actual in the semantic structure of law enforcement official's individual legal conscience. Sense-making elements characterize the law enforcement official's relation to the employment activity and their understanding of social role in the community and are indices of quality of law enforcement official's professional self-determination.

Two-factor model of law enforcement official's individual legal conscience is considered. Semantic structure of this model is represented by factor "Assessment", which reflects the quality of "Good behavior — misbehavior" and by factor "Activity", which characterizes the level of behavioral and social activity. Data about the features of semantic area of "successful" and "unsuccessful" law enforcement official's individual legal conscience is presented.

Results of the longitudinal method are presented in article. They reflect the changes in dynamics of law enforcement official's attitude to legal norms and institutions. The research results of semantic area's content and structure of law enforcement official's individual legal conscience demonstrates changes in the psychosemantic sphere of law enforcement officials that have occurred over the last 10 years.

The use of methodology of researching of the semantic structure of law enforcement official's individual legal conscience allowed to assess qualitatively and quantitatively the degree of awareness, understanding and reflection of personal meanings about moral and legal norms by active law enforcement officials.

In comparison with 2005, decrease of law enforcement official's individual professional conscience is detected. Year by year, law enforcement officials' attitude to

their duties is becoming more formal, superficial. The meaning of employment activity has changed from achieving of high performance and becoming a master in the profession to compliance with regulations and requirements of governing orders.

The actions that were the subject of operational activity of law enforcement officials have changed from obligatoriness to desirableness in active law enforcement officials' views. The mainstream of the employment activity have changed from the protection of rights and interests of citizens to the protection of state interests. The frames of law enforcement officials' acceptable behavior have dangerously extended in everyday life and in the employment activity as well. It was found that a positive attitude to the law of law enforcement officials manifests itself in as legal realism. Legal cynicism is negative attitude to law. It is caused by conviction in law enforcement officials' employment activity.

Key words: law enforcement officials' individual legal conscience, semantic area of the individual legal conscience, attitude toward law and its types, psychological research by longitudinal method.

REFERENCES

1. *Beznosov D. S.* Otnoshenie k pravu kak proyavlenie pravovogo soznaniya kursantov vuzov MVD [Attitude to law as manifestation of legal consciousness in universities students of MFA] RF: dis. ... kand. psikhol. Nauk [PhD thesis]. — SPb, 2004. — 234 p.

2. *Ivanova A. M.* Psikhosemantika individual'nogo pravosoznaniya kursantov obrazovatel'nykh uchrezhdenij MVD Rossii [Psycho semantic of individual legal conscience of universities students of MFA]: dis. ... kand. psikhol. Nauk [PhD thesis]. — SPb.:SPbU MVD Rossii, 2006. — 166 p.

3. *Ivanova A. M.* Psikhosemanticheskaya sfera lichnosti sotrudnikov organov vnutrennikh del: monografiya [Psycho semantic sphere of law enforcement officials: monograph]. — SPb.: Izd-vo SPb un-ta MVD Rossii, 2014. — 132 p

4. *Ivanova A. M.* Psikhosemanticheskie metody analiza v professional'nom psikhologicheskom otbore [Psycho semantic methods of analysis in professional psychological selection]// Psikhologiya XXI veka: materialy V mezhd. nauch.-prakt. konf. molodykh uchenykh [Psychology in XXI century: proceedings of V international scientific-practical conference of young scientists]. S.-Peterb., 19–20 noyab. 2009 g. / Leningr. gos. un-t im. A.S. Pushkina (LGU). — SPb., 2009. pp.154 — 155.

5. *Sochivko D. S., Simakova T. A.* Teoriya i metodika issledovaniya individual'nogo pravosoznaniya i ego infantilizatsii i kriminalizatsii [Theory and methods of study of individual legal conscience and its infantilisation and criminalization]// Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya [Applied legal psychology]. 2015. № 2. p. 24-39.

6. *Strizhov E. Yu.* Nравstvenno-pravovaya nadezhnost' lichnosti: psikhologicheskaya model' i mekhanizmy razvitiya [Moral-law person's reliability: psychological model and mechanisms of development]// Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya [Applied legal psychology]. 2009. № 4. pp. 40-55

DURA LEX SED LEX

VEGETATIVE SUPPORT OF PISTOL-SHOOTERS' SPECIAL WORKING CAPACITY

A. L. Pokhachevskiy, S. M. Smolev, S. V. Stroilov, A. V. Gurskii

Abstract: during examination of vegetative homeostasis of the organism of pistol-shooter athletes at rest and in the process of stress testing, significant adaptations markers are revealed. Special efficiency of shooters is conditioned by indices of orthostatic sympathetic and parasympathetic activity, whereas loading tolerance markers exert a substantially weaker impact. Objective health indicators are not connected with the special efficiency. The meaning and association with it refer to the minimum set of adaptation measures that is essential for the given type of special — athletic performance.

Key words: shooters, pistol-shooter, adaptation reserve, physical efficiency.

REFERENCES

1. *Mikhailov V. M.* Nagruzochnoe testirovanie pod kontrolom EKG: veloergometriya, treadmill-test, step-test, hodba [Stress testing under the supervision of ECG: cycle ergometer test, treadmill test, step test, walking]. Ivanovo, Talka Publ, 2008. 548 p.
2. *Pavlov S. E., Pavlova T. N.* Tekhnologija podgotovki sportsmenov [Technology training athletes]. Schyolkovo, Publisher Marhotin P.Y., 2011. 344 p.
3. *Pokhachevskiy A. L.* Vegetativnyy kontrol serdechnogo ritma v dinamike nagruzochnoy tolerantnosti [Heart rate vegetative control in the loading tolerance dynamics]. Vestnik vosstanovitel'noj mediciny — Bulletin of regenerative medicine, 2013, no. 1, pp. 38 — 43.
4. *Sabirova I. A.* Izuchenie kriteriev kompleksnogo kontrolya strelkov — pistoletchikov [Studying of criteria of gun-shooters complex control]. Uchenye zapiski universiteta imeni P.F. Lesgafta, 2010, Vol. 63, no. 5, pp. 93 — 97.

НАШИ АВТОРЫ

АИПОВА

Марина Маратовна — старший преподаватель кафедры иностранных языков Академии ФСИН России, e-mail: katekozhevnikova@mail.ru.

АКСЕНОВА

Галина Ивановна — доктор педагогических наук, профессор, Академия ФСИН России, e-mail: katekozhevnikova@mail.ru.

АРАКЕЛЯН

Кнарик Нерсесовна — аспирант Санкт-Петербургского Государственного Университета (СПб), e-mail: arakelyan.knarik@gmail.com.

БОЛДЫРЕВ

Анатолий Валентинович — начальник Учебного центра УФСИН России по Оренбургской области, e-mail: miriskaz@yandex.ru.

БОЛДЫРЕВА

Татьяна Александровна — кандидат психологических наук, доцент, кафедры общей психологии и психологии личности Оренбургского государственного университета, e-mail: ttatianna@yandex.ru.

БЕЛЯКОВА

Мария Юрьевна — младший научный сотрудник Лаборатории психологических проблем судебно-психиатрической профилактики ФГБУ «Федеральный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского» Министерства Здравоохранения Российской Федерации, e-mail: aleksandr-dubinskij@yandex.ru.

БУЛЫГИНА

Вера Геннадьевна — кандидат психологических наук, руководитель Лаборатории психологических проблем судебно-психиатрической профилактики, ФГБУ «Федеральный медицинский исследо-

вательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского» Министерства Здравоохранения Российской Федерации; доцент кафедры клинической и судебной психологии факультета юридической психологии Московского городского психолого-педагогического университета, e-mail: ver210@yandex.ru.

ГОЛДОБИНА

Виктория Сергеевна — старший помощник прокурора Корочанского района Белгородской области, e-mail: vikigold@mail.ru.

ГУРСКИЙ

Александр Викторович — доцент кафедры физической подготовки и спорта Академии ФСИН России, e-mail: sport_med@list.ru.

ДУБИНСКИЙ

Александр Александрович — младший научный сотрудник Лаборатории психологических проблем судебно-психиатрической профилактики ФГБУ «Федеральный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского» Министерства Здравоохранения Российской Федерации, e-mail: aleksandr-dubinskij@yandex.ru.

ИВАНОВ

Антон Викторович — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры «уголовного процесса» Университета Управления «ТИСБИ», e-mail: anton.dar2010@yandex.ru.

ИВАНОВА

Александра Михайловна — кандидат психологических наук, доцент кафедры педагогики и социальной психологии Санкт-Петербургского университета МВД России, e-mail: Ivanova_alex@mail.ru.

КОВАЛЬЧУК

Илья Александрович — преподаватель кафедры общей психологии Академии ФСИН России, e-mail: ilijakvlchkrambler.ru.

КАЗБЕРОВ

Павел Николаевич — кандидат психологических наук, начальник центра исследования проблем исполнения уголовных наказаний и психологического обеспечения профессиональной деятельности сотрудников УИС ФКУ НИИ ФСИН России, e-mail: opodnii@yandex.ru.

КУПЦОВ

Иван Иванович — кандидат психологических наук, профессор, профессор кафедры общей психологии Академии ФСИН России, e-mail: Obshajapsihologia@yandex.ru.

КРАСНОЩЕЧЕНКО

Ирина Петровна — доктор психологических наук, директор института психологии ФГБОУ ВПО «Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского», e-mail: krasnoshe4enko@yandex.ru.

ЛЫСЕНКО

Надежда Евгеньевна — медицинский психолог ФГБУ «Федеральный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского» Министерства Здравоохранения Российской Федерации, e-mail: nlisenko@yandex.ru.

ПОЗДНЯКОВ

Вячеслав Михайлович — доктор психологических наук, профессор, ведущий специалист НИИ ФСИН России, профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Российского университета дружбы народов, e-mail: pozdnyakov53@mail.ru.

ПОНОМАРЕВ

Сергей Николаевич — кандидат юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовно-исполнительного права Академии ФСИН России, e-mail: alp_journal@mail.ru.

ПОХАЧЕВСКИЙ

Андрей Леонидович — кандидат медицинских наук, доцент, старший преподаватель кафедры физической подготовки и спорта Академии ФСИН России, e-mail: sport_med@list.ru.

даватель кафедры физической подготовки и спорта Академии ФСИН России, e-mail: sport_med@list.ru.

ПУХАРЕВА

Татьяна Сергеевна — кандидат психологических наук, доцент кафедры общей и социальной психологии АНОО ВПО «Институт экономики и управления в медицине и социальной сфере», Краснодар, e-mail: puchareva@bk.ru.

СМОЛЕВ

Сергей Михайлович — начальник кафедры огневой подготовки Академии ФСИН России; e-mail: sport_med@list.ru.

СТРОИЛОВ

Сергей Валерьевич — заместитель начальника кафедры огневой подготовки Академии ФСИН России; e-mail: sport_med@list.ru.

СУЧКОВА

Елизавета Львовна — кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры организации психологической службы в уголовно-исполнительной системе Вологодского института права и экономики ФСИН России, e-mail: elizavetasuchkova@yandex.ru.

ТХОРЖЕВСКАЯ

Людмила Владимировна — кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии развития личности Института специальной педагогики и психологии (г. Санкт-Петербург), e-mail: lluddmilla@yandex.ru

ФАТКУТДИНОВ

Зуфар Максумович — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой «гражданского права», Университета Управления «ТИСБИ», e-mail: anton.dar2010@yandex.ru.

ЮРЕВИЧ

Андрей Владиславович — доктор психологических наук, член-корреспондент РАН, заместитель директора Института психологии РАН, e-mail: alp_journal@mail.ru.

OUR AUTHORS

AIPOVA

Marina Maratovna — senior lecture, foreign languages chair, Academy of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation, e-mail: katekozhevnikova@mail.ru.

AKSENOVA

Galina Ivanovna — Sc.D. (pedagogy), professor, Academy of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation, e-mail: katekozhevnikova@mail.ru.

ARAKELYAN

Knarik Nersessovna — post-graduate, Sankt-Petersburg State University, e-mail: arakelyan.knarik@gmail.com.

BOLDYREV

Anatoliy Valentinovich — head of educational centre of Federal Penitentiary Service of Russia in Orenburg region, e-mail: miriskaz@yandex.ru.

BOLDYREVA

Tat'yana Aleksandrovna — PhD, associate professor, general psychology and psychology of personality chair, Orenburg State University, e-mail: ttianna@yandex.ru.

BELYAKOVA

Mariya Yur'evna — junior Research Associate, Laboratory of Psychological Problems of Forensic Psychiatric Prevention, Federal State Budgetary Institution "V. Serbsky Federal Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology" of the Ministry of Health of the Russian Federation, e-mail: aleksandr-dubinskij@yandex.ru.

BULYGINA

Vera Gennad'evna — PhD, associate professor, Head of the Laboratory of Psychological Problems of Forensic Psychiatry Prevention, Federal State Budg-

etary Institution "V. Serbsky Federal Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology" of the Ministry of Health of the Russian Federation; associate professor, clinical and forensic psychology chair, legal psychology department, Moscow City Psychological and pedagogical university, e-mail: ver210@yandex.ru.

GOLDOBINA

Viktoriya Sergeevna — senior assistant prosecutor, Korochansk area, Belgorod region, viki gold@mail.ru.

GURSKY

Aleksandr Viktorovich — associate professor, physical training and sport chair, Academy of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation, e-mail: sport_med@list.ru.

DUBINSKY

Aleksandr Alexandrovich — Junior Research Associate, Laboratory of Psychological Problems Forensic Psychiatric Prevention, Federal State Budgetary Institution "V. Serbsky Federal Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology" of the Ministry of Health of the Russian; e-mail: aleksandr-dubinskij@yandex.ru.

IVANOV

Anton Viktorovich — PhD, associate professor, criminal process chair, University of Management "TISBI", e-mail: anton.dar2010@yandex.ru.

IVANOVA

Aleksandra Michaylovna — PhD, associate professor, pedagogy and social psychology chair, Sankt-Petersburg University of MIA, e-mail: Ivanova_alex@mail.ru.

KOVALCHUK

Il'ya Aleksandrovich — lecture, general psychology chair, Academy of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation, ilijakvlchk@rambler.ru.

KAZBEROV

Pavel Nikolaevich — PhD, Head of the centre for study of penitentiary system problems and psychological support of professional activity of law enforcement officials, e-mail: opodnii@yandex.ru.

KUPTSOV

Ivan Ivanovich — PhD, professor, general psychology chair, Academy of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation, e-mail: Obshajapsihologija@yandex.ru.

KRASNOSCHECHENKO

Irina Petrovna — Sc.D. (psychology), Director of Institute of psychology, FSFEE HPE Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky, e-mail: krasnoshe4enko@yandex.ru.

LYSENKO

Nadezhda Evgen'evna — Medical psychologist, Federal State Budgetary Institution "V. Serbsky Federal Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology" of the Ministry of Health of the Russian Federation; e-mail: nlienko@yandex.ru.

PONOMAREV

Sergey Nikolaevich — PhD, professor, penal law chair, Academy of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation, e-mail: alp_journal@mail.ru.

POZDNYAKOV

Vyacheslav Michailovich — Sc.D. (psychology), professor, leading specialist of the Research Institute of the Federal Penal Correction Service, professor of criminal law, criminal procedure and criminalistics chair, Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia, e-mail: pozdnyakov53@mail.ru.

POKHACHEVSKIY

Andrey Leonidovich — PhD (medicine), associate professor, senior lecture,

physical training and sport chair, Academy of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation, e-mail: sport_med@list.ru.

PUKHAREVA

Tat'yana Sergeevna — PhD, associate professor, general and social psychology chair, Institute of economics and management in medicine and social sphere, Krasnodar, e-mail: puchareva@bk.ru.

SMOLEV

Sergey Mikhaylovich — head of department of fire training of the Academy of the FPS of Russia, e-mail: sport_med@list.ru.

STROILOV

Sergey Valer'evich — deputy head of department of fire training of the Academy of the FPS of Russia, e-mail: sport_med@list.ru.

SUCHKOVA

Elizaveta L'vovna — Phd, associate professor, organization of psychological service in penal system chair, Volgograd Institute of Law and economics, FPS of Russia, e-mail: elizavetasuchkova@yandex.ru

THORZHEVSKAYA

Ludmila Vladimirovna — PhD, associate professor, development of personality chair, Institute of Special Pedagogy and Psychology, Sankt-Petersburg, e-mail: lludmilla@yandex.ru.

FATKUTDINOV

Zufar Maksumovich — Sc.D. (law), professor, head of civil rights chair, University of Management "TISBI", e-mail: anton.dar2010@yandex.ru.

YUREVICH

Andrey Vladislavovich — Sc.D. (psychology), corresponding member of RAS, deputy Director of Institute of Psychology RAS, e-mail: alp_journal@mail.ru.

Уважаемые авторы!

При направлении материалов в журнал просим Вас соблюдать следующие условия.

1. Редакционная коллегия журнала рассматривает только материалы, направленные на электронный адрес редакции (**alp_journal@mail.ru**) в следующих объемах: статья—8–12 страниц, обзор, рецензия, информация—не более 5 страниц, иные материалы—по согласованию с редакцией.

2. Текст должен быть набран в редакторе MS WORD, формат страницы А-4, 1,5 интервала; шрифт Times New Roman (размер 14); поля: слева 3 см, сверху, справа и снизу—2 см.

3. Статья должна включать следующие элементы издательского оформления:

✓ Индекс УДК.

✓ Заглавие. Подзаголовочные данные (на русском и английском языках). Ф.И.О. автора (авторов) кириллическим и латинским шрифтом. На латинский шрифт Ф.И.О. автора переводится через систему транслитерации. Рекомендуем использовать систему на сайте <http://www.translit.ru> (Примечание. После загрузки программы Translit.ru. выберите в поле «варианты...» систему Библиотеки Конгресса (LC), потом вставьте в специальное поле весь текст скопированной информации на русском языке и нажмите кнопку «в транслит»).

✓ Реферат на русском и английском языках (не менее 200–250 слов).

✓ Не менее 5–8 ключевых слов или словосочетаний (на русском и английском языках).

✓ Список литературы на русском языке, оформленный в соответствии с текущим ГОСТом, и на английском языке, оформленный в соответствии с нижеуказанными правилами.

4. Литература приводится в конце статьи. В начале списка нормативно-правовые акты, далее в алфавитном порядке.

5. При использовании нормативного акта следует указать в тексте его вид (Федеральный закон, Указ Президента Российской Федерации и т.д.), дату принятия (день—цифрами, месяц—словом, год—четырьмя цифрами, т.е., например, 12 декабря 2003 г.), полное наименование.

6. В списке литературы необходимо указывать название публикации, источник (для периодических изданий)—место (издательство), год, номер (для периодических изданий), страницы. Постраничные и концевые сноски не допускаются.

7. Ссылки в тексте приводятся в квадратных скобках, где указывается номер источника из списка литературы и номер страниц [1; с. 3–5].

8. К статье необходимо приложить сведения об авторах: фамилия и инициалы автора, должность и место работы (с официальным наименованием учреждения), ученая степень и ученое звание (при наличии), контактные данные: телефон(ы) и факс (с кодом); адрес электронной почты (обязательно действующий), почтовый адрес, сфера научных интересов (несколько предложений), также фотографию в электронном виде.

9. На последней странице в обязательном порядке автор подписывает материал и ставит дату его отправки.

10. Материалы аспирантов, соискателей и студентов принимаются при наличии рекомендации соответственно кафедр вузов, отделов научно-исследовательских учреждений. Публикуются бесплатно.

11. Об отказе в публикации и его основаниях авторы извещаются по электронной почте.

Требования к реферату

В реферате не должно быть общих, ничего не значащих слов, увеличивающих объем, но не способствующих раскрытию содержания и сути статьи. Он должен быть лаконичен и четок, свободен от второстепенной информации, отличаться убедительностью формулировок. Реферат должен излагать существенные факты работы, и не преувеличивать или содержать материал, который отсутствует в основной части работы.

Реферат на английском языке в обязательном порядке должен быть:

- информативным (не содержать общих слов), чтобы дать возможность установить основное содержание документа.
- содержательным (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);
- структурированным (следовать логике описания результатов в статье);
- написан качественным английским языком;
- компактным (укладываться в объем от 200 до 250 слов).

Оформление библиографических ссылок и примечаний в романском алфавите

Пристатейный список литературы в романском алфавите, озаглавленный как **REFERENCES**, составляется **в порядке полностью идентичном русскоязычному варианту с аналогичной нумерацией**. References помещается после списка литературы на кириллице.

References должен быть оформлен согласно следующим правилам:

1. Авторы (транслитерация), название статьи в транслитерированном варианте [перевод названия статьи на английский язык в квадратных скобках], название русскоязычного источника [транслитерация] [перевод названия источника на английский язык — парафраз (для журналов можно не делать)], выходные данные с обозначениями на английском языке.

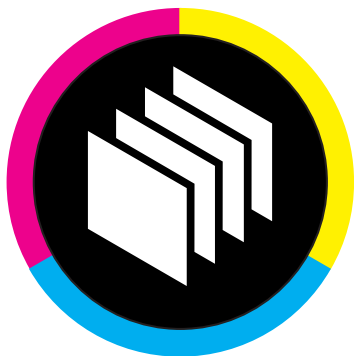
2. Запрещается использовать знаки «//» и «-» для разделения структурных элементов библиографического описания.

Пример:

Author A. A., Author B. B., Author C. C. Title of article. *Title of Journal*, 2005, vol. 10, no. 2, pp. 49–53.

Правила транслитерации

Для транслитерации с кириллического алфавита в романский необходимо использовать автоматические системы транслитерации и переводчика. Рекомендуется пользоваться системой на сайте <http://www.translit.ru/>.

ТИПОГРАФИЯ
ПРИЗ

ПЕЧАТЬ НА ПЯТЬ С ПЛЮСОМ!

8 (800) 775-12-04 многоканальный
www.prizprint.ru